

**Нижегородский институт управления – филиал
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

На правах рукописи

Строков Алексей Александрович

**ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры
Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Ивашевский Станислав Леонидович

Нижний Новгород - 2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Цифровая культура и цифровизация образования	20
1.1. Цифровая культура как характеристика современности.....	20
1.2. Основные направления цифровизации образования.....	38
1.3. Теоретико-методологические основания гуманитарной экспертизы цифровых реформ отечественного образования.....	64
Глава II. Ценности российского образования в цифровом пространстве современной культуры	82
2.1. Гуманизм в цифровой культуре.....	82
2.2. Национально-культурная идентичность и патриотизм в условиях цифровизации образования.....	103
2.3. Развитие интеллекта и творческих способностей в цифровой образовательной среде.....	120
Заключение	139
Библиографический список	145

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена особой ролью образования в жизни современного общества, ориентирующегося на принципы и ценности постиндустриальной эпохи. От эффективности функционирования системы образования, во многом, зависит качество человеческого потенциала, готовность людей противостоять природным и культурным вызовам. Условия, в которых Россия находится на современном этапе развития, обусловили возникновение необходимости в совершенствовании национальной образовательной системы. В этом аспекте Россия присоединилась к болонскому процессу, направленному на гармонизацию систем высшего образования с целью создания единого образовательного пространства. Перед нашим высшим образованием встала задача достижения стандартов высокого качества, позволяющих конкурировать с другими европейскими государствами.

Реалии современности таковы, что основной чертой образования является его глобальность, обусловленная происходящими в мире интеграционными процессами и взаимодействием государств в разных областях жизни общества. Таким образом, образование постепенно из национальных приоритетов развитых стран переходит в мировые приоритеты.

Качество образовательного процесса неизбежно влияет на укомплектованность государства специалистами в будущем, в связи с чем данным проблемам необходимо уделять особое внимание. В процессе совершенствования национального образования с каждым годом все большую роль приобретают современные технологии, внедрение которых способствует модернизации и развитию образовательной сферы, а также повышению качества подготовки будущих специалистов и сближению образования с наукой. В то же время, такие технологии во многом требуют пересмотра существующих подходов к образовательной деятельности, а также анализа их влияния на культуру и отдельные социальные группы. В

связи с этим изучение вопросов технологизации образовательного процесса и ее последствий для культуры представляется весьма актуальным направлением научных исследований.

Сегодня в качестве нового направления в развитии отечественного образования выделяется цифровизация. Она охватывает все сферы культуры, внося изменения в рабочие процессы, межличностную коммуникацию, времяпрепровождение людей, изменяя их взгляды и образ жизни. Данный процесс, являясь глобальным, требует тщательного научного изучения.

Человечество всегда стремилось усовершенствовать процесс социализации молодого поколения. Как результат этой устремленности возникла система образования, являющаяся важнейшим звеном в становлении личности, формировании ее гражданских и профессиональных качеств. Взяв на себя столь важную миссию, образование превратилось в объект постоянных экспериментов и нововведений. Вполне естественно то, что с развитием общества, отдельных сторон его жизнедеятельности меняются и требования к системе образования. Так же как не остановить развитие культуры, не остановить и изменения в ожиданиях от деятельности институтов образования, попытки модернизации этой сферы. Стоит отметить, что часто политические проекты модернизации не опираются на научную проработку сущности предлагаемых новаций, их социальных последствий. В этой связи, нам представляется актуальным обратиться к проблеме «цифровых» реформ отечественного образования. На наш взгляд, они являются очень противоречивыми и требующими глубокого научного обоснования.

Активное распространение цифровой культуры, несомненно, оказывает все возрастающее воздействие на социальные процессы во всех областях человеческой жизни. Характер этого воздействия носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, развитие цифровых технологий оценивается как прогрессивный шаг к открытому, глобальному обществу, опирающемуся на общность целей и ценностей. С другой стороны, имеет

место критика процессов цифровизации, ведущих к манипуляциям сознанием, утрате человеком собственного «Я», кризису идентичности.

Внедрение технологий в различных сферах жизни общества всегда сопровождается изменениями, поскольку сталкивается новое и старое (традиционное). Таким образом, инновации следует рассматривать как процесс «творческого разрушения» и, одновременно созидания. В связи с этим технологические достижения и разработки неизбежно влекут за собой разного рода конфликты и проблемы.

Степень разработанности проблемы.

В истории философской мысли не раз поднимался вопрос о неоднозначности технологических новаций в культуре и жизни общества. Опасения Э. Тоффлера по поводу будущего, шокирующего чрезмерностью техно-социальных изменений¹, идеи М. Хайдеггера об ограниченности инструментального отношения к технике и значения осознания ее сущности², К. Шваба об особенностях «четвёртой промышленной революции»³, Э. Шмидта и Дж. Коэна о последствиях становления цифровой культуры⁴, Дж. Каплана о неутешительных перспективах человеческого интеллектуального труда⁵ и др. не снизили темпы социокультурных экспериментов. Одной из наиболее востребованных площадок для реализации новационных идей была и остается система образования.⁶

Определенное нами направление исследований опирается на опыт интеллектуального переживания за будущее культуры, человека и человечества в связи с развитием технологизации отношений людей,

¹Тоффлер Э. Шок будущего: пер с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 557 с.

² Хайдеггер М. Вопрос о технике / «Время и бытие» (статьи и выступления). – М.: Республика, 1993. – С. 121-137.

³ Шваб К. Четвёртая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 288 с.

⁴ Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, ИвановиФербер, 2013. – 368 с.

⁵ Kaplan J. Humans need not apply: A guide to wealth and work in the age of artificial intelligence. - New Haven, CT: Yale University Press, 2015. – 256 p.

⁶Lundie D. The givenness of the human learning experience and its incompatibility with information analytics // Educational Philosophy and Theory. – 2015. – P. 1-14.

нашедший воплощение в творчестве Н.А. Бердяева, Ж. Бодрийяра, Н. Лумана, М. Маклюэна, Г. Маркузе, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Тойнби, Э. Тоффлера, В.Э. Франкла, Э. Фромма, С. Хантингтона, О. Шпенглера.

Анализ нового технологического уклада жизни современного общества и его влияния на культуру и человека получил развитие в трудах В.Г. Буданова⁷, В.А. Емелина⁸, В.А. Кутырева⁹, Л.В. Орловой¹⁰, Т.В. Свадьбиной¹¹, Н.Л. Соколовой¹², Г.У.Солдатовой¹³, В.С. Степина¹⁴, А.Н. Фортунатова¹⁵.

Значительный интерес для данной работы вызвали различные характеристики цифровизации гуманитарных наук, представленные в исследованиях К. Мурашевой¹⁶, Ю.Ю. Петрунина¹⁷, А.И. Ракитова¹⁸, Е.В. Самостиенко¹⁹, Г.Л. Тульчинского²⁰, Б.Г. Юдина²¹.

⁷ Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. – 2016. – № 6. – С. 47-55.

⁸ Емелин В.А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества / Дисс. ... докт. философ. наук: 09.00.08. – М., 2017. – 435 с.

⁹ Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб: Издательство «Алетейя», 2009. – 496 с.

¹⁰ Орлова Л.В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие / Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 308-310.

¹¹ Свадьбина Т.В., Немова О.А. Киборг против человека - вызов брошен // Философия социальных коммуникаций. – 2015. – № 3 (32). – С. 58-66.

¹² Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Цифровая культура. – 2012. Выпуск № 3(8). – С. 6-10: [Эл. ресурс] URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 12.04.2020)

¹³ Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. - 375 с.

¹⁴ Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.:СПбГУП, 2011. – 408 с.

¹⁵ Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. – Н. Новгород: ННГУ, 2009. – 212 с.

¹⁶ Мурашева К. Digital Humanities — что это? [Эл. ресурс] URL: <https://sciencepop.ru/digital-humanities-что-это/> (дата обращения 12.04.2020)

¹⁷ Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект: ключ к будущему? // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 96-113.

¹⁸ Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки – 2016. – № 6. – С. 32-46.

¹⁹ Самостиенко Е.В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 37-45.

Цифровизация в сфере образования привлекает внимание мировой научной мысли с конца 90-х годов XX века. Философское осмысление проблем цифрового общества, воздействия новых технологий на человека представлено в исследованиях Р. Барлоу²². Дж. Браун ставит вопрос об изменениях «экосистемы» образования под воздействием цифровизации²³. Д. Тапскотт определяет особенности нового поколения обучающихся, называя его «сетевым поколением» («N-Gen – NetGeneration»)²⁴. Критический анализ процесса цифровизации в сфере образования представлен в работах Н. Негропonte²⁵. О необходимости переосмысления образования в эпоху цифровых технологий пишут А. Коллинз и Р. Халверсон²⁶.

Следует отметить значительный вклад в исследование проблем цифровизации и влияния цифровой культуры на процессы, происходящие в системе образовании отечественных ученых Т.С. Ахромеевой²⁷, А.А. Гофмана²⁸, Д.И. Дубровского²⁹, Г.Г. Зейналова³⁰, В.А. Кутырева³¹,

---

²⁰Тульчинский Г.Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. – 2018. – № 11. – С. 28–43.

²¹ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей / Отв. ред. П.Д. Тищенко. – М.:Изд. дом «Навигатор», 2014. – С. 159-173.

²² Barglow R. The Crisis of the Self in the Age of Information: Computers, Dolphins and Dreams. - London - N.Y.: Routledge, 1994. - 227 p.

²³ Seely Brown J. Growing up digital: How the web changes work, education, and the ways people learn // Change The Magazine of Higher Learning. – 2000. – № 32. – P. 10-20.

²⁴ Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. – New York; London: McGraw Hill, 1998. – 256 p.

²⁵ Negroponte N. Being Digital, First Vintage Books [Электронный ресурс] // (<http://governance40.com/wp-content/uploads/2018/12/Nicholas-Negroponte-Being-Digital-Vintage-1996.pdf>) (дата обращения: 20.12.2019).

²⁶ Collins A., Halverson R. Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling. – New York: Teachers College Press, 2009. [Эл. ресурс] – Режим доступа: https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WXNzKm4MEs&rank=1 (дата обращения: 20.01.2020).

²⁷ Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 104-120.

²⁸ Гофман А.А., Тимошук А.С. Цифровизация: между технологическими компетенциями и технократизмом // Социальная компетентность. – 2020. – Т. 5. № 1. – С. 54-64.

Е.В. Масланова³², Д.А. Мачерет³³, Ю.Ю. Петрунина³⁴, А.И. Ракитова³⁵, А.С. Тимощука³⁶, Г.Л. Тульчинского³⁷, А.Г. Чернышова³⁸.

Теория и методология гуманитарной экспертизы – объект пристального внимания отечественной науки 1990-х – 2000-х годов. В трудах И.И. Ашмарина³⁹, В.И. Бакштановского⁴⁰, А.А. Воронина⁴¹, С.Л. Братченко⁴², Л.Г. Ионина⁴³, С.М. Климовой⁴⁴, В.П. Козырькова⁴⁵, В.А. Лукова⁴⁶,

²⁹ Дубровский Д.И. Электронная культура. Кто против? // *Философские науки*. – 2017. – № 2. – С. 50-57.

³⁰ Зейналов Г.Г. Смешанная объективно-виртуальная реальность как технологическая платформа развития современного образования // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2019. – № 10. – С. 33-36.

³¹ Кутырев В.А. О судьбе управления и права в цифровом обществе // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2019. – № 1 (45). – С. 278-281.

³² Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. – 2019. – Т.2, №1. – С. 6-21.

³³ Мачерет Д.А. «Цифровой социализм» или расширение свободы индивида? // *Общественные науки и современность*. – 2019. – №2. – С. 54-65.

³⁴ Петрунин Ю. Ю. Искусственный интеллект: ключ к будущему? // *Философские науки*. – 2018. – №4. – С.96-113.

³⁵ Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // *Философские науки*. – 2016. – №6. – С. 32-46.

³⁶ Тимощук А.С. Информатизация образовательной среды: борьба за внимание молодёжи // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. – 2020. – № 1 (27). – С. 91-105.

³⁷ Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // *Философские науки*. – 2017. – № 6. – С. 121–136.

³⁸ Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // *Власть*. – 2018. – №5. – С. 13 -21.

³⁹ Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // *Человек*. – 1997. – № 3. – С. 76–86.

⁴⁰ Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. – М.: Политиздат, 1983.- 224 с.; Тетради гуманитарной экспертизы (2). Медиа этос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов. Попытка понимания. (Материалы семинара) / Отв. ред. В.И. Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999. – 95 с.

⁴¹ Воронин А.А. Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы // *Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы. Биоэтика и гуманитарная экспертиза*. Вып. 7 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М.: ИФРАН. – С. 87-112; Воронин А.А. Контуры гуманитарной экспертизы // *Человек*. – 2014. – № 1. – С. 81-91.

⁴² Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: методическое пособие. — СПб.:СПбГУПМ, 2003. – 56с.

⁴³ Ионин Л.Г. Понимание и экспертиза // *Вопросы философии*. – 1991. – № 10.

⁴⁴ Климова С.М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // *Философские науки*. – 2017. – № 4. – С. 68-80.

Г. Скирбекка⁴⁷, А.Б. Франца⁴⁸, Б.Г. Юдина⁴⁹ гуманитарная экспертиза представлена как вариант оценки какого-либо социального проекта с позиций его соответствия интересам личности, идеям, ценностям и моделям позитивного развития общества и культуры.

В отечественной философской традиции идеи национальных особенностей российского образования, наличия в нем традиционных ценностей, направляющих развитие всей отечественной культуры, отстаивали И.А. Ильин, И.В. Киреевский, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, А.С. Хомяков, П.Д. Юркевич.

Большое значение для осознания специфики подходов к анализу ценностей отечественного образования в истории русской философии имеют труды А.Ф. Замалева⁵⁰, М.А. Маслина⁵¹, О.В. Парилова⁵², И.А. Треушников⁵³, Л.Е. Шапошников⁵⁴.

Традиционные ценности российского образования получили обоснование и представлены как основа для оценки социальных процессов,

⁴⁵ Козырьков В.П. Социальная и социально-гуманитарная экспертиза: Учебное пособие (по материалам лекций). – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2017. – 182 с.

⁴⁶ Луков В.А. Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Проблемы гуманитарной экспертизы. – 2006. – № 4. – С. 197-200.

⁴⁷ Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы // Человек. – 1991. – № 1. – С. 86-94.

⁴⁸ Франц А.Б. Кто закажет экспертизу? / Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1992. – С.210-215.

⁴⁹ Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. URL: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin

⁵⁰ Замалева А.Ф. Курс лекций по истории русской философии. – СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2009. – 238 с.

⁵¹ История русской философии: Учебник для вузов / Под редакцией Маслина М.А. – М.: Республика, 2001. – 639 с.

⁵² Парилов О.В. Русская идея: от Древней Руси к Новому времени: Монография. – Н.Новгород: НПА, 2005. – 256 с.

⁵³ Треушников И.А. Проблема «Запад-Восток» в философии всеединства (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский): Монография. – М.: Изд. дом «Городец», 2009. – 320 с.

⁵⁴ Шапошников Л.Е. Персоналистические центры русской религиозной философии XIX-XX вв.: Монография. – Н.Новгород, 2015. – 390 с.; Шапошников Л.Е., Парилов О.В., Пушкин С.Н. Проблема соотношения общечеловеческого и национального в истории русской мысли. – Н. Новгород, Москва: НГПУ им. Козьмы Минина, «ФЛИНТА», 2020. – 324 с.

связанных с развитием человека и общества в трудах А.М. Дорожкина⁵⁵, С.Л. Ивашевского⁵⁶, А.А. Касьяна⁵⁷, Н.Д. Никандрова⁵⁸, Е.П. Савруцкой⁵⁹, И.И. Сулимы⁶⁰, А.А. Терентьева⁶¹. В таком контексте, на наш взгляд, противоречивость цифровизации образования может получить определенность оценкой своей эффективности и целесообразности в широком историко-культурном пространстве страны и всего человечества.

Объект исследования: цифровая культура современного российского общества в динамике ее влияния на модернизацию сферы образования.

Предмет исследования: особенности диалектического взаимодействия цифровой культуры и традиционных ценностей российского образования.

Основной целью исследования является определение направлений развития цифровой культуры на основе анализа и оценки ее взаимодействия с ценностями отечественного образования.

Реализация цели обусловила постановку и решение следующих **задач**:

---

⁵⁵ Дорожкин А.М. О смысле модернизации образования // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 4 (4). – С. 63-67.

⁵⁶ Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России: Монография. – Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. – 252 с.

⁵⁷ Касьян А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение: Монография. – Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. – 184 с.

⁵⁸ Никандров Н. Ценности в системе образовательной культуры России / Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии. Монография. Кол.авт.; Под общ. ред. О.А. Колобова. – Бейрут/Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – С. 189-195.

⁵⁹ Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Викулина М.А., Макшанцева Н.В. Институты образования и молодежь: на пути устойчивого развития общества: Монография / Под общей ред. Е.П. Савруцкой. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – 185 с.; Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Никитин А.В., Устинкин С.В. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1 / Под общей ред. Савруцкой Е.П. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – 268 с.; Дорожкин А.М., Савруцкая Е.П. Проблемное поле отечественного гуманитарного образования // Нижегородское образование. – 2013. – № 1. – С.10-20.

⁶⁰ Сулима И.И. Антропология диалектики образования и традиции // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – № 3(11). – С.3-12; Сулима И.И. Бытийный статус языка в образовании [Эл. ресурс] // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7. № 4. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1047/762> (дата обращения: 27.01.2020).

⁶¹ Терентьев А.А. Российская школа: становление, развитие, перспективы (социально-философские проблемы). – Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 1997. – 119 с.; Терентьев А.А. Российская цивилизация: уроки исторического опыта и современности. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 416 с.

1. определить особенности цифровой культуры современного российского общества в динамике ее воздействия на сферу образования;
2. выявить основные направления цифровизации отечественного образования, представить их объективный анализ;
3. определить возможности гуманитарной экспертизы как научной оценки «цифровых реформ» отечественного образования;
4. обосновать роль традиционных ценностей российской образовательной культуры в проведении гуманитарной экспертизы и совершенствовании цифровых новаций в системе образования;
5. выявить основные противоречия в развитии цифровой культуры, определить направления ее совершенствования.

Методология и методы исследования.

Исследование опирается на теоретические положения российских и зарубежных ученых в области философии культуры и философской антропологии, социальной философии, философии и социологии образования. В работе применены системный и диалектический подходы. Они определены целью и задачами философско-культурологического подхода к исследованию проблемы цифровизации образования в условиях развития современного общества и повсеместного внедрения новых информационно-коммуникативных технологий. Применение метода восхождения от абстрактного к конкретному осуществляется в концептуально обоснованном использовании моделей технократического общества в формировании конкретных форм образовательных практик и неоднозначных в своем развитии человеческих качеств, возникающих под влиянием новационных форм организации и реализации образовательных реформ.

Использованный аксиологический подход направляет внимание исследования на изучение ценностей как смыслообразующих основ модернизации образования. Введение в проблематику философско-культурологического подхода к исследованию роли цифровых технологий в

формировании образа культуры будущего, связанную с необходимостью теоретических обобщений и практической реализации управления процессами цифровизации применительно к новым условиям цивилизационного развития общества, опирается на использование междисциплинарного подхода.

В работе использованы методы диалектики познания культуры, анализ философской, социологической, педагогической литературы, относящейся к исследуемой проблеме; анализ статистической и документальной информации, сравнительный анализ пакета государственных документов, определяющих политику и практику реформирования образования; индукция и дедукция, сравнение, аналогия, экстраполяция, синтез и моделирование социально-культурных процессов.

Принципы объективности, системности и историзма выступают в качестве ключевых философско-методологических принципов исследования.

Основная **гипотеза** исследования заключается в предположении о возможности совершенствования процесса цифровизации отечественного образования посредством его координации с ценностями образовательной культуры, развития цифровой культуры общества на основе традиционных ценностей образования. Оформление ценностных оснований цифровизации образования позволит выработать единство ориентиров развития национальной системы образования, внедряемых в ее жизнь новаций.

Научная новизна работы заключается в том, что:

- определены особенности цифровой культуры современного российского общества в динамике ее воздействия на сферу образования;
- выявлены основные направления цифровизации отечественного образования, представлен их объективный анализ;
- определены возможности гуманитарной экспертизы как научной оценки «цифровых реформ» отечественного образования;

– обоснована роль традиционных ценностей российской образовательной культуры в проведении гуманитарной экспертизы и совершенствовании цифровых новаций в системе образования;

– выявлены основные противоречия в развитии цифровой культуры, определены направления ее совершенствования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основными особенностями цифровой культуры современного российского общества являются: технологическая зависимость человека, появление особого языка социальных коммуникаций, упрощение форм социальной и личной жизни человека, программируемость человеческого поведения, формализация коммуникационных процессов, ослабление их этического содержания, преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры. Между тем, цифровая культура как цельное явление не сложилась. Она находится в процессе становления, обретения направляющих ее развитие ценностей. К таким ценностям она становится сопричастной в сфере образования, в ходе развития цифровизации учебных заведений. Цифровая культура не должна замещать образовательную культуру, а органически должна быть включена в нее, став одним из направлений развития образования, его технологическим приложением.

2. Цифровая модернизация образования в нашей стране носит «неорганический» характер. Политика цифровизации не системна, не объединена общим ценностно-смысловым началом. Она технологична и инструментальна, т.е. направлена на накопление новых технических средств при отсутствии системного видения необходимости, способов и последствий их применения для культуры. Ситуация, в которой цифровые новации становятся самоцелью, для них меняется вся структура образовательного процесса, нарушается наработанный многими годами учебный и воспитательный процесс, требует ценностной переориентации. Необходимыми видятся не только преобразования образовательного

процесса для применения в нем цифровых технологий, но и преобразования цифровых технологий для их адекватного использования в образовательном процессе. При всем своем образовательном потенциале цифровые технологии не могут полностью заменить собой учебно-воспитательную работу, они ограничены своим функционалом и являются элементом в системе образования, который должен найти рациональное сочетание с базовыми установками системы.

3. Гуманитарная экспертиза как научная оценка является необходимым этапом формирования цифровой культуры. Такая экспертиза способна придать культуре целостность через определение системы объединяющих ценностей. Культура – это лучшее из созданного человеком, но это лучшее нуждается в определении. Становление и развитие культуры возможно при наполнении всего объема новых результатов человеческой деятельности общим смыслом, определением их действительной значимости, ценности для человека и общества. В этой связи возникает задача актуализации базовых оснований культуры и анализ всех новых технологических явлений с позиции их соответствия приоритетам развития национальной культуры.

4. Формирование цифровой культуры в образовании, во многом, определяется экспертной деятельностью ученых и педагогов. Функция современного педагога как гуманитарного эксперта – функция приобретающая особенное значение в цифровой образовательной среде. Элементы цифровой культуры, зародившиеся в отечественной системе образования, без объединяющих ценностей не могут приобрести форму целостной культуры. Наиболее устойчивые, базовые ценности отечественной культуры концентрируются в образовании и, прежде всего, вокруг интересов человека, а также самой культуры, как среды его существования. Таким образом, традиционные ценности образовательной культуры можно рассматривать в качестве основания для проведения гуманитарной экспертизы внедряемых технологических новаций.

5. Оценка цифровой культуры с позиций соответствия ценностям отечественной образовательной культуры позволяет выявить противоречия в ее развитии. К таковым можно отнести:

– дегуманизацию человека и социальных отношений, что проявляется в формировании зависимости человека от технических средств, утрате способности к самостоятельному творчеству, усилении контроля за идеями и «фильтрации» информации, возможности манипуляции действиями субъекта с помощью алгоритмов, заложенных в компьютерные программы, утрате нравственных ориентиров, ухудшении физического и психического здоровья;

– кризис идентичности, который проявляется в потере субъектом связи с социальной реальностью, неспособности определить «свое» и «чужое», утрате смысла жизни и появлении безразличия к будущему своей национальной культуры, родной страны;

– кризис интеллектуальной культуры, который влечет исчезновение творчески мыслящей личности и обусловлен постоянным обращением современного человека к услугам Интернета, что создает искаженное представление о характере познавательного процесса, ведет к утрате самой способности к творчеству, неумению думать, анализировать, делать самостоятельные выводы.

Их преодоление видится перспективным направлением развития цифровой культуры, а показатели состояния данных проблем – критериями гуманитарной экспертизы образовательных новаций.

Степень достоверности исследования подтверждается апробацией результатов посредством публикаций в рецензируемых научных журналах и в выступлениях на научно-практических конференциях, обоснованной методологической и теоретической базой. Основные выводы диссертации подкрепляются результатами других научных исследований, в частности, изучением новых требований к субъектам образовательного процесса, вызванных активным внедрением в жизнь учебных заведений цифровых

технологий, проводившихся в РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, аналитическими отчетами ВЦИОМ.

Теоретическая значимость исследования.

Теоретическое значение работы состоит в том, что в ней разработаны и обоснованы теоретико-методологические аспекты исследования цифровой культуры российского общества. Представлена эволюция отечественных и зарубежных исследований социокультурных особенностей включения технологических новаций в образовательный процесс. Теоретическое развитие получают представления о функциях и структуре цифровой (электронной) культуры, на этой основе уточняются понятие «цифровая культура», формируется новый подход к ее исследованию – анализ через призму ценностей российского образования.

Для развития теоретических представлений о механизмах трансляции цифровой культуры и тенденциях ее динамики значение имеют сделанные нами выводы о потенциале использования цифровых технологий в образовательном процессе, уровне готовности отечественного образования к активному использованию цифровых средств, роли ценностей отечественной образовательной культуры в исследовании проблем цифровизации, определении путей развития национальной культуры.

Для развития теории гуманитарной экспертизы имеет значение предложенный нами подход, обосновывающий экспертизу как необходимый этап формирования цифровой культуры, а традиционные ценности образовательной культуры России как основания гуманитарной экспертизы образовательных новаций и системы ценностей для формирующейся цифровой культуры.

В работе теоретическое развитие получают направления исследования проблем национально-культурной идентичности и патриотизма. Предложенный в работе аксиологический подход позволил сформировать представления о возможных путях сохранения гуманистических традиций образования в условиях его технологизации и определить вектор

исследования проблемы дегуманизации современного общества и его культуры.

Основные выводы работы развивают теоретические и методологические основы исследований в области философии культуры и философской антропологии, философии и социологии образования, педагогики высшей школы.

Практическая значимость исследования.

Результаты исследования позволяют на новом научном уровне подойти к проблемам управления сферой современного образования. Они определяют направления проведения культуросообразной научной политики, учитывающей национальные особенности страны, традиции отечественного образования и специфику мировых техно-научных процессов. Выводы, изложенные в работе, могут способствовать формированию объединений ученых, педагогов, политиков, институтов гражданского общества, направленных на социально-экономическое и культурное развитие нашего общества.

Прикладную значимость имеют предложенные направления развития цифровой культуры современного человека, успешно взаимодействующего с цифровой средой и сохраняющего свою национально-культурную идентичность. Они могут способствовать совершенствованию деятельности образовательных институтов в области профессиональной подготовки педагогических и управленческих кадров.

Практическое значение для совершенствования отечественного образования имеют выводы о том, что развитие цифровизации будет менять требования к обучающим и обучающимся, стимулировать становление новых организационных образовательных структур. Развертывание цифровых образовательных форматов предполагает вместе с тем и комплексные изменения в архитектуре образования, неизбежные изменения привычных форм и методов обучения.

Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по отдельным разделам философии культуры и философской антропологии, философии и социологии образования, педагогики высшей школы, а также для разработки спецкурсов и учебных пособий, посвященных состоянию и тенденциям развития современной культуры.

Апробация работы осуществлялась автором на заседаниях кафедры философии, социологии и психологии управления Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, на 25-ой Нижегородской сессии молодых учёных (доклад отмечен Дипломом I степени, выданным Министерством образования, науки и молодёжной политики Нижегородской области), а также в сообщениях и докладах на ряде научных конференций: XII Международном симпозиуме «История и политика: Война и мир XX века. Уроки прошлого и угрозы современности» (Нижний Новгород, 2020), Международной научно-практической конференции «Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле» (Нижний Новгород, 2020), Международном научном форуме «Национальный интерес, национальное самосознание и национальная безопасность: трансструктурность в контексте глобальных изменений» (Нижний Новгород, 2020), Международной научно-практической конференции «Социальные процессы современной России» (Нижний Новгород, 2020), Всероссийской научно-практической конференции «Деструктивные молодежные движения в современной России: идеологические и экономические основы» (Нижний Новгород, 2020), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Философия инноваций и социология будущего в пространстве культуры: научный диалог» (Уфа, 2020).

Основные результаты исследования легли в основу авторского учебного пособия «Цифровая культура в структуре отечественного образования», внедренного в образовательный процесс ряда высших учебных заведений г. Нижнего Новгорода.

Основные положения и результаты исследования отражены в 16 научных публикациях общим объемом 9,02 п.л., в том числе в 5 публикациях в изданиях, включенных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (по специальности 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» - 3).

Область исследования определена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: культура и цивилизация (п. 3.9), тенденции динамики культуры (п. 3.12), основные механизмы трансляции культуры (п. 3.28), аксиология культуры (п. 3.30).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава I. Цифровая культура и цифровизация образования

1.1. Цифровая культура как характеристика современности

Культура на каждом этапе своего развития является показателем состояния общества и процессов в нем происходящих. Будучи результатом человеческой деятельности, она образует совокупность характерных для каждого типа обществ знаний, процессов овладения ими, способов коммуникации, значимых и одобряемых норм, основополагающих ценностей и способов их реализации. В культуре находит воплощение доминирующее отношение человека к миру, особенности его активности в познании мира и самого себя. Культура содержит способы творческой самореализации личности, она предлагает своим носителям смыслы бытия, их соотнесение со смыслами индивидуальной человеческой жизни, видение места и роли личности в общем миропорядке. Культура является смыслонесущим и смыслопередающим феноменом общественных отношений, объединяющим людей общей системой ценностных ориентиров. Она содержит символическое измерение социальных событий, позволяющее индивидам понимать окружающий мир, совершать поступки, находящие одобрение со стороны других людей, передавать свой опыт следующим поколениям.

Ценности в структуре культуры имеют особый смысл и значение для человека. Они являются основой для отношений между людьми, ориентиром в деятельности, направленной человеком как на себя, так и во вне – на природу и общество. Ценности культуры динамичны и содержат важнейшие индикаторы специфики общественных процессов, характерных для каждого особенного исторического периода. В них находят реализацию интересы и потребности социальных групп, уровень их осмысления настоящего и приоритеты в идеалах будущего. Система ценностей, как основание культуры, имея свое определенное содержание, выражает уровень «зрелости», сформированности культуры. Только скрепленные ценностным стержнем многочисленные элементы культуры образуют единство,

порождающее способность общества и личности к целенаправленному развитию, на основе общности целей, ценностей, идеалов.

Культура как характеристика общества содержит совокупность духовных приоритетов, обеспечивающих социальный прогресс, а также материальные средства, способствующие достижению общественного блага. В этой связи, характеристика общественных изменений посредством состояния культурного развития общества является чрезвычайно сложной задачей, связанной с необходимостью определения и описания как новых явных (явленных) вещей и процессов с ними связанных, так и скрытых (духовных), определяющих ценности и смыслы всех нововведений. В современном же мире мы наблюдаем «поверхностный» вариант рассмотрения динамики культурных процессов, как более доступный, ориентированный на убеждение в исключительной роли роста технологических средств в социальном развитии.

Изучение же таких сложных проблем, как культура современности в ее целостности, требует иных подходов. Культура по существу антропологична, она формируется только осмысленными усилиями самого человека. Таким образом, чтобы понять культуру, нужно не только увидеть результаты усилий человека, но и смыслы в них заложенные, определяющие ценность деятельности. В условиях переходного периода к новым формам историко-культурного развития общества, как никогда ранее, актуальным становится сохранение приоритетов образования как важнейшего социализирующего механизма, обеспечивающего усвоение ценностно-нормативного духовного богатства предшествующих поколений с целью возможности реализации программ инновационного развития общества. А это означает удержание в активном состоянии тех социально-культурных смыслов и культурных

кодов, с помощью которых конструируется жизненный мир человека, определяется общая направленность его ценностей⁶².

В современном обществе, характеризуемом как «общество знаний», где институт образования является важнейшим двигателем всех процессов, воплощение всех достижений культуры на данном историческом этапе происходит, прежде всего, в образовательной сфере. Образование выступает и потребителем, и творцом культурных нововведений, содержит в максимально сконцентрированной форме культурные характеристики эпохи. Проникновение новых культурных явлений в сферу образования обнажает их жизнеспособность, значимость для человека, являющегося универсальной целью и ценностью образования как культурного процесса. Анализ воздействия новых культурных форм на образование, а следовательно, на человека, формирующегося как человек культуры, как субъект, способный усваивать, критически оценивать и преобразовывать социокультурный опыт, позволяет выявить их положительные и отрицательные стороны, определить их место в культуре, в становлении будущего человечества.

Одной из характеристик динамики современной культуры является цифровизация. На наш взгляд, развитие процессов цифровизации знаменует новый этап в судьбе человечества. На этом этапе роль техники безмерно возрастает, а человек утрачивает свою былую роль главного инициатора и двигателя общественного прогресса. Новый социо-технологический уклад жизни лишает человека самой возможности что-либо решать без новационных технологий и, даже, само их появление выходит у него из-под контроля. Очевидно, что эти процессы подводят человечество к определенной черте, за которой уже прорисовывается принципиально новый мир, основания которого требуют глубокого осмысления нами сегодня.

---

⁶² Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Никитин А.В., Устинкин С.В. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1 / Под общей ред. Савруцкой Е.П. – Н.Новгород: НГЛУ, 2019. – С.101.

В своей основе, цифровизация, прежде всего, предполагает трансформацию значимой информации в цифровую форму для обеспечения ее эффективного использования в разных областях человеческой деятельности и формирования новых коммуникативных и познавательных возможностей. Расширяя же эти возможности, цифровизация сама уже создает новые среды обитания человека – цифровые, технологические, отличные от реальности, но претендующие на ее более совершенную замену.

Под цифровизацией, указывают В.Г. Халин и Г.В. Чернова, «в широком смысле понимается современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни»⁶³. Цифровизация, по мнению ученых, охватывает собой производство, бизнес, науку, социальную сферу и обычную жизнь граждан, что обуславливает необходимость подготовки каждого члена общества к взаимодействию с цифровым пространством. Таким образом, и у образования появляется новый приоритет – формирование цифровой (электронной) культуры. Она приобретает фундаментальное значение в жизни современного социума, выступая условием главного технонаучного тренда развития нашей цивилизации – НБИКС-конвергенции (нанотехнологий, биотехнологий, информационных, когнитивных, социальных технологий и соответствующих им областей научного знания)⁶⁴.

Новая культура, отмечают исследователи, образует ансамбль (гармоническую совокупность) сетей коммуникаций, технических устройств, алгоритмов, формальных и неформальных правил взаимодействия, паттернов поведения, культурных символов, которые делают возможной и структурируют активность людей в сети интернет и аналогичных сетях,

---

⁶³ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 47.

⁶⁴ Дубровский Д.И. Электронная культура. Кто против? // Философские науки. – 2017. – № 2. – С. 51.

обеспечивающих удаленный доступ к созданию, обмену и получению информации⁶⁵.

Формируя новый тип культуры, цифровизация продуцирует новые требования к модернизации системы российского образования в направлении готовности адекватного использования возможностей технологических новаций и развития с их помощью актуальных профессионально значимых качеств. Цифровизацию, указывают В.Г. Халин и Г.В. Чернова, можно рассматривать как тренд эффективного мирового развития только в том случае, если она сопровождается лишь эффективным использованием ее результатов⁶⁶. Важнейшая задача современной науки – определить позитивные стороны этого явления, которые не так очевидны, как представляется на первый взгляд. Так, характеризуя опыт цифровизации образования, Д. Кросс отмечал: «Мы подумали, что сможем вывести преподавателей из учебного процесса и дать учащимся действовать самостоятельно. Мы ошиблись. Первое поколение систем электронного обучения завершилось неудачей»⁶⁷.

Определяя позитивный потенциал цифровизации, отметим, что цифровые технологии предлагают множество вариантов при проектировании образовательных процессов. При этом образовательное пространство, формируемое цифровизацией, обладает чертами универсальности. Разнообразие неформальных предложений и возможность их использования в образовании в настоящее время колоссально. Сочетание виртуального и реального компонентов обучения позволяет преподавателям передавать

---

⁶⁵ Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 42. [Эл. ресурс]. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (дата обращения: 20.12.2019).

⁶⁶ Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.

⁶⁷ Cross J. An informal history of eLearning [Эл. ресурс] // https://www.researchgate.net/publication/240601967_An_informal_history_of_eLearning (дата обращения: 20.12.2019).

знания и непосредственно, и опосредованно. Отличительной особенностью такого подхода является то, что можно воспользоваться преимуществами этих методов и избежать их недостатков. При цифровом посредничестве (видео, слайды, моделирование и т.д.) обучаемые имеют большую степень свободы, что, к примеру, позволяет в процессе презентационных мероприятий обмениваться ролями с другими обучающимися и с преподавателем. Можно утверждать на примере образовательного процесса, что цифровые новации нашей жизни не лишены положительных аспектов и могут способствовать развитию общества при гармоничном их взаимодействии с нормами и ценностями национальной культуры.

«Я утверждаю, писал М. Кастельс, что под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованным социальными интересами, политикой правительства и стратегиями бизнеса, рождается новая культура: культура реальной виртуальности...»⁶⁸. Итак, признаем, что развернувшаяся цифровизация формирует новый тип культуры современного общества – цифровая культура. Это понятие все чаще используется для характеристики современного общества⁶⁹. Важно отметить, что это один из многообразия существующих типов культуры и, будучи явлением временным, т.е. вызванным изменчивыми условиями эпохи, он должен проявить свой позитивный потенциал в нахождении единства с цельной системой национальной культуры, реализуя в себе ее базовые ценности и обогащая ее своими возможностями.

В целом, с культурой мы связываем все лучшее из созданного человеком, «то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»⁷⁰. «Лучшее» - это категория оценочная. Она побуждает в процессе анализа новых культурных явлений опираться на

---

⁶⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 316.

⁶⁹ См., напр.: Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

⁷⁰ Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 9.

аксиологический подход. Таким образом, цифровое как культурное может быть понято только в контексте соотношения с ценностями национальной культуры.

М. Кастельс отмечал, что новую систему коммуникаций, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризует ее включение и охват ею всех проявлений культуры. «Но цена включения в систему – это адаптация к ее логике, к ее языку, к ее точкам входа, к ее кодированию и декодированию»⁷¹. Важно чтобы в этих процессах были правильно расставлены акценты – «цифра» была включена в логику культуры, а не наоборот – культуру подчинили «цифре».

Ж. Бодрийяр утверждал, что машина является эквивалентом человека, и в качестве такового она включает его в себя, в единый операциональный процесс. «Нет больше ни сходства, ни несходства, – писал философ, – ни Бога, ни человека – только имманентная логика операционального принципа»⁷².

Попытки интегрировать национальную культуру в границы цифровых явлений влекут неизбежные изменения языка культуры, способов коммуникации, значительно ослабляют «символическую власть традиционных отправителей сообщений»⁷³ – религии, морали, авторитета, традиционных ценностей. Это ведет к разрушению культуры, если только она не находит возможности для передачи культурных кодов новым элементам системы.

Так еще в прошлом веке С.Н. Булгаков выражал обеспокоенность необдуманном искажением основ национальной культуры в угоду веяниям времени. В работе «Философия имени» он пишет о кризисе русского языка, попавшего под пресс развернувшихся процессов механизации культуры,

---

⁷¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 352-353.

⁷² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 4-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2011. – С. 119-121.

⁷³ Там же. С. 353.

созидания культуры нового образца. Философ отмечал, что «... иные могут еще похвалиться и тем, что теперь «куются» совсем новые слова: например, все эти богомерзкие совдепы, викжели, земгоры и т.п. ... Однако... такие слова-манекены становятся вампирами, получают свою жизнь, свое бытие, силу. Образуется целое облако таких мертвых слов-ларв, вампиров, которые сосут кровь языка и служат черной их магии»⁷⁴. Если в XX в. С.Н. Булгаков писал о механическом письме, то сегодня его идеи можно использовать при анализе письма электронно-цифрового.

В целом, важно отметить, что человек создавая культуру, меняет и самого себя. Технологичность культуры порождает технологичность в человеке, утрату им человеческого, отличающего от всего иного мира. Так, М. Маклюэн писал: «...новая технология наделена силой гипноза именно потому, что способна обособлять или изолировать чувства... любая новая технология сводит к минимуму взаимодействие чувств и сознания именно в той области нового, где происходит своего рода отождествление наблюдателя и объекта»⁷⁵. Изменения языка, знаний, ценностей влекут за собой изменения в самом человеке, требованиям, обращенным к нему со стороны общества.

П. Бергер и Т. Лукман отмечали следующее: «Человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя»⁷⁶. Таким образом, можно признать, что сотворив цифровое

---

⁷⁴ Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1999. – С. 48.

⁷⁵ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – С. 465.

⁷⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – С. 295.

пространство своей жизнедеятельности, человек стал носителем его неотъемлемых свойств, которые находят воплощение в образе мыслей, действий, физическом и психологическом состоянии людей. Социальные проявления погружения человека в цифровой мир становятся главными источниками осмысления характера формирующейся цифровой культуры.

Человек, став частью технологических процессов, перенял и логику их существования, передав свою природную свободу программируемости действий. Как и машина, человек ожидает «включения», «команды» для начала процесса деятельности, ему необходим четкий алгоритм, программа поведения и постоянный контроль за функционированием. Во-многом, именно так выстраиваются современные общественные отношения, а развитие технологических ресурсов все более усиливает управляемость человеческими поступками и мышлением. Так, В.А. Лекторский считает, что «информационно-коммуникационные технологии (Интернет, сотовая связь, телевидение), с одной стороны, открывают новые перспективы для человеческого развития, но с другой, делают человека все более уязвимым для разного рода воздействий, создают мощные каналы для манипуляции сознанием. Граница личного и публичного пространства все более размывается»⁷⁷.

Г. Маркузе писал о том, что в современном мире «заданность» индивида, его превращение в объект управления становится повсеместным явлением. Философ отмечал: «Технологический прогресс множил как потребности, так и способы их удовлетворения, но в то же время приводил к тому, что и те, и другие приобретали репрессивный характер: они сами поддерживали ситуацию господства и подчинения...»⁷⁸.

---

⁷⁷ Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 7.

⁷⁸ Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. – С. 531, 534.

Ж. Бодрийяр также утверждал развитие этих новых для общества тенденций, переход к «кибернетическому неокapитализму», ориентированному на абсолютный контроль. Ж. Бодрийяр характеризует развитие человечества как длительный процесс, в котором один за другим «умерли Бог, Человек, Прогресс, сама История, уступив место коду»⁷⁹. «Вся система коммуникации, - утверждает ученый, - перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналетической системе вопрос/ответ – системе непрерывного тестирования. Между тем известно, что тест и референдум представляют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется...»⁸⁰.

Многообразие потребностей человека представляется лишь предлагаемым извне набором разнообразных благ и услуг. Сумма данных потребностей формируется для индивида, но не определяется им самим. Со всей определенностью человек массы (Х. Ортега-и-Гассет), одномерный человек (Г. Маркузе) трансформируется в человека программируемого.

Итак, отметим, что человек в цифровую эпоху, предпринимая попытки адаптации к ней и социализации в новых условиях жизни, подвергается риску утратить свою индивидуальность, оригинальность мышления, способность к критическому мышлению вообще. В.К. Левашов и О.В. Гребняк приходят к выводу, что дефицит, дозирование и недостоверность информации – это факторы девиантной цифровой культуры, а основой для таких девиаций является индивидуальное и социально структурированное отношение к цифровым технологиям, мотивация и навыки их использования, стили поведения в информационном пространстве, степень вовлеченности в него, т.е. цифровая культура, несомненно, требующая усовершенствования.⁸¹

⁷⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 4-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2011. – С. 130.

⁸⁰ Там же. С. 134.

⁸¹ Левашов В.К., Гребняк О.В. Цифровая культура российского общества и государства // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 81.

В технологичном мире человек теряется в потоке быстро возникающей и передаваемой информации. Он уже не успевает ее осмыслить, определить в этом потоке главное, правильное, действительно имеющее значение. Таким образом, человек становится зависимым от уже закодированных в информации моделей поведения, которым нужно лишь следовать. Сама потребность в самостоятельности выбора, принятия решения исчезает. А.Н. Фортунатов пишет, что «... человек, создавая рационально-технократическое информационное поле, оказывается в нем одинок и ограничен в своих знаниях, поскольку процесс его идентификации с миром на основе знаний о нем сменился усвоением конкретных интерпретационных моделей, многоступенчатых комбинированных «сильных» и «слабых» смыслов, выступающих в роли сиюминутных идеологов...»⁸². Это подчеркивает манипулятивный потенциал цифровой культуры, который, если признать его право на существование, требует позитивных ценностных оснований своего воздействия на социум и новых интеллектуальных усилий человечества по отстаиванию своего «Я» в навязываемых алгоритмах действий.

Социальным проявлением цифровой культуры становится изменившийся характер коммуникаций. В общении появился мощный соперник человека – машина. Она все удобней в пользовании, всегда может быть при себе, по желанию включается и выключается. Этой машине человек ничего не должен, она не предполагает этических обязательств, с ней чаще проще, чем с человеком. Эта простота коммуникаций и становится привлекательной стороной цифровой культуры. Между тем, Ш. Тёркл отмечает, что когда способ квазисинхронной континуальной коммуникации с помощью, например, смартфонов постепенно становится санкционированной социальной нормой, способность к глубинному и содержательному общению снижается. Ш. Тёркл пишет: «Когда коммуникативные обмены

---

⁸² Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. – Н.Новгород: ННГУ, 2009. – С. 171.

переформатируются под формат небольшого экрана и сводятся к эмоциональной стенографии смайликов, это приводит к неизбежным упрощениям коммуникации»⁸³.

С. Бродбент, в свою очередь, отмечает, что опосредованные техническими средствами коммуникации иницируют процессы приватизации и индивидуализации человеческой жизни.⁸⁴ Утрачиваются естественные социальные связи, их замещают искусственные. При этом искусственность заключена не только в способах организации коммуникационных процессов, но и в их сущности, где культурная определенность заменяется на технологическую программируемость. Смайки вместо слов, SMS-сообщение вместо личного поздравления на День рождения, шаблонные картинки в мессенджерах создают иллюзию человеческих отношений, в которой сама ценность этих отношений исчезает.

О нестабильности связей, их формализации, фрагментации в сетевом пространстве аргументированно пишут Л.Б. Зубанова и Н.Л. Зыховская. Они отмечают в связи с этим возникновение особого способа объединения, консолидации пользователей цифровых технологий, обозначаемый данными исследователями как «транзитная солидарность». В таком типе социальной солидарности современной сетевой культуры значимым становится обозначение единства и сплоченности, а не их непосредственная реализация⁸⁵. Дружить по Интернету без всяких физических и духовных усилий, выставлять «лайки» в поддержку себе подобных, а не оказывать реальную поддержку – как это упрощает человеческие отношения, упрощает и самого человека. В таких условиях изменяется эмоциональная сфера

---

⁸³ Turkle S. *Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other.* – New York: Basic Books, 2011. – P. 143, 149.

⁸⁴ Broadbent S. *Approaches to Personal Communication.* – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) *DigitalAnthropology.* – London: Berg, 2012. – P. 129.

⁸⁵ Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социс. – 2019. – № 5. – С. 120, 125.

человека. В нём исчезает способность к искреннему проявлению чувств и сопереживанию⁸⁶.

С.А. Ветров и Д.В. Конишевский дают следующую характеристику такому человеку: «Современный человек, не имеющий завета с Богом, прагматичный в своих мыслях и поступках, освобожденный от ответственности, конструирующий истину, лелеющий свою индивидуальность и персональный комфорт, строящий позитивные для себя коммуникации, но не создающий среду, благоприятную для сохранения и развития человечности, превращается в односложный социальный атом»⁸⁷.

Эта односложность проявляется в различных качествах современного человека. Так, В.С. Степин отмечает у молодого поколения клиповое сознание, а люди, – утверждает философ, – носители клипового сознания оказываются легко манипулируемыми. Он пишет, что современная молодежь плохо «держит мысль»⁸⁸.

С.А. Коршунова выделяет культуру «цифровой молодежи» как новую молодежную субкультуру. Исследователь утверждает, что открытость и доступность информации делает молодежь более независимой от взрослых; молодежь формирует свой язык общения; основные поведенческие тренды рождаются в сети Интернета; поколение Z – визуалы с развитым клиповым мышлением; цифровое поколение ориентируется на ценности индивидуализма – отсюда ощущение своей уникальности, желание популярности; главные страхи молодежи – страх одиночества, неуверенности в своих коммуникативных способностях.⁸⁹

---

⁸⁶ См.: Гринфилд С. Ребёнок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию (интервью порталу Theory&Practice). URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryaet-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (дата обращения: 22.02.2020).

⁸⁷ Ветров С.А., Конишевский Д.В. Цифровой двойник – воплощение // *Alma mater. Вестник высшей школы.* – 2019. – № 5. – С. 70.

⁸⁸ Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 371-372.

⁸⁹ Коршунова С.А. Трансформация современной молодежной субкультуры в условиях развития цифрового общества // *Alma mater. Вестник высшей школы.* – 2019. – № 6. – С. 79-80.

Исследовательский коллектив под руководством Е.П. Савруцкой приходит к следующим выводам: «новые поколения молодых людей – это дети новой реальности, формирующиеся в условиях новой языковой картины мира, новых условий и форм коммуникативного взаимодействия. В реальной практике их жизнедеятельности все меньше остается кодов повседневности, благодаря которым осуществляется связь поколений, осознание нерасторжимого единства своего «Я» с историко-культурными корнями родной земли и народа...»⁹⁰.

Таким образом, можно обобщить социальные проявления цифровой культуры в следующие характеристики: технологическая мощь, привлекающая скоростями получения и передачи информации, упрощением форм социальной и личной жизни человека; программируемость человеческого поведения, его зависимость от цифровых кодов; формализация и фрагментация коммуникационных процессов, ослабление их этического содержания, замкнутость человека в проблематике личного комфорта; преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира; технологизм, проникающий и в сферу человеческих отношений, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры; появление особого языка общения, без чего не возможна особая культура.

Между тем, цельность культуре придает система ценностных ориентиров. В оформившихся проявлениях цифровой культуры определить такую систему как самодостаточную не представляется возможным. Очевидные ценности цифрового мира, то за что ценят, что считают значимым для себя люди – это быстрота и удобство. Но они не имеют смысла сами по себе. «Быстрота» ценна только применительно к чему-то, действительно значимому. «Удобство» также должно быть определено какой-либо целью. Для них, таким образом, должны быть определяющие

---

⁹⁰ Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Никитин А.В., Устинкин С.В. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1 / Под общей ред. Савруцкой Е.П. – Н.Новгород: НГЛУ, 2019. – С. 72.

ценности. Соответственно ценное в цифровизации должно обрести ориентацию ценностями более высокого порядка.

В.С. Степин и Л.Ф. Кузнецова отмечают, что система ценностей и мировоззренческих ориентиров составляет своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома культуры. «Преодоление глобальных кризисов, – пишут ученые, – предполагает поиск новых стратегий развития, а следовательно, критического анализа ценностей, лежащих в основании культуры техногенной цивилизации»⁹¹.

К. Ясперс отмечал, что история как человеческая реальность определяется в наибольшей степени факторами духовными, среди которых первенствующую роль играют те, что связаны экзистенциальной жизнью, а стало быть, со смыслообразующей доминантой – толкованием трансцендентного⁹².

Определить культурные доминанты эпохи призвана философия, конечно взаимодействуя с иными науками. Культура, по мнению испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, «заимствует у науки то, что жизненно необходимо для интерпретации нашего существования»⁹³. От общества, где «массы» и власть игнорируют научный фактор в решении вопросов о приоритетах своего развития, «можно ожидать лишь одного – варварства»⁹⁴.

М. Хайдеггер определял необходимость осмысления сущности нового технического мира. Он предложил изменить отношение к технике. Относиться к ней не просто как к средству, но как виду «раскрытия потаенности». При таком взгляде, считал философ, можно раскрыть сущность техники, ее истинное значение для человека. Таким образом, в существе техники можно обнаружить «ростки спасительного». Если же представлять технику исключительно как инструмент, мы, писал М.

---

⁹¹ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: РАН, 1994. – С. 4, 10.

⁹² Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – С. 101.

⁹³ Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 103.

⁹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2008. – С. 150.

Хайдеггер, не сможем проникнуть в ее сущность и обеспечить развитие культуры⁹⁵.

Отечественная философская традиция носит гуманистический характер и вопрос о ценностных приоритетах всегда решала в пользу человека и его нравственного развития. П.А. Флоренский писал: «Культура есть среда, растящая и питающая личность; но если личность в этой среде голодает и задыхается, то не свидетельствует ли такое положение вещей о каком-то коренном «не так» культурной жизни?»⁹⁶.

Это «не так» русская философская мысль усматривала в технологизации нашей жизни, ослаблении ценности человека, утрате духовных традиций национальной культуры. Так, В.В. Розанов писал: «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Получилась «техническая душа», лишь с механизмом творчества, а без вдохновения творчества»⁹⁷. Русский философ сетовал на то, что наше общество вовремя не осознало, что за созиданием «искусственного» в нашей жизни мы подрываем основания для развития культуры. История и культура, писал В.В. Розанов, могут продолжаться только в устремленности к абсолютному, действительно ценному для людей. В отношении к этому абсолютному все остальное должно быть относительно, условно⁹⁸.

Теснейшим образом, В.В. Розанов считал, с духовными традициями связано просвещение. В этой связи он указывал на опасность постоянного реформирования образования, что может привести к разрушению «устойчивости учебной системы» и утрате духовных ценностей. Только

---

⁹⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике / «Время и бытие» (статьи и выступления). – М.: Республика, 1993. – С. 121-137.

⁹⁶ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т.2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 346.

⁹⁷ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый. / Уединенное. Т.2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 322.

⁹⁸ Розанов В.В. Сумерки просвещения / Сост. и вступ. ст. В.Н. Щербакова. – М.: Педагогика, 1990. – 620 с.

благодаря сохранению образовательных традиций, считал философ, «вся страна получает устойчивую цель своих умственных напряжений»⁹⁹.

Образование как сферу, хранящую наиболее значимые культурные ценности, определяли представители славянофильства. И.В. Киреевский в работе «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», А.С. Хомяков в свое труде «Об общественном воспитании в России» утверждают необходимость сохранять «цельность бытия», преемственность в понимании смысла человеческой жизни, межпоколенческую связь на основе единства ценностей.¹⁰⁰ Исследователь их творчества Л.Е. Шапошников делает следующий вывод: «Славянофилы доказали, что важнейшей задачей просвещения является трансляция национальных духовных ценностей, обеспечение преемственности между поколениями»¹⁰¹.

Имея такую цель, образование становится основным хранилищем духовных богатств каждого народа. Именно поэтому общество, задумывающееся о своем будущем, переживающее за свою культуру, старается приобщить каждого своего члена к образовательным процессам, к взаимодействию с особой образовательной средой. В этой насыщенной высшими культурными ценностями среде, человек обретает жизненные ориентиры, смыслы социального и личного бытия. Но, по этой же причине, в образовании наиболее остро проявляется столкновение традиционного и новационного. Их диалектическая связь обуславливает развитие самой системы образования, культуры в целом, демонстрирует возможности гармонизации «старого» и «нового».

---

⁹⁹ Розанов В.В. Собрание сочинений. – Т.18. Старая и молодая Россия; под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 469 с.

¹⁰⁰ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В.Н. Греков. – М.: Наука, 2014. – С. 285-334; Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России / Полное собрание сочинений. – М., 1911. – Т. 1. – С. 347-370.

¹⁰¹ Шапошников Л.Е. Персоналистические центры русской религиозной философии XIX-XX вв.: Монография. – Н.Новгород, 2015. – С. 110-111.

Как пишет Г.У. Солдатова: «цифровая социализация сегодня дополняет традиционную социализацию, являясь ее важной частью, а развивающаяся цифровая культура дополняет культуру офлайн-повседневности, представляя новый этап развития общества, настоятельно требующий новых взглядов и подходов»¹⁰². В этой связи, исследование процесса цифровизации образования представляется значимым для осознания изменений и перспектив развития всей системы национальной культуры. В этом процессе происходит становление новых явлений отечественной культуры, требующих оценки и ценностной определенности для своего развития.

Таким образом, нами определены особенности цифровой культуры современного российского общества в динамике ее воздействия на сферу образования. Основными из них являются следующие: технологическая зависимость человека, появление особого языка социальных коммуникаций, упрощение форм социальной и личной жизни человека, программируемость человеческого поведения, формализация коммуникационных процессов, ослабление их этического содержания, преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры. Между тем, цифровая культура как цельное явление не сложилась. Она находится в процессе становления, обретения направляющих ее развитие ценностей. К таким ценностям она становится сопричастной в сфере образования, в ходе развития цифровизации учебных заведений.

Признание этого позволит более объективно и осмысленно подойти к фундаментальным и практическим проблемам управления культурной политикой современного общества. Ориентация новых форм культуры на ценности образования призвана обеспечить их развитие на основе

---

¹⁰²Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. –Т. 9. – № 3. – С. 76.

приоритетов гармонизации национальных особенностей культуры и специфики мировых техно-научных процессов.

1.2. Основные направления цифровизации образования

Становление нового типа культуры связано с обуславливающими его социальными процессами. Цифровая культура формируется в ходе цифровизации, синтезируя в своих характеристиках особенности этого активно развивающегося комплекса политических, экономических и социокультурных мероприятий. Основные направления цифровизации определяют специфику формирующейся цифровой культуры, ее место и роль в жизни современного общества. Определение характера направлений процесса цифровизации позволяет выявить основополагающие черты цифровой культуры с ее достоинствами и недостатками.

Важнейшим социальным институтом, где происходит становление культуры, ее обогащение новыми элементами, является образование. Цифровая трансформация образования — это обновление планируемых образовательных результатов, содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстроразвивающейся цифровой среде для кардинального улучшения образовательных результатов каждого обучающегося¹⁰³.

Цифровизация в этой сфере наиболее ярко демонстрирует особенности формируемого цифрового мира, раньше, чем в других сферах, обнажает противоречивый характер осуществляемых инноваций. Таким образом, определение особенностей развития основных направлений цифровизации образования представляется важной задачей для осознания специфики формирующейся цифровой культуры.

Отметим, что цифровая модернизация образования в нашей стране носит «неорганический» характер, т.е. направлена сверху вниз, что, в целом,

---

¹⁰³ Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019. – С. 15.

достаточно традиционно для различного рода модернизационных процессов в практике отечественной истории. «Неорганичность» определяется отсутствием четко сформированной общественной потребности, социального запроса на цифровые изменения образовательной среды. По оценкам 70 % экспертов (исследование Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, 2020 г.) переход к цифровой экономике, к новому технологическому укладу поддерживается населением лишь частично. Только пятая часть (19,7 %) заявила о полной поддержке. свидетельствуют о серьезном социально-политическом дисбалансе. Специалисты отмечают, что разработаны масштабные национальные проекты, призванные обеспечить переход России в цифровое будущее, предусмотрены серьезные финансовые ресурсы, а в обществе уверенности в их реализации нет. Меры, обозначенные в проектах цифровизации нашего общества, поддерживаются населением лишь частично¹⁰⁴.

Модернизацию такого типа стимулирует государство, комплекс общеобязательных для исполнения нормативно-правовых и иных регламентирующих актов, исходящих из специализированных административных структур и, часто, не находящих понимания в широких слоях субъектов образовательной деятельности. Конечно, эти субъекты очень разнообразны. Очевидны межпоколенческие отличия в отношении к технологиям и технологизации образовательного процесса.

Старшее поколение – учителя, преподаватели, как носители «консервативных» традиций образования, естественным образом включены уже в мир доказавшей свою эффективность образовательной культуры нашей страны. Цифровизация в этой среде не востребована – она не вписывается в профессиональное мировоззрение педагогов, создает для них трудности

---

¹⁰⁴ Бесхмельницын М.И., Рогачев С.В., Заточная А.Д., Иванов А.В., Кононкова Н.П., Мерзликин Н.В., Сащенко Н.П., Сигарева Е.П. Цифровизация: завтра началось вчера. – М.: ФНИСЦ РАН; Изд-во «Перспект», 2020. – С. 16-17.

материального, психологического, коммуникационного и иных видов. Авторы Проекта дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения определяют это явление как «социальная инерция» – ограничение, связанное с неготовностью общества (общественного мнения) и его институтов (законодательной системы, органов государственного управления, системы подготовки кадров) к изменениям, которые несёт с собой процесс цифровизации¹⁰⁵.

В самом примитивном варианте цифровизации новые технологии в учебных заведениях ставят педагога в положение зависимости от электронных журналов, рейтингов, программ для размещения тестовых заданий, что требует неоправданно большого количества времени и, главное, практически не имеет серьезного значения для качества учебного и воспитательного процессов. Таким образом, в среде старшего поколения субъектов образовательного процесса формируется устойчивая неприязнь цифровых нововведений, как явлений «лишних», мешающих нормальной работе педагога.

Так, например, результаты исследования Минобрнауки России совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в июне 2020 г. показали, что преподаватели психологически не принимают резкий разрыв с традиционными формами обучения. Скептический настрой к происходящему обусловлен как особенностями преподаваемых дисциплин (например, технические и экспериментальные), так и консервативными взглядами на природу обучения. Велика степень внутреннего, латентного неприятия дистанционного образования во всех направлениях подготовки, независимо от пола, возраста, социального и профессионального статуса преподавателя.¹⁰⁶

---

¹⁰⁵ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 72 с.

¹⁰⁶ Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн[Эл. ресурс] URL: <https://socialresearch.ru/posts/68-prepodavateli->

Об этом же свидетельствуют результаты исследования «Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России», осуществленного учеными и специалистами ведущих российских университетов и научных центров. Исследователи отмечают часто встречающееся негативное отношение преподавателей вузов к дистанционному формату преподавания и предлагают, в этой связи, массовую переподготовку преподавателей вузов, создание системы их методической поддержки, создание системы поощрения и мотивации преподавателей, активно включающихся в проектирование и использование цифровых ресурсов и практик¹⁰⁷.

Но и молодое поколение – учащиеся, казалось бы, носители и созидатели нового в культуре, также не формируют социальную базу цифровизации отечественного образования. Безусловно, эта часть общества более погружена в технокультуру, легче овладевает и чаще использует новые технические средства в повседневной жизни. Но техника для них – это способ облегчить социальные коммуникации, получить быстрый и простой доступ к разного рода информации. Таким образом, именно простота становится синонимом технических средств. В образовательном процессе это сразу проявилось в использовании учащимися смартфонов в качестве шпаргалок, а популярных ныне презентаций докладов – в качестве средства именно упрощения подготовки к занятию, симуляции обладания необходимыми знаниями. Воспринимать технические средства в ином качестве, как многофункциональный, значимый элемент, рационально включенный в процесс тяжелого учебного труда, в большинстве своем молодые люди не готовы.

В этой связи показательно то, что в ряде образовательных организаций вводятся ограничения по использованию мобильных цифровых устройств, а некоторыми преподавателями – на использование презентаций в учебном

---

vyskazali-svoe-mnenie-o-vynuzhdennom-perekhode-obrazovatel-nogo-protssesa-v-onlajn
(дата обращения: 30.06.2020).

¹⁰⁷ Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. — Москва, 2020. — С. 242.

процессе. Стоит отметить, что такие решения не вызывают отторжения, а встречают понимание среди учащихся и их родителей. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (2019 г.) положительно относятся к запрету мобильных телефонов и смартфонов в учебном процессе 62% россиян (хотя в 2018 г. эта доля была выше - 69%). Среди родителей, имеющих детей-школьников, эта доля составляет 66%, а среди тех, чьи дети не пользуются гаджетами, она еще выше — 84%.¹⁰⁸

Конечно, это имеет отношение и к другим средствам технологического перевооружения нашего образования, когда они не рационально вторгаются в учебно-воспитательный процесс. Часто их неадекватность целям образования обусловлена все тем же желанием упростить свой труд. Примером этому может являться популярная ныне практика проведения онлайн конференций учебного или научного профиля. В восторгах от того, что люди из разных мест, городов, а то и стран, вышли на связь, их видно на больших экранах, участники мероприятия забывают о главном, ради чего все задумывалось – о сотворчестве, продуктивной работе, о созидании нового. Все это демонстрирует неорганичность цифровизации сложившейся в нашей стране образовательной культуре.

Вместе с тем, процесс этот набирает силу. Происходит это преимущественно за счет административного ресурса. Но каковы бы не были источники и ресурсы цифровых нововведений в образование, они формируют и закрепляют направления этого процесса и влияют на характер цифровой культуры.

Современные образовательные тенденции определяют цифровые технологии уже не как что-то недостижимое, а как интерпретацию инновационного и неотвратимого в процессе обучения на разных уровнях образовательной системы. Отсутствие общих подходов и методических

---

¹⁰⁸Мобильные телефоны в школах: запретить или оставить [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9803> (дата обращения: 30.06.2020).

рекомендаций делает этот процесс затяжным и непонятным для всех участников образовательных отношений.

Цифровизация в нашем понимании — это, прежде всего, процесс насыщения культуры цифровыми технологиями, процесс, который по своим социокультурным последствиям может быть поставлен в один ряд с последствиями неолитической революции, переходом к письменной традиции, изобретением печатного станка. Реализация большинства предъявляемых сегодня требований в образовательных стандартах в виде освоения общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, как правило, уже невозможна без цифровой грамотности и знания цифровых технологий.

Логика компетентного подхода в образовательных стандартах означает, что обучающиеся должны сознательно взять на себя ответственность за собственное обучение. Необходимость отказа от практики простой ретрансляции знаний диктует потребность создания механизма освоения обучающимися процессов поиска, обработки и использования информации.

Однако цифровизация образования и процессов обучения неминуемо должна привести к процедуре изменения образовательных стандартов, в том числе включения новых профессиональных цифровых компетенций, которые будут определять цифровую деятельность, как раздела требований к результатам освоения для отдельно взятой образовательной программы.

Полагаем, что цифровые компетенции должны включать в себя способность к цифровому сотрудничеству, обеспечению кибербезопасности, усовершенствованию подходов к цифровой грамотности и решению образующихся информационно-коммуникационных потребностей социума. Актуальным остается вопрос о цифровой грамотности участников образовательных отношений как неотъемлемом этапе инновационного образования и последующей реализации компетентного подхода. Возникает запрос на новую «идеологию» сочетания учебного материала

объективно-предметного и виртуального ряда, онлайн- и офлайн-курсов, традиционных и альтернативных методик, становление новой методологии преподавания.¹⁰⁹

Цифровая грамотность – это способность человека использовать цифровые инструменты (в самом широком смысле) с пользой для себя. Для высококвалифицированного специалиста необходимо уметь читать с экрана цифрового устройства и усваивать эту информацию, применять различные цифровые инструменты для повышения эффективности своего труда, применять облачные технологии для работы в любом месте и в любое время.

Для идентификации усвоения компетенций особое внимание должно быть уделено и цифровой грамотности педагогических работников, которая должна включать в себя не только знания образовательной политики, но и инноваций в цифровом образовании. В этой связи актуализируется адаптационная функция образования¹¹⁰.

Цифровизация как норма становится одним из векторов, определяющих образование как инновационный механизм будущего, ввиду многогранного ее понимания и применения. Актуальность и значимость процесса цифровизации профессионального образования и обучения вызвана глобальными процессами перехода к цифровой экономике и цифровому обществу. Построение цифровой экономики и цифрового образования – значимые приоритеты государственной политики Российской Федерации, что зафиксировано в федеральных стратегических документах: – Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030

---

¹⁰⁹ См.: Зейналов Г.Г. Смешанная объективно-виртуальная реальность как технологическая платформа развития современного образования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2019. – № 10. – С. 33-36.

¹¹⁰ См., напр.: Пинчук А.Н. Образовательные практики в механизмах адаптации к цифровым трансформациям: концептуальные идеи и методологические подходы // *Горизонты гуманитарного знания*. – 2020. – № 1. – С. 95-114. [Эл. ресурс] URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1165> (дата обращения: 30.06.2020).

годы»¹¹¹; – Постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации национальной технологической инициативы»¹¹²; – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (раздел 2 – «Кадры и образование»); – Приоритетный проект в сфере «Образование» «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9)¹¹³.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» вводит понятия «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии». Под первым понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников. Т.е. речь идет о признании права на существование новой формы организации образовательного процесса, в которой находят единство во множестве знания, технология их передачи, средства коммуникации и иное. Можно говорить о праве на использование достижений и дальнейшем развитии, через педагогическую практику, цифровой культуры.

---

¹¹¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Эл. ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 02.02.2020)

¹¹² Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации национальной технологической инициативы» [Эл. ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71380666/> (дата обращения: 02.02.2020)

¹¹³ Приоритетный проект в сфере «Образование» «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9) [Эл. ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71677640/> (дата обращения: 02.02.2020)

Под дистанционными образовательными технологиями в Законе понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников¹¹⁴. В их развитии усматривается возможность решения проблем образования в отдаленных районах нашей страны, образования людей с ограниченными физическими возможностями, объединение научно-образовательного потенциала различных учебных заведений. Конечно, это и тот вариант организации образовательного процесса, который может быть единственно возможным в экстремальных условиях жизнедеятельности общества. В этом мы все убедились в период пандемии и режима самоизоляции 2020 года.

В контексте проблемы преодоления хаотичного характера внедряемых образовательных новаций, Закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет то, что экспериментальная и инновационная деятельность в сфере образования осуществляется в целях обеспечения модернизации и развития системы образования с учетом основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, реализации приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере образования¹¹⁵. Таким образом, делается ссылка на иные нормативные акты, устанавливающие направления совершенствования сферы образования.

Таким, например, является утвержденная 28 июля 2017 г. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». К базовым направлениям преобразований Программа относит нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций и технических

---

¹¹⁴ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» [Эл. ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 02.02.2020).

¹¹⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации» [Эл. ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 02.02.2020).

заделов, информационную инфраструктуру и информационную безопасность.

В Программе выделены следующие основные цели направления, касающегося кадров и образования:

создание ключевых условий для подготовки кадров цифровой экономики;

совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами;

рынок труда, который должен опираться на требования цифровой экономики;

создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России.

Основной целью направления, касающегося формирования исследовательских компетенций и технологических заделов, определяется создание системы поддержки поисковых, прикладных исследований в области цифровой экономики (исследовательской инфраструктуры цифровых платформ), обеспечивающей технологическую независимость по каждому из направлений сквозных цифровых технологий, конкурентоспособных на глобальном уровне, и национальную безопасность¹¹⁶.

Признавая наличие позитивного потенциала цифровой культуры, в обществе, в целом, наблюдается настороженное к ней отношение. В различных сферах общества уже явно проявились риски и опасности масштабного распространения цифровых технологий. Так, в экономике, где цифровизация проводится наиболее активно, ее «уязвимые» места уже четко проявились и получили систематизацию в нормативных документах.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» выделяет следующие вызовы и угрозы развитию цифровой экономики России:

---

¹¹⁶ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) [Эл. ресурс] URL: <http://base.garant.ru/71734878/#ixzz5f82E9EkM> (дата обращения 12.02.2020).

« - проблема обеспечения прав человека в цифровом мире, в том числе при идентификации (соотнесении человека с его цифровым образом), сохранности цифровых данных пользователя, а также проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде;

- угрозы личности, бизнесу и государству, связанные с тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, широко использующих виртуализацию, удаленные (облачные) хранилища данных, а также разнородные технологии связи и оконечные устройства;

- наращивание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру, в том числе на критическую информационную инфраструктуру;

- рост масштабов компьютерной преступности, в том числе международной;

- отставание от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий;

- зависимость социально-экономического развития от экспортной политики иностранных государств;

- недостаточная эффективность научных исследований, связанных с созданием перспективных информационных технологий, низкий уровень внедрения отечественных разработок, а также недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности».¹¹⁷

Авторы Программы, имеющей направленность на развитие отечественной экономики, отразили в тексте документа не исключительные проблемы становления цифровой экономики, а уже вполне осознанные на теоретическом и практическом уровнях проблемы перехода к цифровому обществу, с его ориентацией на доминирование цифрового знания и

---

¹¹⁷ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) [Эл. ресурс] URL: <http://base.garant.ru/71734878/#ixzz5f82E9EkM> (дата обращения 12.02.2020).

познания. Эти проблемы не являются специфичными для экономики, а трансформируются и в сферу образования, что может иметь более разрушительные для нашего общества последствия.

Противоречивость цифровизации образования проявляется на уровне высших правовых установлений. Так, в Указе Президента РФ (от 7 мая 2018 года) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» говорится о необходимости обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Несомненным приоритетом определяется воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Для достижения этого объявляется важным решение задачи по созданию современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней¹¹⁸.

Стоит отметить, уязвимость каждой провозглашенной позиции и потенциальную опасность, исходящую из привычной для нас практики чиновничьего исполнения указаний высшего руководства. Уязвимость проявляется в отсутствии на данный момент самой убежденности в возможности создать (хотя бы и к 2024 г.) безопасную цифровую образовательную среду, в потенциально возможной безопасности цифровой среды, где технологии уже теряют контролируемость человеком и формируют совокупность новых рисков и опасностей для общества.

Небесспорным является и тезис о способностях цифровой образовательной среды обеспечить высокое качество и доступность

---

¹¹⁸ Указ Президента РФ (от 7 мая 2018 года) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Эл. ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 02.02.2020).

образования. Так показательна в этом отношении позиция А.Н. Фатенкова: «экономия времени за счёт дигитального инструментария отнюдь не гарантирует качественных содержательных сдвигов в жизни и её понимании. Одна история, когда неспешность во вспомогательных операциях подчинена общему ритму деятельности – не обязательно замедленному, но точно несуетливому. И совсем другой расклад, когда нагнетание темпа в операциях вспоможения подчиняет себе и нормирует характер основных и всех наших действий теоретического и практического плана. В последнем случае велика вероятность бесконечного тупика – интенсификации усилий по тиражированию стандартизированного ширпотреба. Не важно, об интеллектуальной или иной продукции идёт речь»¹¹⁹.

Тезис Указа о необходимости обеспечить доступность образования приводит к осознанию того, что цифровая среда невозможна без соответствующего материально-технического оснащения и включиться в нее могут только финансово обеспеченные организации и отдельные граждане. В ситуации масштабного социального расслоения общества равенство и доступность в цифровом формате образования нереализуемы. Соответственно указание чиновникам на решение изначально нереализуемого в современных условиях влечет формализацию управленческих решений, бессистемность политики цифровых реформ, погоню за количественными показателями наличия компьютеров, подключений к Интернет, зарегистрированных пользователей, проведенных он-лайн занятий, заполненных электронных дневников, журналов, ведомостей.

Конечно, трудно сейчас смоделировать цифровую образовательную среду, способную обеспечить формирование «гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных

---

¹¹⁹ Фатенков А.Н. С цифровыми технологиями — в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 217.

ценностей народов Российской Федерации»¹²⁰. Гармоничность личности предполагает и ее физическое, и нравственное развитие. Очевидно, что в данных направлениях цифровизация образования не может найти адекватного развития.

Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года определяют, что для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации необходима система ценностей, созданная с учетом многонациональной основы нашего государства, опирающаяся на гуманистическое мировоззрение, знание своего культурного, исторического, национального наследия и уважение к его многообразию.¹²¹

Важно то, что государственная молодежная политики обращает внимание на необходимость формирования информационного поля, благоприятного для развития молодежи, повышение эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания. Для чего считается необходимым создание и поддержка проектов по популяризации образа гармонично развитого молодого человека, создание условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде¹²².

---

¹²⁰ См.: Указ Президента РФ (от 7 мая 2018 года) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Эл. ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 02.02.2020).

¹²¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Эл. ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 20.04.2020).

¹²² Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р [Эл. ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecef3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 20.04.2020).

Противоречивость данной политики определяется попыткой совместить прогрессивные задачи и привычные бюрократические средства их разрешения. К механизмам реализации государственной молодежной политики, например, отнесены «регулярные» общероссийские, межрегиональные и региональные научно-практические, учебно-методические конференции и семинары¹²³. Главное, видимо, что подчеркнуто – это регулярность проведения, а не качество и результативность. Логика такого механизма реализации государственной политики – чем больше мероприятий, тем лучше.

Другое средство для решения задач – «определение и регулярная оптимизация перечня статистических, социологических и иных показателей положения молодежи и реализации государственной молодежной политики, а также обеспечение систематического сбора соответствующих данных¹²⁴, безусловно, важно, но на практике часто абсолютизируется, вырождается в попытки выразить в цифрах несоизмеримое, например, духовные процессы. Статистические данные удобны для формирования планов и отчетов, они образуют «защитный пояс» бюрократии при демонстрации активной деятельности.

Отметим еще надежды на «формирование системы общественного контроля за деятельностью государственных органов и органов местного самоуправления по реализации государственной молодежной политики»¹²⁵, которые мало оправданы при существующем уровне развития гражданского общества, включая уровень общественного сознания, социальное осознание значения реализуемых мер, социальную ответственность и активность.

Несмотря на всю противоречивость своей реализации, цифровизация все более расширяется в своем воздействии на образовательную сферу, привлекая своими сильными сторонами все большее количество людей. Как

---

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

пишет О.Н. Смолин: «В технологическом плане важнейшим направлением развития современного образования в развитых странах Запада (и Востока – например, Южная Корея) является то, что в документах ООН и ЮНЕСКО определяется как e-learning, smart-образование и т.п., что не совсем точно переводится на русский как электронное обучение. О масштабе явления говорят хотя бы заявленные намерения Гарварда и Google создать электронные университеты на миллиард слушателей каждый. В 2014 г. на Coursera обучались почти 10 млн. чел., российские слушатели занимали пятое место среди обучающихся всех стран мира (около 2000 тысяч)»¹²⁶. И это дает право утверждать, что цифровые практики образования вошли в нашу жизнь «всерьез и надолго». Модернизация российского образования будет развиваться по пути расширения применения цифровых технологий на всех уровнях образования. Важно признав это, не забыть в погоне за «модными» инновациям главные цели и ценности образовательной деятельности.

Политика цифровизации направлена на развитие цифровой (электронной) культуры общества. Она призвана создать условия доступности цифровых технологий для масс, повышая уровень их проникновения в социальную систему и все общественные отношения. Доступность этих технологий, как представляется инициаторам цифровых реформ, позволяет формировать новые картины мира, способы его познания и преобразования. Человек в таких условиях представляется как постоянно развивающаяся, открытая антропо-система. Человек в цифровом пространстве должен приобрести свойства стремительно расширяющей свои возможности интерактивной системы, которая формирует соответствующие параметры будущего¹²⁷. Основные направления политики цифровизации,

---

¹²⁶ Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социс. – 2015. – № 6. – С.100.

¹²⁷ Ярославцева Е.И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ – 2008. Конференции. Научные семинары. Сборник материалов. – М.: РГГУ, 2009. – С. 71-89.

таким образом, актуализируют значение формулировки необходимых современному человеку творческих компетенций. А сам характер развернувшейся цифровизации ставит вопрос о масштабных преобразованиях в деятельности всей системы образования.

Так, Г.Л. Тульчинский отмечает, что «цифровизация требует новых, совершенно иных компетенций, отличных от тех, которыми обладают выпускники российских вузов»¹²⁸. В условиях цифровизации существенно меняется и роль преподавателя, содержание его работы. «Его задачей становится не столько разработка курса, содержания лекций и практических занятий... сколько отслеживание электронных ресурсов и баз данных, где все эти материалы представлены. В том числе он должен быть в курсе образовательных программ и услуг, предлагаемых другими университетами. Преподаватель становится не столько источником знаний, сколько навигатором, предлагающим оптимальную для целей данного курса траекторию знакомства с базами данных...»¹²⁹. Видимо, изменения должны коснуться всего: структуры образовательного процесса, его форм, методов обучения, должны появиться новые дисциплины, способы учебной и внеучебной коммуникации, целевые установки, изменений потребует и профессиональная подготовка учителей, преподавателей, администрации учебных заведений. В процессе этих масштабных перемен можно разрушить «старое», но так и не построить «новое», соответствующее потребностям общественного развития. Ситуация, в которой цифровые новации становятся самоцелью, для них меняется вся структура образовательного процесса, нарушается наработанный многими годами учебный и воспитательный процесс, представляется нам требующей ценностной переориентации. Определение статуса преподавателя как «навигатора» в новых цифровых измерениях образования, видится шагом к крушению всех традиционных

---

¹²⁸ Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 126.

¹²⁹ Там же. С. 129-130.

образовательных идеалов. В этом контексте уместно вспомнить слова русского мыслителя В.В. Розанова, который в своей работе «Сумерки просвещения» совершенно справедливо отметил: «Школа – это только и всецело учитель: учитель – это, во-первых, учитель – во-вторых, учитель – в-третьих, и только, в-четвертых – программа, штат, здание»¹³⁰.

Планируя достижение целей, поставленных в нормативно-правовых документах, направляющих ход цифровых реформ, необходимо учитывать, считают В.И. Блинов, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, И.С. Сергеев, что процесс цифровизации образования имеет две стороны:

– во-первых, формирование цифровой образовательной среды, как совокупности цифровых средств обучения, онлайн-курсов, электронных образовательных ресурсов;

– во-вторых, глубокая модернизация образовательного процесса, призванного обеспечить подготовку человека к жизни в условиях цифрового общества и профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики¹³¹.

Важно отметить, что данная группа исследователей признает необходимым не только преобразования образовательного процесса для применения в нем цифровых технологий, но и преобразование цифровых технологий и средств для их адекватного использования в образовательном процессе. «Цель трансформации образовательного процесса, пишут ученые, – максимально полное использование потенциальных дидактических возможностей цифровых технологий. Цель трансформации цифровых технологий – максимально полное их приспособление к эффективному решению поставленных педагогических задач»¹³².

---

¹³⁰ Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – С. 217.

¹³¹ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.4.

¹³² Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.4-5.

Из приоритетных задач развития цифровизации образования, в решении которых могут максимально раскрыться возможности цифровых технологий, ученые выделяют следующие:

- полноценная индивидуализация образовательного процесса, основанная на построении индивидуальных образовательных маршрутов и персонализированном непрерывном мониторинге учебной успешности и личностно-профессионального развития обучающихся;
- расширение возможностей для использования различных групповых (командных) форм организации учебной деятельности;
- обеспечение полного усвоения заданных образовательных результатов – профессиональных знаний, умений, компетенций, необходимых для получения профессиональной квалификации;
- расширение возможностей для педагогически результативного профессионального образования и обучения лиц с ОВЗ;
- построение системы непрерывного диагностико-формирующего оценивания на основе мгновенной обратной связи непосредственно в ходе выполнения учебных заданий;
- существенное сокращение сроков разработки, развёртывания и освоения профессиональных образовательных программ, что является центральным требованием современных работодателей;
- освобождение педагога от рутинных операций¹³³.

Из этого перечня видно, что цифровые технологии не могут полностью заменить собой учебно-воспитательную работу, они ограничены своим функционалом и являются элементом в системе образования, который должен найти рациональное сочетание с базовыми установками системы.

В осмыслении характера направлений цифровизации образования повышается уровень востребованности научного, прежде всего, гуманитарного анализа. Развитие цифровых технологий и их усиливающееся влияние на процессы образования привели к появлению нового типа знания -

---

¹³³ Там же. С. 4-5.

цифрового гуманитарного знания и нового типа наук - цифровые гуманитарные науки (Digital Humanities). Их роль заключается и в анализе процессов, происходящих в образовании, и в реализации задач самого образовательного процесса.

Цифровые гуманитарные науки возникли в Великобритании и США в середине XX века и постепенно от статуса вспомогательных переходят к самостоятельному существованию, формируя новые «горизонты» познания и свой методологический инструментарий.

Область исследований Digital Humanities охватывает интересы гуманитарных наук и методов, опирающихся на использование оцифрованных данных и специальных технических средств, способных формировать, хранить и обрабатывать большие массивы информации. В целом, это открывает возможности для сохранения объемных пластов культуры, их хранения и передачи как представителям иных культур, так и последующим поколениям¹³⁴. Как декларируется в Манифесте Digital Humanities (Париж, 2010 г.):

- «Мы, представители Digital Humanities, формируем открытое, гостеприимное и общедоступное сообщество для совместной практической деятельности.

- У нас нет границ. Мы – многоязычный и междисциплинарный коллектив.

- Наша цель – прогресс познания, повышение качества исследований в наших дисциплинах, обогащение общественного знания и культурного наследия, в том числе и за пределами строго научной сферы.

- Мы призываем к включению цифровой культуры в определение общей культуры XXI века»¹³⁵.

¹³⁴ Кузьмина Д.Ю., Пруденко Я.Д. Гуманитарные науки в цифровой век // Цифровая культура. – 2012. – Выпуск № 3(8). – С.18: [Эл. ресурс] URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения 12.02.2020).

¹³⁵ Манифест Digital Humanities [Эл. ресурс] URL: <https://tcp.hypotheses.org/501> (дата обращения 12.02.2020).

В своем развитии эти направления формируют новые исследовательские программы, в которых цифровые технологии выступают катализатором научного прогресса. А в связи с особенностями построения отечественного образования, в котором традиционно наука и образовательный процесс обладают нерасторжимым единством, прогресс научный обуславливает и прогресс образования. Цифровые технологии, считает Е.В. Масланов, «будут формировать специфический контекст представления исследовательского материала, который может позволить выявить новые семантические особенности и специфику используемых данных, которые нельзя было заметить без их визуального представления». Позитивное воздействие цифровизации на науку ученый видит в активном использовании различных программных продуктов для решения большого количества научных задач, создании социальных сетей для ученых, вовлечении обычных граждан в научное исследование, формирование «гражданской науки»¹³⁶. Включенная в такую научную деятельность система образования, несомненно получит новые импульсы для своего развития, для развития всех категорий учащихся.

Достоинствами новой цифровой технологической среды для своей деятельности ученые считают сокращение временных издержек, интеграцию представителей научного сообщества из разных регионов страны, появление дополнительных стимулов для участия членов научного сообщества в самоуправлении для повышения прозрачности науки для общества и государства (открытое рецензирование, открытые результаты голосований и т.п.). основополагающим принципом, на котором может быть основана такая цифровая среда, является доступ членов сообщества к принятию решений, влияющих на реализацию их существенных интересов, - принцип

---

¹³⁶ Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2019. – Т.2, № 1. – С.11-12.

партиципативности¹³⁷. «Работа над базовым повышением видимости/открытости в науке, пишут А.А. Космарский, В.В. Картавец, Н.Ю. Подорванюк и М.М. Боде, помогла бы и государству, и ученым: проблема изоляции и отсутствия коммуникации стала бы менее острой, а монополия клика - менее полной»¹³⁸.

Но и в этом направлении развития цифровизации существует ряд противоречий, требующих преодоления. Так, «открытость» науки на практике получила воплощение в непрерывном наукометрическом анализе результатов творческой работы преподавателя и учёного (количество опубликованных работ, индекс цитирования, уровень оригинальности, количество цитирований из иностранных источников). Как отмечает Г.Л. Тульчинский «При этом тратятся серьезные деньги на участие в международных рейтингах, во имя чего некоторые университеты даже выделяют преподавателям специальные средства на платные публикации, вокруг чего сразу же сложился рынок организации таких публикаций в журналах и сборниках, индексируемых в Scopus и WoS. То, что эти сборники и журналы являются фактически «братскими могилами» не читаемых текстов, никого не волнует. Контент научных публикаций никого и не интересует. Наука превратилась в набор наукометрических данных – формальных реквизитов, не более¹³⁹. Как видно, появление новых технических возможностей совсем не определяет готовность ими рационально распоряжаться. Очевидна нехватка ценностно-целевой составляющей процесса цифровой модернизации науки и образования. Очень

¹³⁷ Polletta F. Participatory Enthusiasms: A Recent History of Citizen Engagement Initiatives // Journal of Civil Society. – Vol. 12. No. 3. – P. 68. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.1080/17448689.2016.1213505>.]. (дата обращения: 20.02.2020).

¹³⁸ Космарский А. А., Картавец В. В., Подорванюк Н. Ю., Боде М. М. Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С.86. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>. (дата обращения: 02.02.2020).

¹³⁹ Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 133.

важно сегодня определить конечные цели и соответственно им выстраивать структуру научного и образовательного бытия. Вряд ли общество готово признать такими целями «показуху», формализм, деньги или саму технику.

Суть цифровой трансформации в том, чтобы эффективно и гибко применять новейшие технологии для ориентированного на интересы человека образовательного процесса. Но в этих интересах путаются сегодня даже специалисты. Так, эксперты НИУ ВШЭ выделили ряд основных задач цифровизации образования в России, решать которые надо одновременно и скоординированно: развитие материальной инфраструктуры, внедрение цифровых программ, развитие онлайн-обучения, постепенный отказ от бумажных носителей информации, разработка новых систем управления обучением (СУО), развитие системы универсальной идентификации учащегося, создание моделей учебного заведения, повышение навыков преподавателей в сфере цифровых технологий¹⁴⁰. Все они, на наш взгляд, представляют инструментальный подход к цифровизации, ориентированный на накопление средств для социализации в цифровом обществе. Но в них отсутствует ценностно-смысловое начало, которое бы определило назначение этих средств, направленность их использования.

В целом, такое положение характерно для обществ, утративших четкость приоритетов культурного развития. Сегодня это чаще объясняют глобализацией в сфере культуры, влиянием массовой культуры, роль которой в жизни современного человека возрастает вместе с развитием технологизации жизни. Многие признаки массовой культуры трансформируются и в такие серьезные сферы как образование и процессы его преобразования. Показательна в этом отношении крайне оптимистичная модель перехода в цифровой формат образования, представленная некоммерческой инициативой проекта Edutainme - «Манифест о цифровой

---

¹⁴⁰ Навстречу переменам: семь задач цифровизации российского образования [Эл. ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d9ccba49a7947d5591e93ee> (дата обращения: 07.04.2020).

образовательной среде». Среди многих преимуществ цифрового формата образования авторы отмечают: «Мы верим, что в будущем образовательные онлайн-программы могут сформировать новый самостоятельный жанр, со своими поклонниками, колоссальными бюджетами и «голливудскими» учителями в главных ролях»¹⁴¹. Отметим, что «поклонники», «бюджет», «Голливуд» выступают здесь критериями успеха. Шоу-культура проникает и в проекты образовательных реформ. Очевидно, эта ситуация требует переосмысления и определения позитивных ценностных установок для развития отечественного образования. Подчеркивая проблематичность современной ситуации, О.Н. Смолин пишет: «Вместо того, чтобы соединить лучшие отечественные образовательные традиции с новейшими технологиями, современная образовательная политика идет вразрез с первыми (прежде всего, с демократической эгалитарной традицией создания равных образовательных возможностей) и одновременно тормозит развитие последних»¹⁴².

Подводя итоги данной части нашего исследования, отметим, что цифровая модернизация образования в нашей стране носит «неорганический» характер. Политика цифровизации не системна, не объединена общим ценностно-смысловым началом. Она технологична и инструментальна, т.е. направлена на накопление новых технических средств при отсутствии системного видения необходимости, способов и последствий их применения.

Уязвимость направлений современных цифровых реформ отечественного образования проявляется в отсутствии на данный момент самой убежденности в возможности создать безопасную цифровую образовательную среду. В ситуации масштабного социального расслоения общества нереализуемыми представляются и ожидания обеспечения

---

¹⁴¹ Манифест о цифровой образовательной среде: Некоммерческая инициатива проекта Edutainme. [Эл. ресурс] URL: <http://manifesto.edutainme.ru> (дата обращения: 02.02.2019).

¹⁴² Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социс. – 2015. – № 6. – С.101.

равенства и доступности образования посредством перевода его в цифровой формат.

Противоречивость политики цифровизации образования определяется попыткой совместить прогрессивные задачи и неэффективные бюрократические средства их разрешения. Характер развернувшейся цифровизации ставит вопрос о масштабных преобразованиях в деятельности всей системы образования. В процессе этих масштабных перемен можно разрушить «старое», но так и не построить «новое», соответствующее потребностям общественного развития. Как указывает ВЦИОМ (2019 г.), по мнению половины россиян (51%), ситуация в сфере образования за последние 5-10 лет ухудшилась, среди родителей школьников так считают 49%. О позитивной тенденции в образовании говорят 17% опрошенных, еще 15% не заметили никаких существенных изменений¹⁴³.

Ситуация, в которой цифровые новации становятся самоцелью, для них меняется вся структура образовательного процесса, нарушается наработанный многими годами учебный и воспитательный процесс, представляется нам требующей ценностной переориентации. Необходимыми видятся не только преобразования образовательного процесса для применения в нем цифровых технологий, но и преобразования цифровых технологий для их адекватного использования в образовательном процессе.

При всем своем образовательном потенциале цифровые технологии не могут полностью заменить собой учебно-воспитательную работу, обеспечить гармоничное развитие личности, они ограничены своим функционалом и являются элементом в системе образования, который должен найти рациональное сочетание с базовыми установками системы.

Традиционные ценности отечественного образования продолжают определять характер социального запроса к деятельности образовательных

---

¹⁴³ Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9874> (дата обращения: 30.06.2020).

институтов. Россияне (по данным ВЦИОМ) видят основную задачу современной школы в образовании детей и передаче базовых знаний по предметам (32%), также в нравственном воспитании детей — 19%. При этом среди приоритетов школьного образования, помимо передачи знаний по предметам и формирования широкого кругозора (48%), россияне также видят развитие аналитического мышления и умения рассуждать (41%), развитие индивидуальных способностей и талантов (39%)¹⁴⁴.

Опираясь на многолетние исследования, К.В. Подъячев утверждает, что «Российский локальный актор не ретроград, он весьма ориентирован на развитие. Но одновременно инновации для него не самоцель, а способ защиты базовых ценностей и структуры своего сообщества от разрушения... При этом ценностные установки локальных акторов схожи на всём пространстве России, и их деятельность приводит к схожим результатам»¹⁴⁵.

В осмыслении характера направлений цифровизации образования повышается уровень востребованности научного, прежде всего, гуманитарного анализа. Появление новых технических возможностей не определяет готовность субъектов образовательного процесса ими рационально распоряжаться. Сегодня все более очевидна нехватка ценностно-целевой составляющей процесса цифровой модернизации образования. Актуальным в современных условиях становится определение соотношения цифровых реформ образования с ценностями отечественной образовательной культуры.

---

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Подъячев К.В. Об аксиологических основаниях социального действия в условиях цифровой экспансии (на примере российских локальных сообществ) // Цифровизация общества и будущее христианства: Материалы V Международной научной конференции 24.01.2019 / [Отв. ред. И. П. Рязанцев, ред.-сост. Р. М. Плюснин]. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 111.

1.3. Теоретико-методологические основания гуманитарной экспертизы цифровых реформ отечественного образования

Развернувшийся процесс цифровизации, формирование цифровой культуры с ее масштабным воздействием на социум заставляют задуматься о перспективах развития нашей цивилизации, о возможных альтернативах будущего. Э. Тоффлер писал, что «увеличивая скорость изменений, уровень новизны и широту выбора, мы бездумно вмешиваемся в эти непререкаемые экологические условия рациональности. Так мы приговариваем несчетные миллионы людей к воздействию шока будущего»¹⁴⁶. Этот шок мы сегодня переживаем, боясь даже представить это будущее, т.к. характеристики его могут просто ошеломлять. Так, например, Ж. Бодрийяр писал: «Компьютеры – это смерть в миниатюре, которой мы покоряемся в надежде на посмертную жизнь»¹⁴⁷, «ранее властвовало социальное – и его рациональная сила разрушала символические структуры, сегодня на первый план выходят massmedia и информация – и их «иррациональным» неистовством разрушается уже социальное»¹⁴⁸. Отходя от крайних оценок перспектив современного общества, необходимо, видимо, представить дилемму нашего времени как, прежде всего, гуманитарную проблему статуса человека – сохранение его центрального места в культуре, места творца и создателя либо переадресация этих функций технологиям, превращающим человека в бездумный придаток машины. Без развития гуманитарного знания, проведения гуманитарных экспертиз внедряемых технологических новаций выработать оптимальный вариант дальнейшего существования общества невозможно.

---

¹⁴⁶ Тоффлер Э. Шок будущего: пер с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 400.

¹⁴⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 4-е изд. – М.: «Добросвет», «Изд. "КДУ"», 2011. – С. 322.

¹⁴⁸ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 32.

Процесс простого накопления технологических ресурсов, сопровождающийся хаотичностью их взаимодействия и непредсказуемостью последствий своего включения в человеческую жизнь, не представляет собой собственно культуросозидающего процесса. Становление и развитие культуры возможно при наполнении всего объема новых результатов человеческой деятельности общим смыслом, определением их действительной значимости, ценности для человека и общества. В этой связи возникает задача актуализации базовых оснований культуры и анализ всех новых технологических явлений с позиции их соответствия приоритетам развития национальной культуры. Культура создается человеком и призвана удовлетворять его потребности, обеспечивать продолжение жизни, личностный и общественный прогресс. Способны ли реализовать эту миссию феномены цифровой реальности? – вопрос, требующий скорейшей научной проработки.

Сегодня важным представляется выявление рисков, исходящих от цифровых технологий, выявление в технике того, что способно обогатить культуру нашего общества и того, что представляет для нее опасность. Так, С.А. Кравченко отмечает: «сверхсложное содержание обретает искусственный интеллект или цифровой «мир» машин. Простое перечисление лишь некоторых сверхсложных реалий свидетельствует, что для их диагностики, включающей анализ их побочного ущерба для жизнедеятельности человека, без чего немислимо эффективное управление ими, необходимо интегральное научное знание и учет достижений и возможностей инструментария всех наук»¹⁴⁹. При этом, отметим, что многие сущностные проблемы технологизации человеческой жизни не могут быть исследованы исключительно инструментарием позитивистской науки. Опытнo-экспериментальный путь познания, математические методы неизбежно встречают в этой исследовательской области проблемы. Так,

---

¹⁴⁹ Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социс. – 2019. – № 10. – С. 53.

например, Т.С.Ахромеева, Г.Г. Малинецкий и С.А. Посашков отмечают, что «стремительный рост виртуального пространства приводит к потере его наблюдаемости» и, как следствие, часть важнейшей информации, необходимой для принятия решений, теряется, искажается, не собирается¹⁵⁰. В этой связи повышается значение философских исследований этой сферы, использование методологии современной философии культуры, философской аксиологии и их рациональной интеграции в общую систему научного знания и принятия практических решений. Как писал П.А. Флоренский: «... в полном смысле, - «объяснять» - принадлежность не наук, с их мнимо неизменными углами зрения, с их иллюзорно пребывающими посылками, классификациями, терминами и методами, - а принадлежность философии, с ее непрерывно-приспосабливающимся вживанием в предмет познания...»¹⁵¹.

Многие риски цифровизации уже нашли определение в философских исследованиях. Например, В.Г. Буданов пишет: «Риски расчеловечивания весьма велики уже сегодня, при неконтролируемом погружении человека в сетевые цифромиры, поскольку могут происходить необратимые изменения личности, особенно у детей. Могут развиваться невротические или аутичные состояния, неадекватная реакция на окружающий мир, утрата своей идентичности, происходит изъятие целых фрагментов базового спектра человеческих качеств, таких как умения любить ближнего, жертвовать собой, понимать другого, оценивать риски, просто учиться»¹⁵².

А.В. Маякова выделяет следующие социокультурные риски и их негативные последствия, связанные с тотальной цифровизацией:

- нарушение прав человека в цифровом мире;

¹⁵⁰ Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 113.

¹⁵¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т.2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 131.

¹⁵² Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки – 2016. – № 6. – С. 51.

- невозможность обеспечить сохранность цифровых данных пользователя;
- недостаток доверия граждан к цифровой среде;
- угрозы безопасности личности, бизнеса и государства;
- наращивание возможностей внешнего информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру;
- отставание от ведущих иностранных государств в развитии конкурентоспособных информационных технологий;
- недостаточный уровень кадрового обеспечения в области информационной безопасности.

«В социокультурной области, отмечает А.В. Маякова, риски в большинстве случаев связаны с глобальными событиями внутри социума, сопряженными с «высокой» целью и первичными положительными эффектами»¹⁵³. Действительно, цифровизация завлекла мир своей нацеленностью на технологический прогресс и на поверхности нашей жизни виден ее положительный эффект – облегчение многих действий человека, доступ к разнообразной информации, возможность быстрой ее передачи и хранения в больших объемах. Следующий наш шаг должен быть направлен на осознание того, что действительно в цифровой реальности ценно для человека, и что несет риски и опасности для его дальнейшего существования.

Ю.В. Назарова и О.С. Анищенко, обобщая результаты исследований по цифровой этике, представленные на международной научной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2019» в Санкт-Петербургском государственном университете, выделили следующие риски, актуальные для современного цифрового пространства:

---

¹⁵³ Маякова А.В. Идентификация и прогнозирование социокультурных рисков современной антропотехносферы // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 7. – С. 58.

- неоднородность моральных ценностей, характерных для разных сетевых сообществ в цифровом пространстве, размывание культурной идентичности;

- проблемы информационных войн и кибератак;

- проблемы достоверности информации;

- проблемы приватности;

- проблемы первичности источника информации;

- проблемы цифрового образования;

- проблемы демонстрации сцен жестокости и насилия в цифровом пространстве, трансформирующие моральные ценности, связанные с восприятием смерти и страдания;

- этические проблемы виртуальной реальности.

Все перечисленные проблемы, считают Ю.В. Назарова и О.С. Анищенко, так или иначе, поднимают вопрос о необходимости этического контроля и этической экспертизы в цифровом пространстве¹⁵⁴. Их институционализация, по мнению ученых, будет способствовать предотвращению этических конфликтов, прогнозированию потенциальных проблем, формированию культурных ориентиров цифровой этики, разработке критериев цифровой этики, определению направлений этического образования в цифровой среде. Этическое прогнозирование, пишут Ю.В. Назарова и О.С. Анищенко, «может являться средством, которое может разрешить представленные выше дилеммы этического контроля и этической экспертизы, тем более задача этических норм – предупреждение проблем, а не наказание за уже совершенные нарушения»¹⁵⁵.

Раскрытие рисков цифровизации – задача, прежде всего, гуманитарного знания. Социально-гуманитарные науки смогут выполнить свою историческую миссию лишь в том случае, если будут интегрированы в

¹⁵⁴ Назарова Ю.В., Анищенко О.С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2019. – № 4 (32), том 1. – С. 25.

¹⁵⁵ Там же. Том 1. С. 29.

культуру власти. Речь идет не об обслуживании ими интересов власти, а о том, что социально-гуманитарное знание должно стать основой принимаемых управленческих решений и инструментом мониторинга их реализации¹⁵⁶.

Активизировав весь свой, накопленный веками, гуманистический потенциал они способны противопоставить поверхностному, прагматичному знанию глубинные смыслы национальной культуры и всего человеческого существования. Поставив «цифру» под контроль гуманитарных наук, включив цифровые практики в контекст национальной культуры, человек продлит свое существование в качестве существа разумного и ответственного за этот мир. Как пишет В.А. Кутырев: «Не все, что технически возможно надо осуществлять, не все, что компьютерно-информационно осуществимо, следует реализовывать. Нужен выбор и цензура, сопротивление без(д)умному инновационизму, стремлению заменить жизнь и культуру социальными технологиями...»¹⁵⁷.

Отметим, при этом, что речь не идет об отрицании положительной роли техники в общественном развитии. Это, несомненно, достижение культуры, которое и дальше в своем развитии способно обеспечить культурный прогресс. Но, чтобы человек и техника «шли в одном направлении», необходимо обретение ими целенаправленной связи, основанной на понимании сущностей одного и другого. М. Хайдеггер определил актуальность этой задачи для человечества. Он писал: «Сущность техники вовсе не есть что-то техническое. Мы поэтому никогда не осмыслим своего отношения к сущности техники, пока будем просто думать о ней, пользоваться ею, управляться с нею или избегать ее. Во всех этих случаях мы еще рабски прикованы к технике, безразлично, энтузиастически ли мы ее

---

¹⁵⁶ См., напр.: Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – С.75-76.

¹⁵⁷ Кутырев В.А. О судьбе управления и права в цифровом обществе // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. –№ 1 (45). – С. 280.

утверждаем или отвергаем»¹⁵⁸. Идеи М. Хайдеггера способствуют признанию того, что влияние техники на человека неотвратимо и отрицать ее роль в жизни современного человека невозможно. В этой же связи, перед человеком формируется задача научиться жить в этой технической реальности, находя с ней «общий язык».

Американский философ Дж. Нейсбит в своем творчестве исследует проблемы, возникающие в современном обществе в связи с появлением новых технологий. Он считает, что «чем больше вокруг нас сложной техники, тем больше нам нужно человеческое». Дж. Нейсбит предлагает в качестве ключевой идеи сосуществования человека и технологий следующую формулу: «высокая технология – глубокая гуманность»¹⁵⁹. Смысл ее раскрывается в известном труде Дж. Нейсбита «Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла» и заключается в признании необходимости человеку сформировать способности принятия тех технологий, которые сохранят его жизнь и человечность, и отторжения тех технологий, которые губят человеческое в людях, разрушают человеческую природу, значимые социальные связи. Главное в этом процессе, считает философ, не переставать придерживаться шкалы человеческих ценностей. Дж. Нейсбит предлагает «полюбить» технологии, рассмотреть их сквозь призму человечности. Он пишет: «Полюбив технологию, мы будем очень осторожно к ней относиться. Мы не станем проявлять бесшабашность. Осознав суть проблем, и сделавшись восприимчивыми к чужому мнению, мы сможем вступить в диалог относительно будущего технологий. Мы начнем воспитывать власть технологии вместо того, чтобы отрицать ее (как это делают так называемые технофобы) или слепо бросаться в ее объятия (как

---

¹⁵⁸ Хайдеггер М. Вопрос о технике / «Время и бытие» (статьи и выступления). – М.: Республика, 1993. – С. 221.

¹⁵⁹ Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М.: АСТ: Траюиткнига, 2005. – 381 с.

это делают технофилы)»¹⁶⁰.

Современные отечественные исследователи отмечают необходимость установления баланса между человеком и машиной, гармонизации человека и технологий. Так, В.Н. Моисеев пишет, что «сегодня невозможно воспринимать реалии сети как нечто параллельное. Происходит сопряжение реальностей, человек переживает процесс синхронизации. Система «человек—техника» приходит к единому синхронному способу существования...»¹⁶¹. В.И. Родионова также утверждает, что технологическая и ценностная (культурная) сферы жизни общества должны развиваться когерентно.¹⁶² В.А. Емелин дополняет эти идеи вопросом о культурном основании такого единения. Ответ же ученый видит в ориентации на соразмерность, гармонию и идентичность¹⁶³. В.П. Козырьков, Т.В. Свадьбина и О.А. Немова утверждают, что техника является продолжением духовности человека, обретая культурный облик под воздействием особенностей социальной системы своего функционирования. Ученые считают, что нет смысла в демонизации техники, но есть потребность в осознании социокультурных изменений в самом человеке в процессе его взаимодействия с новой техно-средой своего существования¹⁶⁴.

Таким образом, мы наблюдаем становление в науке позитивной идеи компромисса между человеком и техникой, основанного, в свою очередь, на готовности человека к объективной оценке технологических новаций, их

---

¹⁶⁰ Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М: АСТ: Траюиткнига, 2005. – 381 с.

¹⁶¹ Моисеев В.Н. Новые медиа: философия взаимодействия человека и современных технологий / Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.13. – М., 2016. – С. 121.

¹⁶² Родионова В.И. Социально-философский анализ технологизации социальных практик в современном обществе / Автореф. дисс. ... докт. философ. наук: 09.00.11. – Ставрополь, 2015. – С.14.

¹⁶³ Емелин В.А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества / Дисс. ... доктора философ. наук: 09.00.08. – М., 2017. – 435 с.

¹⁶⁴ Козырьков В.П., Свадьбина Т.В., Немова О.А. Атрибутивные качества человека в условиях революции техносферы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 2. – С. 15-25.

анализу с позиций соответствия его действительным интересам и ценностям, другими словами – к гуманитарной экспертизе. Рассуждая о социокультурных основаниях гуманитарной экспертизы А.А. Цыцарев пишет: «Ситуация усилившейся неопределенности будущего вызывает необходимость гуманитарной экспертизы, которая вносит аксиологическое измерение в научно-технический процесс, прежде ценностно-нейтральный, что позволяет рассчитывать на уменьшение связанных с ним гуманитарных рисков»¹⁶⁵.

Теория и методология гуманитарной экспертизы – объект пристального внимания отечественной науки 1990-х – 2000-х годов. В трудах И.И. Ашмарина, В.И. Бакштановского, С.Л. Братченко, Л.Г. Ионина, В.П. Козырькова, Г.Л. Тульчинского, Б.Г. Юдина гуманитарная экспертиза представлена как вариант оценки какого-либо социального проекта с позиций его соответствия интересам личности, идеям, ценностям и моделям позитивного развития общества и культуры. В таком контексте противоречивость цифровизации может получить определенность оценкой своей эффективности и целесообразности в широком историко-культурном пространстве страны и всего человечества.

Возможности гуманитарного знания в оценке рисков для человека со стороны научных инноваций одними из первых в нашей стране исследовали И.И. Ашмарин и Б.Г. Юдин. Они предложили исходить в данном вопросе из ряда этических предпосылок в их оценках: «презумпции виновности» и «презумпции бдительности», требующих введения гуманитарной экспертизы, направленной «на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала»¹⁶⁶. В свою очередь, гуманитарную экспертизу мы определяем, как опережающее реагирование на возможные риски от техно-инноваций. По нашему мнению, гуманитарная экспертиза призвана

---

¹⁶⁵Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы / Автореф. дисс.... канд. философ. наук : 24.00.01. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – С. 8-9.

¹⁶⁶Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76.

постоянно «отслеживать ситуацию», пытаясь вести диалог с учеными, внедряющими инновации. Ее назначение, как пишет Г.Л. Тульчинский, в том, чтобы Номо получил ограничения и гарантии от sapiens¹⁶⁷.

Такая постановка вопроса актуализирует роль гуманитарного знания в обеспечении культурного развития и общественного прогресса, резко повышает статус гуманитария, гуманитарных исследований в системе современных научных приоритетов. Как отмечает И.Б. Орлова: «Социальные ученые могут и должны заранее улавливать опасные тенденции и предупреждать о них в самом начале их проявления. Необходимо отслеживать то, как современные инновационные технологии проникают в нашу жизнь, как они взаимодействуют с обществом и что несут в себе»¹⁶⁸.

Потенциал социально-гуманитарных наук в исследовании цифровой реальности современные исследователи видят в способности решать фундаментальные мировоззренческие, этические проблемы, связанные с вхождением искусственных технологий в общество, определять направления гармоничного вхождения техники в жизнь общества, формировать адисциплинарные области знания для исследования новых явлений, не связанные жестко рамками уже сложившихся дисциплинарных традиций¹⁶⁹.

Отметим, что анализ цифровой реальности на высоком научно-теоретическом уровне, чем призвана заниматься наука, не единственное направление развития гуманитарной экспертизы. С ее необходимостью регулярно встречаются люди современного техномира. На «обыденном» уровне каждому человеку важно разобраться в потоке разнообразной

---

¹⁶⁷ Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. – 2018. – № 11. – С. 39.

¹⁶⁸ Орлова И.Б. Человек в технологизированном мире // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 6. – С. 71.

¹⁶⁹ См., напр.: Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 45-46. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (дата обращения: 20.12.2019).

информации, в пестроте ценностей и смыслов. На этом уровне важнейшую роль играют институты первичной социализации – семья, образование. Таким образом, функция гуманитарного эксперта перемещается из сферы науки в иные, например, в образовании ее реализация относится к компетенции учителя, преподавателя¹⁷⁰.

Е.Г. Артамонова, систематизируя угрозы интернет-пространства, показывает их серьезные патологические последствия для развития молодого поколения: игровое интернет-расстройство; суицидальное поведение и призыв к суициду; экстремизм. Ученый делает вывод о необходимости выстраивания защиты от подобных угроз. Очевидно, пишет Е.Г. Артамонова, что существенную «функцию защиты» должна взять на себя образовательная среда и это «может способствовать пропедевтике и снижению рисков зависимого и отклоняющегося поведения детей и подростков, их безопасному и разумному освоению новых граней кибермира без ущерба для здоровья и гармонии своего внутреннего мира»¹⁷¹.

Таким образом, уточняется и миссия педагога, которая оказалась «размытой» под напором технологизации образовательного процесса. Педагог, как эксперт, не простой транслятор знаний, который можно заменить на аудио-видео материалы, но необходимое звено для становления человеческого в человеке. Это, конечно, возлагает на него особенную ответственность и требует высокого уровня подготовки к реализации экспертной функции. Так, Е.М. Сергейчик считает, что «выбирать знание для учебного процесса может только человек с развитым сетевым мышлением, способным ориентироваться в многомерном нелинейном информационном пространстве, обладающий умением критически анализировать его,

---

¹⁷⁰ См., напр.: Collins A., Halverson R. Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling. – New York: Teachers College Press, 2009. [Эл. ресурс] – Режимдоступа: https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WXNzKm4MEs&rank=1 (дата обращения: 20.01.2020).

¹⁷¹ Артамонова Е.Г. Психологический портрет цифрового поколения России в системе образовательных отношений // Профилактика зависимостей. – 2017. – № 1. – С. 20.

интерпретировать, переводить из теоретической плоскости в практическую, актуализировать применительно к реальным жизненным проблемам. Более того, преподаватель должен обладать прогностическим мышлением, поскольку выбор информации требует понимания ее проблемного характера, перспектив и тенденций развития, а также умения обратить в живое заряженное творческими интуициями слово сложные проблемы, требующие дальнейшего осмысления и решения»¹⁷².

Таким образом, признаем актуальность функции гуманитарного эксперта в деятельности современного педагога. Этим его роль ничем подменить нельзя. Он подбирает материал, интерпретации, смысл. Его надо готовить к этому. В этой связи, возникает вопрос о совершенствовании системы профессиональной подготовки учителей и преподавателей, формировании их соответствующих способностей. Как представляется, необходимы изменения в структуре и содержании педагогического образования, появление специальных курсов, ориентированных идеей экспертной роли педагога в современной образовательной среде. Особенно важно сохранить традиционную нацеленность нашего образования на формирование человека культуры, сроднившегося с ее ценностями и идеалами¹⁷³. Они как путеводная нить всегда помогут разобраться с личностными и профессиональными проблемами.

Отметим, что многие ценности изменчивы, носят исторически обусловленный характер и не могут, таким образом, быть равнозначной мерой для оценки прошлого и настоящего. В этой связи, важное значение приобретает широкая общекультурная подготовка гуманитарного эксперта, его готовность определять наиболее устойчивые элементы культуры, способность анализировать динамику культурных процессов, выявлять и использовать для анализа условия и факторы, определяющие специфику

---

¹⁷² Сергейчик Е.М. Речь, текст и образ в перспективе цифрового образования // Педагогика. – 2020. – № 1. – С.11.

¹⁷³ Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России: Монография. – Н.Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. – 252 с.

социокультурной ситуации. Очевидно, что основаниями для экспертизы не могут являться какие-либо ценностные инварианты или общечеловеческие ценности, поскольку их содержание носит неопределенный характер. Поэтому важная роль в процессе экспертизы отводится специалистам в области культуры, философии, этики и др., которые, исходя из своих профессиональных знаний, а также на основании личного опыта могут наиболее адекватно оценить содержание проблемы¹⁷⁴.

В.П. Козырьков пишет, что объектом гуманитарной экспертизы выступают те явления и процессы, которые затрагивают принципы существования культуры и судьбу человека в культуре¹⁷⁵. Сам процесс экспертизы – это оценка. Экспертиза – это ценностные суждения об объекте экспертизы. Удобнее, конечно, давать количественную оценку, отсюда популярность рейтингов и т.д. Но нам нужна качественная оценка, а это дело гуманитарной экспертизы. В.П. Козырьков полагает, что гуманитарная экспертиза ориентирована на качественный аспект анализа и оценок, на внутреннюю, духовную погружённость субъекта экспертизы в оцениваемые явления¹⁷⁶.

Как заметил А.А. Воронин, гуманитарная экспертиза не имеет универсальной теоретической основы, да ее и не может быть, «поскольку гуманитарная экспертиза – междисциплинарная, транснаучная, всякий раз уникальная процедура»¹⁷⁷. Вместе с тем, мы исходим из признания того, что новое в творческой деятельности человека становится культурой при соотнесении с определенной ценностной системой¹⁷⁸. Так, например, новое в

¹⁷⁴ Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы / Автореф. дисс.... канд. философ. наук : 24.00.01. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – С.13-14.

¹⁷⁵ Козырьков В.П. Социальная и социально-гуманитарная экспертиза: Учебное пособие (по материалам лекций). – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2017. – С.43-44.

¹⁷⁶ Козырьков В.П. Гуманитарная экспертиза в контексте культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 310-314.

¹⁷⁷ Воронин А.А. Контуры гуманитарной экспертизы // Человек. – 2014. – № 1. – С. 83.

¹⁷⁸ См., напр.: Завьялов А.С. Цифровое искусство как объект социально-философского анализа / Дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11. – М., 2017. – С. 12.

образовании может быть включено в образовательную культуру страны, если соответствует определенной системе ценностей. Если ценности не определены, ориентиры для отбора значимого для человека отсутствуют, развитие культуры и ее новых форм замедляется. Элементы цифровой культуры, зародившиеся в отечественной системе образования, сами по себе, без объединяющих ценностей не могут приобрести конкретную культурную форму. С.В. Каргаполов утверждает, что «аксиологический компонент электронной культуры у «авангарда» ее распространения – студенчества – находится в начальной стадии формирования, т.к. в рамках электронной культуры не предложена устойчивая и эффективная ценностно-рефлексивная схема объяснения реальности, идентификации личности»¹⁷⁹. Как отмечает исследователь, «навыки (компетенции) пользователя ИКТ не всегда означают наличие культуры. Наличие культуры как духовного измерения деятельности подразумевает в том числе и принятие на себя ответственности за результаты этой деятельности, соотнесения деятельности с более широким контекстом, например, удовлетворения подлинных социальных потребностей, творческой и профессиональной самореализации и т. п.»¹⁸⁰. Таким образом, цифровая реальность не может сформировать особую культурную форму без соотнесения с определенной системой ценностей, объединении и отборе на ее основе разрозненных цифровых явлений.

В этой связи особую значимость для нашего исследования приобретает аксиологический подход. Он направляет внимание исследователей на изучение ценностей как смыслообразующих основ культуры, понимаемых как критерий желаемого, должного для человека и общества. Ценности культуры – это ее смыслы, общественно одобряемые и передаваемые из поколения в поколение образцы отношения к миру, которые обеспечивают его существование и развитие.

---

¹⁷⁹ Каргаполов С.В. Формирование электронной культуры студенческой молодежи современного российского региона: социологический анализ / Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Волгоград, 2019. – С. 15.

¹⁸⁰ Там же. С. 67-68.

Согласно аксиологическому подходу, выбор ценностей является исходным моментом концептуализации культуры, новых явлений в ней зарождающихся. Наиболее устойчивые, базовые ценности концентрируются в образовании и, прежде всего, вокруг интересов человека и культуры, как среды его существования. Так, главным гуманитарным запросом С.Л. Братченко называет: в какой мере в образовании созданы условия для комфортного, эффективного и по-человечески полноценного существования и развития детей и взрослых¹⁸¹. Образование по природе своей призвано оценивать мир, выделять главное, хранить и передавать его следующим поколениям. В монографии под общей редакцией Е.П. Савруцкой отмечается: «Несмотря на присущий образованию консерватизм, оно всегда было вынуждено не просто приспосабливаться к изменяющимся условиям социальной реальности, но и прогнозировать процессы дальнейшего развития науки и техники, возможности использования всего того нового, что соответствует потребностям развития общества»¹⁸². Таким образом, аксиологический подход, применяемый к исследованию становления цифровой культуры, выступает своеобразным «мостом» между практикой и теорией. Он позволяет изучать цифровые явления с точки зрения заложенных в них возможностей удовлетворения потребностей людей и решать задачи гуманизации общества.

Э. Тоффлер, размышляя о будущем человечества, отмечал, что людям, которые должны жить в супериндустриальном обществе, понадобятся новые умения и навыки в трех ключевых сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать¹⁸³. Соответственно, указывал мыслитель, необходимо перенаправить деятельность системы образования. Ее главная миссия – сформировать «страсть к будущему». Важно чтобы страсть не перевешивала

---

¹⁸¹ Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: методическое пособие. — СПб.: СПбГУПМ, 2003. — 56 с.

¹⁸² Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Никитин А.В., Устинкин С.В. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1 / Под общей ред. Савруцкой Е.П. — Н.Новгород: НГЛУ, 2019. — С. 94.

¹⁸³ Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — С. 450.

разум. Будущее, во многом, зависит от направленности деятельности системы образования. Она в своей устремленности в будущее всегда являлась наиболее важным сектором апробации новых технологий. Но не всегда новации проходят экспертизу, что, как следствие, влечет не самые лучшие эффекты.

С.М. Климова отмечает, что «эксперту-гуманитарию еще надо обозначить и отстоять свое место в неравной борьбе с продажной идеологией и идеологизированным рынком»¹⁸⁴. Между тем, экспертиза становится жизненно необходимой в условиях агрессивного внедрения технологий, которые касаются самых важных сфер человеческой жизни. Так, С.М. Климова пишет, что «сформировалось поколение, развивающее не способность мыслить, но краткосрочную память, имеющее логические навыки решения этических задач, но не понимающее, что такое добро и зло, что такое ценности и чем общие ценности отличаются от субъективных устремлений стать самым первым, самым достойным, самым успешным и богатым»¹⁸⁵. Все эти последствия – результаты непродуманных экспериментов в образовании. Они не только влияют на своеобразие личностных качеств людей, но определяют возможности экономического развития страны, обеспечение ее безопасности. Потенциал, заложенный через образование в личность, обеспечивает весь комплекс условий благоприятствующих общественному развитию. В этой связи, пишут А.М. Дорожкин и Е.П. Савруцкая «... становится все более очевидной необходимость сохранения российских базовых культурных ценностей, способствующих эффективному внедрению инновационных преобразований как в систему образования, так и в общество в целом. А эти ценности, к

---

¹⁸⁴ Климова С.М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // *Философские науки*. – 2017. – № 4. – С. 74.

¹⁸⁵ Там же.

счастью, все еще сохраняются в традициях отечественной культуры и образования, что позволяет надеяться на положительные результаты»¹⁸⁶.

Исходным приоритетом при формулировке целей гуманитарной безопасности социокультурного пространства нашего общества нам представляется формирование личности, укорененной в родной культуре, знающей и уважающей родной язык, историю своей страны, традиции своего народа. Обеспечение гуманитарной безопасности связано с эффективностью системы формирования граждан ответственных за судьбу Родины, обладающих нравственным сознанием, развитым интеллектом и творческими способностями, направляемыми идеалами гуманизма, отечественной духовной традиции.

В этом контексте важно отметить необходимость обеспечения суверенитета и самодостаточности национальной системы образования. Подчеркнем, в этой связи, разрушительное воздействие на основания русской духовности массовой культуры, осуществляемое посредством образовательных «новаций», что актуализирует задачу проведения их гуманитарной экспертизы.

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что гуманитарная экспертиза является необходимым этапом формирования цифровой культуры. Она способна придать ей целостность через определение системы объединяющих ценностей. Культура – это лучшее из созданного человеком, но это лучшее нуждается в определении. Становление и развитие культуры возможно при наполнении всего объема новых результатов человеческой деятельности общим смыслом, определением их действительной значимости, ценности для человека и общества. В этой связи возникает задача актуализации базовых оснований культуры и анализ всех новых технологических явлений с позиции их соответствия приоритетам развития национальной культуры.

---

¹⁸⁶Дорожкин А.М., Савруцкая Е.П. Проблемное поле отечественного гуманитарного образования // Нижегородское образование. – 2013. – №1. – С. 18.

Формирование цифровой культуры в образовании, во многом, определяется экспертной деятельностью ученых и педагогов. Отметим, что функция современного педагога как гуманитарного эксперта – функция приобретающая особенное значение в цифровой образовательной среде. Элементы цифровой культуры, зародившиеся в отечественной системе образования, сами по себе, без объединяющих ценностей не могут приобрести конкретную культурную форму. В этой связи актуальным становится аксиологический подход, согласно которому выбор ценностей является исходным моментом концептуализации культуры, новых явлений в ней зарождающихся. Наиболее устойчивые, базовые ценности отечественной культуры концентрируются в образовании и, прежде всего, вокруг интересов человека, а также самой культуры, как среды его существования. Таким образом, ценности образования можно рассматривать в качестве основания для проведения гуманитарной экспертизы внедряемых технологических новаций.

Глава II. Ценности российского образования в цифровом пространстве современной культуры

2.1. Гуманизм в цифровой культуре

Важнейшей ценностью отечественного образования является гуманизм. Эта ценность исторически сформировалась как основание российской культуры и получила закрепление в качестве традиции российского образования. Соответственно, любой процесс или результат человеческой деятельности в сфере образования может получить свою оценку через его сопоставление с гуманистическими идеалами отечественной культуры. В них человек рассматривается как высшая ценность общества и самоцель общественного развития. Гуманизм опирается на убеждение в том, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть и то, что объединяет человечество, и то, что характеризует каждого отдельного человека.

Рассматривая цифровизацию в контексте глобализационных процессов отметим, что не все страны, культуры в равной степени и однозначно воспринимают это явление современности. Можно говорить о возникновении культурной несовместимости, когда ценности цифрового мира не принимаются культурной традицией. Возникая в рамках определенной культуры, отмечал В.Ж. Келле, наука вместе с тем может вступать с ней в противоречие. Например, если «влияние науки рассматривается как экспансия «технического разума» - бездушного, безличного, стандартного, несовместимого с субъективностью, духовностью, человечностью мира культуры»¹⁸⁷.

Таким образом, рассмотрение вопросов цифровизации культуры не должно ограничиваться анализом развития в ней цифровых технологий и их применением в жизни общества, а должно затрагивать социокультурный

---

¹⁸⁷ Келле В.Ж. Наука как феномен культуры // Наука и культура. – М.: Наука, 1984. – С. 11.

контекст этих процессов – условия, особенности жизни и культуры социума, которому предложены стандарты цифрового мира. Так что исследование цифровой культуры предполагает не только анализ ее феноменов, но оборачивается исследованием того, что происходит с культурой в эпоху распространения цифровых технологий. Такая постановка вопросы представляется закономерной еще и потому, что цифровую культуру трудно отделить от культуры «нецифровой». Дело не только в стремительной «оцифровке» современной культуры, но и в том, что цифровая культура органично связана с культурой предыдущих эпох, «пре-цифровой» культурой¹⁸⁸.

Это особенно важно понять при реализации политики цифровизации в России. Исторически ценностным основанием отечественной культуры стал гуманизм и всякое явление, угрожающее ему воспринимается как чуждое, неестественное, извне насаждаемое. Отечественная образовательная культура также имеет свой гуманистический стержень, вокруг которого и развивалось технологическое знание¹⁸⁹. Замена оснований в образовательной культуре – это тяжелое испытание, которое отражается не только на состоянии самой системы образования и ее субъектах, а выходит далеко за пределы образовательной сферы общественных отношений.

Попытки русской философии определить необходимый характер развития России привели к признанию необходимости опоры на традиционные ценности отечественной культуры. Так, А.С. Хомяков писал, что между поколениями должна быть преемственность в понимании смысла человеческой жизни, радикальный разрыв с ценностями прошлого нарушает «внутреннюю цельность человека», отрывает его «от почвы, на которой

---

¹⁸⁸ Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Цифровая культура. – 2012. Выпуск № 3(8). – С. 10: [Эл. ресурс] URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения 2.08.2019).

¹⁸⁹ См.: Ивашевский С.Л., Саберова М.Ш. Национально-культурные особенности развития современной юридической науки в России // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 130-135.

вырос»¹⁹⁰. Значительную роль в сохранении традиций славянофилов отдавали образованию, которое само развиваясь и перенимая положительный опыт иных культур, должно ориентироваться на высшие ценности национальной культуры. Размышляя о ценностных приоритетах развития российского общества и их роли в становлении народного просвещения И.В. Киреевский в статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» писал о своем желании «чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением Европейским и не вытесняя его, но напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие, и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей Православной России»¹⁹¹.

Отметим, что среди других, проблема дегуманизации человека и общественных отношений в условиях возрастания роли техники и технологий является наиболее обсуждаемой в истории отечественной философской мысли. Н.А. Бердяев указывал: «То, что сейчас происходит в мире, не есть даже кризис гуманизма, - это тема второстепенная, а кризис человека. Ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком... Человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью»¹⁹².

Н.А. Бердяев предостерегал от дегуманизации важнейших сфер общественной жизни, их отделения от культуры и духовности человека. В дроблении целостности человеческого бытия он видел прекращение целостного человека. Новый же человек поклоняется идеалу или идолу производительности, превращающему человека в функцию производства, поклоняется силе и успеху, беспощаден к слабым, он движим соревнованием

---

¹⁹⁰ Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России / Полное собрание сочинений. - М., 1911. - Т. 1. - С. 347-370.

¹⁹¹ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В.Н. Греков. - М.: Наука, 2014. - С. 285-334.

¹⁹² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. - М.: Республика, 1994. - С. 324.

в борьбе и, что самое важное, в нем происходит ослабление и почти уничтожение духовности¹⁹³. Такое состояние современного мира требует духовного и морального преобразования. Н.А. Бердяев выступал за восстановление иерархии ценностей, в которой ценность человеческой личности будет выше идолов и кумиров производства и техники¹⁹⁴.

Наука создает все новые средства для удовлетворения потребностей людей и придания их жизни максимальной комфортности. В таких условиях гуманистическое воспитание становится все более ущемленным и ему на смену приходит научно-технический прогресс как самоценность. В то же время, этот прогресс не может заместить все социализирующие функции. Русский философ Иван Ильин справедливо отметил: «Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно даёт в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, - бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, - и начинает злоупотреблять»¹⁹⁵.

Под влиянием этих идей сложилась гуманистически ориентированная философия образования в России, как стратегическая программа качественного совершенствования общества. Она позволяет установить критерии оценки деятельности учебных заведений, педагогических концепций и теорий образования, конкретного педагогического опыта, используемых средств обучения. Идея гуманизма предполагает осуществление направленности культуры на развитие личности, максимальное раскрытие ее способностей и талантов, на укрепление здоровья человека, его гармоничное существование с миром природы и миром людей, на воплощение в жизнь идей свободы и справедливости. Идея гуманизации имеет широкое социокультурное и философско-антропологическое значение, так как определяет направление развитие

---

¹⁹³ Бердяев Н.А. Судьба России: Книга статей. – М.: Эксмо, 2007. – С. 363.

¹⁹⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 345.

¹⁹⁵ Ильин И.А. О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике. – М.: Амрита, 2018. – 224 с.

человека и цивилизации, задает критерии оценки средств, претендующих на свое место в обеспечении общественного прогресса.

Несомненно, в такой оценке нуждаются современные технические средства, роль которых в жизни человека возрастает, а последствия этого остаются неизвестными. Философская мысль не раз выражала обеспокоенность по этому поводу и подчеркивала сущностное противостояние идей гуманизма и техницизма. Так, например, Д.С. Лихачев считал, что «основная задача современной жизни: сочетать развитие техники с гуманизмом. Цивилизация без души, писал ученый, – ужас!»¹⁹⁶.

Новый виток нарастания технологической экспансии в культуре второй половины XX- нач. XXI вв. углубил кризис ценностей гуманизма. Ж. Бодрийяр, исследуя проблемы человеческого бытия в новых социокультурных условиях, обратил внимание на исчезновение его реальности в условиях развития виртуального пространства. Он увидел в этом перерождение человечества в свою клонированную форму. В виртуальном мире, считал философ, нет ценности, там царствует простая информативность, просчитываемость, исчислимость. Создав новый искусственный мир и восприняв его как более совершенный, человек устремился увековечить себя в роде искусственном, уничтожая род человеческий. «Радикальная современная мысль, писал Ж. Бодрийяр, затрагивая огромные усилия, пытается ликвидировать ставшую обременительной нравственную и философскую культуру с помощью новых метафизических построений. Техника разрушает ее гораздо эффективней и решительней: она использует виртуальное»¹⁹⁷.

Отметим, что существует множество проблем, как в реализации самой политики цифровизации, так и в последствиях ее расширения в жизни современного социума и его институтов социализации. Одна из них,

---

¹⁹⁶ Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 207.

¹⁹⁷ Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с франц. Н.Суслова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 31-33.

например, связана с тем, что само понятие «технология» изначально использовалось только применительно к производственным процессам, а не в гуманитарной сфере. Утвердившись же в сфере образования, «технологизм» изменил сам характер образовательного процесса, придав ему форму производственного, направленного на «производство» человеческого капитала. В нем обучаемый представляется некой деталью, которая должна быть доведена до совершенства преподавателем и по окончании обучения занять место в общем механизме социальных отношений. При таком подходе изменяется сама сущность образовательного процесса, его ценности и идеалы. Их реальная востребованность обществом и социальные последствия еще не в полной мере осознаны нами. «Отец» кибернетики Норберт Винер предупреждал: «...Существует культ техники. Люди заморожены техникой. Машины предназначены для службы человеку, и, если человек предпочитает весь вопрос о способе их употребления передать машине, из-за слепого машинопочтения или из-за нежелания принимать решение... мы сами напрашиваемся на неприятности»¹⁹⁸.

Технологизация современной жизни в целом и образования в частности приводит к расколу между чувствами и мышлением, разумом и переживаниями, все большей рациональности и прагматичности людей. Технологические новшества способны снижать порог восприимчивости и чувствительности к другому человеку и, как следствие, формировать духовную пустоту людей. Современные обучающиеся зачастую не проявляют признаков социально одобряемого поведения и не стремятся к таковому. В них развивается социальный эгоизм – абсолютизация личностного «Я», стремление выделиться, привлечь к себе внимание и произвести впечатление. Как пишет А.Н. Фортунатов: «Формы презентации бытия заменили собой само бытие»¹⁹⁹. Отметим, что цифровизация в ее

¹⁹⁸ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948-1961. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – С. 319.

¹⁹⁹ Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. – Н.Новгород: ННГУ, 2009. – С. 179.

современном формате провоцирует развитие таких негативных процессов в обществе и его системе образования. Будучи явлением глобальным она, таким образом, превращается в фактор конкурентоспособности стран, культур, цивилизаций. Человеческий потенциал в многомерности его проявлений подтверждает свою ведущую позицию в обеспечении социального прогресса. При этом, технологические проекции человеческой личности выглядят лишь приложением к ее ценностным основаниям.

А. Тойнби одним из первых в европейской науке XX в. выделил духовное развитие человека из других факторов обеспечения цивилизационно-культурного множества в современном мире. Он писал: «И если мы что-то должны и можем уяснить себе, так это то, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную»²⁰⁰.

Анализируя опасности, подстерегающие западную цивилизацию, известный американский социолог и политолог С. Хантингтон отметил, что куда более важными, чем экономика и демография, являются проблемы падения нравов, культурного суицида и политической разобщенности»²⁰¹. Углубление этих проблем связано с развитием массовой культуры, основанной на технических средствах ее производства и трансляции. Этот тип современной культуры видоизменил и человека, превратив его в «массового», ориентированного не столько на других людей, сколько на технические средства и усовершенствования своей жизни. Массовая культура формирует зависимость человека от техники и «технологический оптимизм», как способ отношения к миру, в котором человек менее эффективен по сравнению с техническими средствами в решении самого широкого комплекса задач.

---

²⁰⁰ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – С.443.

²⁰¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд. АСТ, 2015. – С. 496-497.

А.В. Чижик считает, что характерными чертами такого «массового» человека можно назвать: социальную дезориентированность относительно ценностей и приоритетов; пониженную способность к рассуждению, заменяющуюся энергичным бездоказательным утверждением; несклонность к сопереживанию, эгоистичность, равнодушие к мнению, достоинству и даже жизни другого человека²⁰².

Подобные установки усугубляют проблему гуманизма в современном обществе. Увлеченность технологиями приводит к технологизации социальных ценностей. Человек и все человеческое уступают место технике и всему, что определяет ее функционирование. Ценности обезличиваются, утрачивается их укорененность в культуре, в опыте предков, в наличных социальных практиках. «Машина» становится источником истины. Последствия транслируемых ею ценностных приоритетов весьма неоднозначны. Они могут быть и позитивными, обусловленными возможностями плюралистичного взгляда на мир, свободы выбора ценностных ориентиров. Возможны и негативные последствия. Они, по мнению В.И. Родионовой, «обнаруживаются в усилении управляемости, манипуляции социальными действиями индивидов. В социальных практиках потребления доминируют ценности пользы и выгоды»²⁰³.

Использование цифровых технологий актуализирует для человека цифровой культуры значение новых, «жизненно необходимых» компетенций – навыков обращения с современной техникой. Их абсолютизация, как отмечает А.Н. Фортунатов, порождает «социальное бездушие и механистическое восприятие окружающего мира, которые априори

---

²⁰² Чижик А.В. Новые медиа форматы в массовой культуре эпохи цифровых технологий: культурологический анализ / Автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. – М., 2018. – С. 34.

²⁰³ Родионова В.И. Социально-философский анализ технологизации социальных практик в современном обществе / Автореф. дисс. ... докт. философ. наук : 09.00.11. – Ставрополь, 2015. – С. 36.

порождают жестокость и насилие»²⁰⁴. При этом потребность в развитии морально-нравственных качеств личности, умений общаться, познавать, формировать и формулировать свою точку зрения уходит на второй план. Это, несомненно, вызов системе образования.

Как считает М.В. Костоломова «...можно предположить, что в прогнозируемом будущем исчезнут за ненужностью воспитательная и ценностно-ориентированная функции образования. Вероятно, такая же участь ждет и социализирующую функцию. Ведь, следуя логике трансгуманистов, киборгизированный и/или чипированный, управляемый кем-то индивид с уже заложенными и спрограммированными характеристиками не нуждается в социализации, воспитании, освоении поведенческих паттернов или ценностно-мировоззренческих установок»²⁰⁵.

Основатель GlobalEducationFutures, профессор практики Московской школы управления Сколково П.О. Лукша отмечает, что «цифровая революция» в образовании является необходимым, но недостаточным условием перехода к новому образованию. Гораздо важнее условие «ученической самостоятельности» и «самоуправляемости» - наделение учащихся все большим правом голоса и выбора – но не за счет учителей, а в сотрудничестве с ними. «Нам стало ясно, пишет П.О. Лукша, что будущее не столько за навыками, которые помогут нам программировать роботов, сколько за теми навыками и качествами, которые делают нас людьми – в первую очередь, это способность к сопереживанию, эмпатия»²⁰⁶.

Авторы Проекта дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения подчеркивают особую значимость человеческого фактора в образовательном процессе, указывают

²⁰⁴ Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. – Н.Новгород: ННГУ, 2009. – С. 174.

²⁰⁵ Костоломова М.В. Трансгуманизм: от идей к парадигме // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 6. – С. 21.

²⁰⁶ Лукша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образование для сложного мира: зачем, чему и как: Доклад о форуме GlobalEducationLeaders' PartnershipMoscow, 2018. – С. 8.

на невозможность полного исключения живого межличностного общения из образовательного процесса и полной его автоматизации либо перевода в сетевой формат. Люди – социальные существа, и для полноценного развития им необходим процесс живого общения. Вопреки распространённому с недавних пор убеждению, человек является более сильным источником учебной мотивации, чем цифровые средства обучения. Неэффективность «автоматизированного процесса учения» была выявлена ещё на рубеже 60-70-х годов прошлого века, в результате проводившихся в разных странах экспериментов по внедрению модели программированного обучения. В условиях программированного обучения человек теряет субъектную позицию и становится, по существу, машиноподобным элементом автоматизированной образовательной системы, строго действующим по заданному алгоритму. Использование современных цифровых технологий, само по себе, способно создать лишь ситуативную, краткосрочную мотивацию учения²⁰⁷.

Многие универсальные компетенции могут быть полноценно сформированы лишь на основе лично значимого, осмысленного опыта деятельности, полученного обучающимся в реальной среде человеческого общения, насыщенной эмоциями, борьбой интересов, конфликтогенами, требующей эмпатии, включённой рефлексии, мгновенной и точной человеческой реакции и т.д. Аналогично, формирование профессиональных компетенций в большинстве случаев требует погружения обучающегося в реальный профессиональный контекст, со свойственными ему межличностными отношениями, ролевыми позициями, коммуникациями и взаимодействиями.

Таким образом, преувеличенная оценка возможностей цифровой образовательной среды, цифровых ресурсов и средств обучения, в сочетании

---

²⁰⁷ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.48-50.

с недооценкой значимости человеческого фактора в образовательном процессе создает риск избыточного «цифрового оптимизма». Его оборотной стороной является «гуманитарный пессимизм», который рассматривает человека в качестве наименее эффективного компонента человеко-машинных систем. В результате уже на этапе проектирования таких систем наблюдается тенденция вытеснения из них человека (в случае образовательных систем – педагога, а также возможностей для живого общения между обучающимися)»²⁰⁸.

Цифровые технологии подорвали традиционную модель обучения, когда старшее поколение передавало свои знания младшему, готовило его к тому, что оно должно занять свое место в мире, учило серьезному отношению к жизни и к своим обязанностям. Это, в частности, происходило потому, что в традиционной системе образования старший человек - учитель имел преимущество в жизненном опыте и был носителем информации, которой просто не мог обладать его ученик. Соответственно и процесс образования реализовывался во многом как процесс ретрансляции информации и «подтягивания» обучающегося к массиву знаний. В настоящее время информация доступна любому человеку, независимо от возраста, но молодые люди гораздо быстрее, чем представители старшего поколения, осваивают новейшие технологии. Такое переворачивание традиционных ролей ведет к тому, что молодые люди утрачивают доверие к традиции, нормам морали и ценностям. Мир начинает казаться им неустойчивым, каким-то ненастоящим²⁰⁹.

Это актуализирует значение миссии Учителя, как одной из самых значимых в современном мире. Учитель – творец Человека. Академик АН СССР, затем РАН, Н.Н. Моисеев, осмысливая механизмы перехода

---

²⁰⁸ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 51.

²⁰⁹ Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в дигитальной культуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2018. – № 1. – С. 20.

человечества в «Эпоху Ноосферы», назвал самым главным из них «Систему Учитель». В центре образовательной политики должны стать не «цифровые технологии», а Учитель и Преподаватель, как главные фигуры учебно-воспитательного процесса²¹⁰. Это важное требование гуманистической философии образования. «Быть учителем», т.е. педагогическая функция, есть родовая функция человека, которая преобразуется, совершенствуется, обретает все более емкое человеческое (гуманистическое) измерение, по мере возвышения качества человека, т.е. по мере прогресса человечности в человеке, возвышения качества культуры и качества общества.²¹¹ В образовании подчиненном «цифре» сохранить миссию учителя оказывается непросто. «Цифра» требует счета, возрастает «цифро-бумажное» давление (по отчетности перед вышестоящими органами), которое лишает педагога сил и времени, необходимых для творчества, для исполнения своего истинного назначения.

По данным исследования проведенного Минобрнауки России совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2020 г. с изменением образования в сторону индивидуализации и подстройки под каждого студента при переходе к новым цифровым форматам обучения соглашаются 36,5% опрошенных, не соглашаются 46,1%. С увеличением свободы преподавателя в выборе способов и приемов обучения соглашаются 41,5%, не соглашаются 42,8%²¹². Таким образом, мы убеждаемся в наличии глубоких противоречий в современной политике цифровизации образования, в отношении к ее эффективности и значимости для своей профессиональной деятельности педагогов – основных каналов передачи гуманистических ценностей в образовании.

²¹⁰ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: «Молодая гвардия», 1990. – 351 с.

²¹¹ Субетто А.И. Онтология и феноменология педагогического мастерства. Книга первая. – Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1999. – 208 с.

²¹² Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн [Эл. ресурс] URL: <https://socialresearch.ru/posts/68-prepodavатели-vyskazali-svoe-mnenie-o-vynuzhdennom-perekhode-obrazovatel-nogo-protsess-a-v-onlajn> (дата обращения: 30.06.2020).

Одной из граней гуманизма является идея/чувство социальной справедливости. Являясь концентрацией индивидуальных и/или общественных приоритетов в достижении должного состояния социальных отношений, идея справедливости несет особую смысловую нагрузку для культурной идентификации личности, социальной общности в многообразии жизненных ценностей и социально-политических проектов. В этой связи проблема справедливости представляется особенно важной в условиях формирования и развития новых культурных явлений, изменяющих привычные рамки социальных взаимодействий. Идея социальной справедливости обладает собственной динамикой, обусловленной историко-культурными факторами развития каждой особой цивилизации. В наше время к важнейшим из таких факторов следует отнести развитие процессов цифровизации и появление цифровой культуры.

Цифровая культура создает «видимые» условия социальной справедливости через повышение доступности цифровых технологий для масс, усиление степени проникновения каждого человека во все социальные процессы, включая политику, экономику, культуру. Доступность этих технологий позволяет каждому быть мобильным, успешным, равным другим, хоть и в новом – виртуальном формате. Это, во многом определяет их востребованность в современном мире, уставшем от несправедливости и разочаровавшемся в ценностях сложившихся моделей общественных отношений. Вместе с тем, цифровая культура видится вариантом ухода от реальности, что влечет и перенос проблемы справедливости из реальных общественных отношений в цифровой мир. Каждая цифра занимает достойное для себя место, обозначает то, что только и может обозначать – в этом мире справедливость более однозначна. Что же получает от такой цифровой справедливости реальный человек, живущий в реальном мире? Ровно ничего, кроме полной потерянности в пространстве родной культуры, замутненности сознания яркостью технологических новинок, отсутствия критического восприятия наличного бытия. Такой человек удобен (для

управления и контроля) и нацелен на удобства (технические средства), повышающие комфортность его существования.

Кроме того, принцип справедливости нарушается существованием «цифровой бедности»²¹³, явлением, фиксирующим неравные возможности в получении образования различными слоями населения. Очевидно, что цифровые технологии в образовании требуют определенной технической оснащённости пользователя, что определяет его зависимость от уровня материального благосостояния и создает проблему образовательного неравенства.

Характеризуя современное общество как общество риска, У. Бек выявляет в нем развитие дегуманизирующих процессов, возникновение новых, лишаящих человека возможности быть свободным и защищенным, движущих сил. Из них определяющим общество риска становится страх.²¹⁴ А «Пугливые люди, - отмечает У. Бек, - без вопросов и протестов готовы смириться с вмешательством в самые основы их жизни, что раньше было просто невыносимо»²¹⁵.

Современное общество не только завлечено цифровыми технологиями, но и напугано ими. Формирующаяся зависимость человека от цифровых технологий пугает утратой свободы и личностной независимости. Интернет-зависимость в подростковой среде проявляется, прежде всего, в форме увлечения видео-играми, навязчивой потребности к общению в чатах, круглосуточном просмотре фильмов и сериалов в Сети. Так, в 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал результаты своих исследований, которые показали, что подавляющее большинство подростков в нашей стране (98%) пользуются

---

²¹³ Вейдт В.П. Цифровая грамотность учителя: трудности и перспективы вынужденной иммиграции в «цифру» // Нижегородское образование. – 2020. – № 2. – С. 103.

²¹⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 60.

²¹⁵ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М.: Прогресс-Традиция; Изд. дом «Территория будущего», 2007. – С. 387.

интернетом ежедневно, кроме того 89% заходят в социальные сети практически каждый день.

Участники опросов старше 18 лет считают, что социальные сети оказывают плохое влияние на подростков (58%). Результаты исследований показывают, что осведомленность об опасных группах в соцсетях (пропагандирующих самоубийства, насилие, терроризм) достаточно низкая и мало отличается среди подростков и населения в целом. Так, о пабликах, распространяющих материалы о самоубийствах знают 16% взрослых респондентов и 18% подростков, о группах, пропагандирующих насилие – 10% и 11%, терроризм – 9% и 6%²¹⁶.

Особенность коммуникации молодежи в Интернете заключается в том, что наряду с вербальным общением, которое часто ограничивается обменом мнениями на повседневные темы, широко распространена и такая форма, как компьютерные игры, логика которых направляет не просто поведение индивида, но через механические игровые реакции формирует в его подсознании установки, порой девиантные, а то и суицидальные. Согласно данным проведенного в 2018 году исследования, к компьютерным играм интерес проявляют 48,5%, т.е. 9 810 тыс. молодежи в возрасте 11–24 лет. Из общего числа игр, в которые в России регулярно играют представители возрастной группы 11–24 лет, не менее 40% направлены на формирование агрессивного, мистического, в отдельных случаях криминального сознания, а часть игр стимулирует молодежь к суициду²¹⁷.

Негативные социальные ожидания в отношении роста популярности компьютерных игр выявляются многими социологическими исследованиями. По данным ВЦИОМ, большинство наших сограждан убеждены, что компьютерные игры вредят тем, кто в них играет (58%). Из негативных

---

²¹⁶ Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587>(дата обращения: 12.05.2020).

²¹⁷ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа: [монография]; ФНИСЦ РАН. – Электрон.текст.дан. (объем 7,5 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – С. 139. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555

последствий, которые влекут за собой видеоигры, россияне чаще всего называют те, что связаны со здоровьем: возникновение зависимости – 26%, ухудшение зрения – 23%, негативное влияние на психику – 13%, деградация умственных способностей – 10%. Многие также считают видеоигры бесполезной тратой времени (16%) или причиной, провоцирующей агрессию у игроков (10%)²¹⁸.

Т.Ю. Богачева следующим образом систематизирует основные угрозы (риски) интернет пространства для детей и подростков: «Во-первых, это свободная доступность к содержанию, несущему опасность для жизни и здоровья ребенка (суицидальные призывы, пропаганда наркотиков, порнографическое содержание, призывы к насилию и т.п.). Во-вторых, бесконтрольный доступ к азартным и жестоким играм, что влияет на формирование личности, приводя к психическим и эмоциональным отклонениям. Кроме того, длительное пользование компьютером... формирует компьютерную зависимость, 6,4% интересуются сайтами экстремистской направленности»²¹⁹.

Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Т.А. Нестик представили следующую классификацию интернет-рисков:

- контентные риски, которые возникают в процессе использования материалов, содержащих противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию - насилие, агрессию, эротику и порнографию, нецензурную лексику, пропаганду суицида, наркотических веществ и т.д.;
- коммуникационные риски, связанные с межличностными отношениями Интернет - пользователей и включающие в себя незаконные контакты (например, с целью встречи), киберпреследования, киберунижения, груминг и др.;

²¹⁸ На игре: социальные эффекты компьютерной игромании [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9889> (дата обращения: 12.03.2020).

²¹⁹ Богачева Т.Ю. Типология рисков интернет - пространства для здоровья подростков // Образование личности. – 2016. – № 1. – С. 57.

- потребительские риски, т.е. злоупотребления правами потребителя: риск приобретения товара низкого качества, подделок, контрафактной и фальсифицированной продукции, хищение денежных средств злоумышленником через онлайн-банкинг и т.д.;

- технические риски, связанные с возможностью повреждения ПО, информации, нарушение ее конфиденциальности или взлома аккаунта, хищения паролей и персональной информации злоумышленниками посредством вредоносного ПО и др. угроз;

- Интернет-зависимость, т.е. непреодолимая тяга к чрезмерному использованию Интернета²²⁰.

Рост социальных страхов вызвал естественную реакцию со стороны законодателей, которые постепенно формируют пакет мер по регулированию воздействия цифровых технологий на общество. Так появился Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ²²¹. К информации, запрещенной для распространения среди детей, законом отнесена информация:

1) побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий;

2) способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

---

²²⁰ Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – С.91-92.

²²¹ Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения 13.12.2019).

3) обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

4) отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

5) оправдывающая противоправное поведение;

6) содержащая нецензурную брань;

7) содержащая информацию порнографического характера;

8) о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего.

В 2018 году подписан закон о внесудебной блокировке сайтов и других интернет-ресурсов, опасных для жизни и здоровья несовершеннолетних. В документе упоминаются «группы смерти», «колумбайн-сообщества» и криминальные объединения (по типу «АУЕ-движения»), пропагандирующие насилие.²²²

Количество детских суицидов (в 2017 г. – 692 случая, за девять месяцев 2018 г. – 583)²²³, а также массовое убийство в Керченском политехническом

²²² О внесении изменений в статью 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» Федеральный закон от 18.12.2018 № 472-ФЗ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812180020?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 12.12.2019).

²²³ Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия» 29 ноября 2018 г. [Эл. ресурс] URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735> (дата обращения: 10.01.2020).

колледже обусловили потребность в научном обосновании влияния Интернета на деструктивное поведение несовершеннолетних. По инициативе Следственного комитета России ученые СПбГУ провели соответствующее исследование. Старший помощник председателя СКР Игорь Комиссаров по его итогам заявил, что ни в одном случае нет определяющего влияния только интернета на последующие действия несовершеннолетних. Никогда те или иные группы, содержащие деструктивный контент, не становились главной причиной детских суицидов. И не только суицидов, но и основной причиной противоправного или опасного поведения несовершеннолетних. Интернет является средством коммуникации, которое только в совокупности с иными факторами (проблемы в семье, в школе, ориентированной на показатели ЕГЭ, затруднение в общении со сверстниками, увеличение потребления школьниками наркотических и психотропных препаратов, незанятость позитивной деятельностью) может привести к трагическим результатам²²⁴. Между тем, не была исключена негативная роль Интернет-технологий в деструктивном поведении подростков.

Таким образом, страхи людей в отношении масштаба проникновения новых технологий в их жизнь очень разнообразны, образуют пласты, определяемые уровнем актуальности и очевидности опасностей для человека. Так, на первом месте располагаются страхи по поводу последствий приобщения к цифровым технологиям для здоровья человека. Новые формы отношения человека с техникой, очевидно, не соответствуют представлениям о здоровом образе жизни. Физические и психические проблемы все чаще рассматриваются в контексте формирующейся зависимости человека от технических средств. Комплекс санитарно-гигиенических ограничений требует учитывать в образовательном процессе

---

1. ²²⁴ Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия» 29 ноября 2018 г. [Эл. ресурс] URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735> (дата обращения: 10.01.2020).

характер негативных влияний цифровых технологий и средств на здоровье, функциональное и эмоционально-психологическое состояние человека. В числе негативных результатов ненормированной работы с компьютером отмечаются: снижение зрения, различные признаки быстрой утомляемости, возникновение неврологических симптомов и др.»²²⁵.

Другой пласт социальных страхов связан с несовершенством новых методов, используемых в практике образовательного процесса. С ними сталкиваются все субъекты образования, что создает широкую базу для социальных опасений за результаты профессиональной и нравственной подготовки молодых граждан нашей страны. По данным исследования проведенного Минобрнауки России совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2020 г. в качестве основных угроз, связанных с переходом образования на дистанционный формат, преподаватели называют:

- 1) спад мотивации студентов к обучению;
- 2) нехватку у студентов навыков и умений для поддержания дисциплины и усердия в дистанционном обучении;
- 3) эмоциональные срывы как студентов, так и преподавателей;
- 4) рост нагрузки на преподавателей;
- 5) отсутствие в системе образования индивидуального подхода, обезличенность;
- 6) невозможность контролировать уровень знаний;
- 7) ограничение в ряде направлений (прежде всего, технических, математических) на дистанционную передачу знаний
- 8) формализация процессов образования, склонность к шаблонным, унифицированным решениям²²⁶.

²²⁵ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.48-50.

²²⁶ Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн [Эл. ресурс] URL: <https://socialresearch.ru/posts/68-prepodavatelii>

Третий пласт социальных страхов по поводу использования цифровых средств взаимодействия с миром является наиболее скрытым и глубоким в своих социальных последствиях. Он связан с проявляющимися рисками деформации мышления, мировоззрения, системы ценностных ориентаций. Возникает опасность дегуманизации, «расчеловечивания» социальных институтов. Всеобщая компьютеризация неизбежно влияет на общественное сознание, при этом возникают серьёзные риски, связанные с феноменом прямой конкуренции человека и компьютера в человеко-машинных системах, вынуждающая человека либо устраниваться из этих систем, либо приобретать черты «компьютероподобия»²²⁷.

Таким образом, обобщая, следует актуализировать следующие проблемы дегуманизации человека и социальных отношений посредством становления цифровой культуры: формирование зависимости человека от технических средств, утрата способности к самостоятельному творчеству, усиление контроля за идеями и «фильтрация» информации, возможность манипуляции действиями субъекта с помощью алгоритмов, заложенных в компьютерные программы, утрата нравственных ориентиров, ухудшение физического и психического здоровья. Их преодоление видится перспективным направлением развития цифровой культуры, а показатели состояния данных проблем – критериями гуманитарной экспертизы образовательных новаций.

---

vyskazali-svoe-mnenie-o-vynuzhdenom-perekhode-obrazovatel-nogo-protsess-a-v-onlajn (дата обращения: 30.06.2020).

²²⁷Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С.51.

2.2. Национально-культурная идентичность и патриотизм в условиях цифровизации образования

Особенностью современного этапа в развитии национальной культуры является ее цифровизация. Активное распространение цифровой культуры, несомненно, оказывает все возрастающее воздействие на социальные процессы во всех областях человеческой жизни. Отметим, что характер этого воздействия носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, развитие цифровых технологий оценивается как прогрессивный шаг к открытому, глобальному обществу, опирающемуся на общность целей и ценностей. С другой стороны, имеет место критика процессов цифровизации, ведущих к манипуляциям сознанием, утрате человеком собственного «Я», кризису идентичности.

Новый формат существования культурных ценностей видоизменяет их смысловое содержание, формы их проявления, роль в жизни общества. Цифровая культура, расширяя пространство существования человека в «сетевые», «виртуальные» миры, освобождает его, в том числе и от традиционно значимого, ценного именно для конкретного сообщества людей. Человек в просторах Интернета легко теряется в определении Родины, родных, даже самого себя. Актуальной становится проблема идентичности личности, точнее ее идентичностей – национальной, гражданской, культурной.

Цифровая культура формирует новые социокультурные смыслы и ценности. В ней находят развитие коммуникации виртуального типа, где потоки фрагментарной информации разрушают традиционные формы идентификации личности. Так, в условиях глобальной технологизации своей жизни человек оказался в положении внешнего комфорта, обусловленного преимуществами цифровых технологий, и внутреннего дискомфорта, связанного с ростом проблем самоидентификации в быстро меняющемся контексте культуры.

В эпоху цифровизации культуры ее символы стали многозначными, они не несут в себе четкости и устойчивости. Как писал Ж. Бодрийяр: «Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации, и все меньше и меньше смысла»²²⁸. Теряя культурные смыслы, человек теряет сам себя и, зачастую, начинает ориентироваться на технологии, несущие информацию с ее уже подготовленной кем-то интерпретацией. Другими словами, культурные смыслы подменяются интерпретациями, а культурная укорененность заменяется на внекультурную маргинальность.

В таких условиях проблема национально-культурной идентичности приобретает особую актуальность. Во многом, она стимулирует поиск новых социокультурных механизмов социализации личности и сохранения традиционных ценностей национальных культур в условиях нового цифрового мира. Необходимо появление и развитие новых форм социализации, способствующих сохранению и воспроизводству базовых оснований национальной культуры в условиях кризиса национальной идентичности. Необходимость сохранения национально-культурной матрицы российской идентичности требует конкретизации культурных ценностей применительно к новым условиям цивилизационного развития общества.

Содержательная проблема, связанная с исследованием и реализацией проекта «национальная идентичность» определяется исторически многонациональным, многоконфессиональным населением нашей очень разнообразной страны и очень разными историко-культурными путями развития, пройденными различными народами, населяющими нашу Родину, очень разным наполнением понятия традиция для очень разных групп людей.

На наш взгляд, принципиальное значение для определения вариантов формирования национальной идентичности в цифровой культуре принадлежит сфере образования, как наиболее мощной системе воздействия на личностные приоритеты. Образование исторически доказало

---

²²⁸ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 258-271.

эффективность в решении ценностно-смысловых проблем общества, пользуется доверием общества и поддержкой государства. Конечно, это только одно из направлений решения проблемы национально-культурной идентичности, но данное решение идёт в контексте государственной политики развития системы образования, системы, позволяющей формировать долгосрочные перспективы развития общества, которые органично свяжут традицию, транслируемую образованием, и новации, которые внедряются благодаря близкой связи образования и науки.

Национально-культурная идентичность и общая (коллективная) память являются неотъемлемыми атрибутами крепкого, жизнеспособного социального организма - общества, осознавшего единство в своих исторических корнях, в своей культурной неповторимости, имеющего общее понимание смысла совместного существования и развития. Любые социальные факторы, способные разрушить эту духовную основу общественного благополучия, необходимо рассматривать в качестве угроз национальной безопасности, самой возможности существования общества как полноценной, самодостаточной системы. К одним из таких факторов стоит отнести современную технологичность культуры, с развернувшимися в ней процессами компьютеризации, информатизации, цифровизации.

Под их воздействием возник феномен «сетевой идентичности». Переместив мир своего общения в сетевое пространство человек перестал идентифицировать себя с реальностью, формируя новые миры своего существования и растворяясь в них, теряя связь с близкими людьми, национальной культурой, Родиной.²²⁹ Можно утверждать, что эпоха Интернета есть вызов истории человечества, институтам формирования общей идентичности и коллективной памяти. Идеи компьютеризации и цифровизации завоевали российское образовательное пространство. Их

---

²²⁹ Так, например, на форуме Global Education Leaders' Partnership Moscow, 2018 говорили о необходимости «развития глобальной гражданственности». См.: Лукша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образование для сложного мира: зачем, чему и как: Доклад о форуме Global Education Leaders' Partnership Moscow, 2018. – С. 108.

эффект и последствия для общества еще не достаточно осознаны. Но уже сейчас духовное состояние нашего общества вызывает глубокую озабоченность. Развитие глобальных сетевых коммуникаций увеличивают уязвимость людей к беспрецедентно масштабным манипуляциям, вносящим в общественное сознание недоверие, «развешивание ярлыков», «поиск козлов отпущения» и взаимную агрессию²³⁰.

Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, среди населения Российской Федерации в возрасте 14–30 лет не идентифицируют себя со статусом гражданина Российской Федерации 31%, что может восприниматься как потенциальная социальная база эмиграции (4 млн. человек) или этнического сепаратизма (примерно 7,5 млн. человек).²³¹ Ощущают себя патриотами в полной мере 32,7% и не в полной мере – 41,7% молодежи. Не ощущают себя патриотами 17,1% и затрудняются определиться по этому поводу – 8,5%. Итого в сумме неблагоприятную позицию занимают 25,6% молодежи²³².

Несомненно, это дает основание для критического анализа «модных» нововведений в образовании. Так, можно отметить, что «экран», как центральный элемент современной массовой культуры стал необходимым требованием и условием образовательного процесса. Он заместил собой людей, общение с традиционными формами становления общности между людьми. В то же время необходимо отметить, что экран не предполагает никакой субстанциональной или содержательной характеристики культуры. Он открывает доступ к различным ценностям, знаниям и смыслам, транслируемым мозаично, вне ориентации на единство духовного стержня общества. Размывание единой культурной основы с помощью новых

²³⁰ Лукша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образование для сложного мира: зачем, чему и как: Доклад о форуме Global Education Leaders' Partnership Moscow, 2018. – С. 105.

²³¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа: [монография]; ФНИСЦ РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 7,5 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – С.103. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555

²³² Там же.

технических средств усугубляет кризис историко-культурной идентичности. Экранное сознание направлено на легкость, удобство, на яркое «шоу», оно не ищет ответов на сложные смысложизненные вопросы. Приобщая с ранних лет человека к экрану, формируя зависимость от него, современное образование усугубляет проблему снижения качества человеческого потенциала, а также проблему сродности человека с родной культурой, историей, природой. По мнению О.Н. Четвериковой, применение массовых открытых онлайн-курсов (самой широко применяемой формы дистанционного обучения) формирует такого специалиста, который, с одной стороны, ощущает себя «в глобальном измерении и мире без границ», а с другой стороны, ограничен узким набором стереотипов, являющихся «ответом» на «запрос» конкретных работодателей. Подобные методы обучения мало совместимы с ценностями и принципами традиционной системы образования, которая планомерно разрушается в нашей стране, - считает ученый.²³³ Человек в таком образовании изолирован от всего того, что может определить его национально-культурную идентичность, он сконцентрирован на яркости экранного мира, его тождественность реальности, таким образом, не имеет основы для появления.

С.А. Кравченко пишет: «Мы начали перестраивать все культурные смыслы и ценности применительно к техническому миру. Тинэйджеры начинают жить, как будто у них нет культурных ресурсов, должны полагаться на мнения из их мобильных компьютеров. Соответственно, качественно изменяются их представления о счастье, справедливости и даже телесности».²³⁴ И если прежде такие представления, отмечает ученый, основывались на укорененных в культуре ценностях и нормах, то сегодня их определяет цифровая среда.

---

²³³ Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 420 с.

²³⁴ Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социс. – 2019. – № 10. – С. 51.

Развитию кризиса социальной идентичности способствует информатизация и компьютеризация образовательной сферы современного общества. Увеличивая возможности человека в скорости и объеме получаемой информации, они разрушают традиционные способы формирования идентичности.²³⁵ Новые же существуют вне национальной культуры, вне исторической традиции. Человеку «привязанному» к компьютеру остается только искать свои духовные скрепы в Интернет-пространстве. Часто он там просто и теряется.

В.А. Емелин пишет: «Информационное общество предельно расширило спектр удобств, предоставляемых индивиду, однако потребовало «платы» за удобства, размер которой невозможно на настоящий момент однозначно и окончательно оценить. Приобретая ряд жизненных «привилегий», технологически расширенный человек теряет свою приватность, технологии становятся средствами тотального контроля. Блага, которые дают технологические расширения, имеют обратную сторону – деприватизацию личности, приводя к размыванию и нарушению границ идентичности».²³⁶

Культурную маргинальность подпитывают усиливающиеся темпы отчуждения людей друг от друга. Нарастает мозаичность, фрагментация общества. Люди перестают общаться, ходить друг к другу в гости, совместно проводить праздники. Между людьми все меньше остается общего. Как справедливо заметил Э. Фромм, в настоящее время «в человеческих отношениях редко сыщешь любовь или ненависть. Пожалуй, в них преобладает чисто внешнее дружелюбие и ещё более внешняя порядочность,

---

²³⁵ Barglow R. The Crisis of the Self in the Age of Information: Computers, Dolphins and Dreams. London - N.Y.: Routledge, 1994. – P. 6.

²³⁶ Емелин В.А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества / Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: Специальность 09.00.08 – философия науки и техники. – М., 2017. – С. 14-15.

но под этой видимостью скрывается отчуждённость и равнодушие. И немало тут и скрытого недоверия»²³⁷.

Будучи технологизированным, отечественное образование, подталкивает учащегося к уже созданному массиву информации. Принимая его некритично, субъект приобретает мнимую, навязанную идентичность, не укорененную в его действительных интересах и потребностях. Согласно идеям Г. Маркузе, это приводит к одномерности мышления и поведения²³⁸. При этом, отметим, что заданная мера установлена из вне, она часто является производной иной культуры и исторической традиции, может выступать и формой манипуляции общественным сознанием.

В Проекте дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения В.И. Блинов, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, И.С. Сергеев отмечают, что для представителей цифрового поколения характерны: инфантилизм, индивидуализм, уверенность в своей неповторимости и уникальности, сниженная потребность в живом общении, неготовность к кооперации, сосредоточенность на своём внутреннем мире, гиперпрагматизм и гедонизм, смутные и неустойчивые морально-этические представления. Первопричиной возникновения подобных характеристик исследователи называют «цифровую безпризорность», т.е. передачу родителями ребёнка, с первых лет его жизни, «в аутсорсинг» цифровым гаджетам. В тех семьях, где сохраняются традиции живого общения родителей с детьми, раннее знакомство детей с цифровыми гаджетами не столь заметно деформирует их развитие. В то же время для всех без исключения представителей цифрового поколения скачкообразно

---

²³⁷ Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 101.

²³⁸ Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества; пер. с англ. А. А. Юдина; сост. В. Ю. Кузнецова. – М.: АСТ, 2003. – С. 275.

повышается значимость сетевой социализации как фактора становления личностной идентичности²³⁹.

Принимая эти особенности современной социализации во внимание, сформулируем следующие основные проявления кризиса идентичности в обществе: потеря субъектом связи с социальной реальностью, неспособность определить «свое» и «чужое», утрата смысла жизни и появление безразличия к будущему своего общества, родной страны.

Особое внимание, в данном контексте, привлекает проблема патриотизма, сохранения его статуса величайшей духовной ценности отечественной культуры, основы нравственного воспитания многих поколений российских граждан. Веками нашей истории доказан неисчерпаемый потенциал патриотизма в деле решения самых сложных задач, вставших перед страной, в объединении общества, консолидации общих усилий для достижения национально-значимых целей. И сегодня, в условиях непростой духовной ситуации внутри нашей страны, обострившимися отношениями с внешними соседями, тема патриотизма, патриотического воспитания звучит весьма актуально.

Стоит признать, что как любая культурная ценность патриотизм динамичен содержательно и по формам своей реализации. Каждая историческая эпоха обладает собственной спецификой понимания и проявления патриотизма. В изменениях нуждаются и формы патриотического воспитания, обусловленные изменениями в социуме, прежде всего, в среде его молодых членов. Признаем, что патриотизм является элементом в цельной национальной культуре и испытывает влияния иных элементов, отражая характер их изменений и, в свою очередь, воздействуя на них.

---

²³⁹ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 9.

Укоренившись в цифровых мирах личность становится конформной, с преобладанием аудио-визуального восприятия. Постепенно лишаясь системности мировоззрения, она находится в обществе шаблонного, стереотипного мышления, ориентируется на ценности удобства и комфорта. Мы стали легко доверять информации, даже получаемой из анонимных источников. В цифровом обществе больше не осталось времени на глубокий анализ, и вместе с тем, исчезает необходимость в этом. Если взять не так далеко ушедшую эпоху индустриального мира, то можно констатировать, что особую ценность имели умения запоминать большое количество информации, способность быстро считать, анализировать, делать самостоятельные выводы. Этого требовали исторические условия. Сейчас машины делают это в сотни раз «лучше» и уж точно быстрее человека. Поэтому нам больше не обязательно много думать, развивать «ненужные» качества.

Цифровая культура имеет следствием развитие клипового мышления. Но, визуально наблюдать, осязать, слушать – это значит только быть, а вот жить – это значит мыслить и мыслить самостоятельно, независимо. Возникает вопрос – если проблема настолько остра, то что является неким сдерживающим элементом, не позволяющим ей приобрести более широкие масштабы? Ответ кроется в природе человека – он свободен в самой своей сущности. У него можно отнять всё, кроме одного – свободы в выборе собственного отношения к любым обстоятельствам, к выбору своего собственного пути. Об этом писал В. Франкл: «Между стимулом и нашей реакцией на него всегда есть время. За это время мы выбираем, как реагировать. И именно здесь лежит наша свобода»²⁴⁰. Он относил свободу к одному из трёх экзистенциалов человеческого существования. Не задумываясь, преданно следовать чьей-то идее – это тоже выбор и делают его добровольно, но не всегда осознанно.

---

²⁴⁰Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С. 145.

В последние несколько лет увеличилась тенденция к редуцированию подлинных личностных установок, сведению их просто к функции техногенного общества. Одним из философов, занимающихся исследованием данного вопроса, наряду с темой смысла бытия, был Э. Фромм. Во многих трудах им была определена личная позиция относительно вопроса духовной составляющей современного ему социума, которая заключается в том, что экономическая система подавляет подлинные человеческие интересы, формирует у него лжепотребности. В результате, у личности начинают формироваться такие качества, как себялюбие, эгоизм, безразличие к проблемам окружающих. Формируется единая установка – жить, чтобы самому было легко и просто²⁴¹. Подобного человека совсем не будут интересовать потребности более высокого уровня, такие как духовность и патриотизм. Люди такой культуры очень удобны для воздействия извне. Типичный пример – реклама. Воздействуя на анализаторы организма человека и соблюдая все мельчайшие требования – быстрота смены кадров, яркость, непродолжительность, она служит инструментом преобразования человека творческого в человека–потребителя. Опасность заключается в том, что никто напрямую не стремится заставить человека делать то, чего хотят от него другие, но делается всё для того, чтобы заставить его хотеть выполнять чужую волю.

В.К. Левашов и В.К. Сарьян отмечают, что сегодня функция манипуляции вмонтирована и активно используется в политических технологиях, социальной и коммерческой рекламе с целью заставить граждан совершать выбор в пользу интересов экономических корпораций или политических элит. Манипуляция, пишут ученые, заменяет собой эффективное управление. В обществе «спектакля» смоделированные

---

²⁴¹Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2018. – С. 201.

скандалы и сенсации стали инструментом массовых манипуляций эмоциями и поведением людей²⁴².

Следующий фактор разрушения ценностей национальной культуры – культура массовая. Продукт культурной индустрии XX века, вместе с тем, она становится большой проблемой для современного общества. И процессы цифровизации способствуют ее развитию. Безусловно, массовая культура вполне вписывается в образ современного «открытого» общества с его стремлением к демократизму и свободе, поскольку непосредственно рождается из рыночной экономической системы, из ценности личной свободы человека. Однако, все более становится очевидным, что в погоне за прибылью, за количеством, мы проигрываем в качестве. Имея возможность в подлиннике читать Ф. М. Достоевского, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, работы которых отличаются неповторимой глубиной мысли, непревзойденным талантом, способны воспитать нравственную личность, пробудить дух народного единства и настоящего патриотизма, выработать способность к критическому мышлению, мы читаем бульварные романы, если вообще что-то читаем. Мы не ценим такое сокровище прошлого, как русская отечественная классика, и, как следствие, не имеем чёткой системы ценностей в реальной жизни. Не задумываясь, нарушаем преемственность поколений. Чувство национального самосознания неумолимо теряется, практически не осознаются проблемы национального единства и национальной идентичности. Распространяемые и внушаемые через технические средства массовой культуры лжеценности внедряют чужеродные элементы в наш национальный организм, пытаются посеять в нём страх, пассивность, апатию, раздробить его.

О.Н. Четверикова отмечает, что основным запросом современного человека становится получение особой идентичности, которая не является

---

²⁴²Левашов В.К., Сарьян В.К. Цифровизация и безопасность: проблемы и решения // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – № 1. – С. 40-41.

результатом его собственного развития, а формируется искусственно в соответствии с ценностями культуры общества потребления. Стремление человека к знаниям, умениям, к созидательной деятельности сменяют стремления к удовольствиям, продуктам и услугам, доступ к которым якобы способен продемонстрировать принадлежность человека к особому привилегированному слою «успешных» и «достойных»²⁴³.

Но человеку дарована великая способность – быть свободным. Под ней подразумевается возможность формировать собственную систему ценностей, правильно расставлять приоритеты, и главное – самостоятельно, быть свободным от манипуляционных установок, действовать сообразно своим убеждениям и стремлениям, делать выбор, индивидуально принимать решения. Достичь такой возможности можно путём глубокого самоанализа, продолжительной и настойчивой работы над собой, ведь искусственно внедрить кокой-либо шаблон или стереотип в сознание можно только тогда, когда оно не занято чем-то иным. Базовые же жизненные ориентиры, позволяющие быть самостоятельным, делать выбор должны исходить от культуры и истории своего народа, родной страны.

Х. Ортега-и-Гассет писал: «Беспамятство, безразличие к прошлому приводит – и мы свидетели этому – к возвращению варварства».²⁴⁴ Состояние коллективной памяти, во многом, есть результат деятельности многочисленных социальных институтов, оказывающих влияние на процессы социализации, формирования общественного сознания. Важнейшая среди них роль всегда принадлежала системе образования. Ее специфика определяла и продолжает определять отношение к общему прошлому, настоящему и будущему, сам характер, содержание и смысловую наполненность феноменов коллективного единства, механизмы хранения и трансляции значимых для общности ценностей. В истории отечественного

---

²⁴³ Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 420 с.

²⁴⁴ Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. - М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 251.

образования мы может наблюдать в качестве факторов, определяющих специфику формирования социокультурного пространства коллективной памяти, религию, науку, политическую идеологию и сегодня, все больше, технику.

Техническое переоснащение отечественного образования – важнейшее направление современной государственной политики, вызванное требованиями развития мировой экономики, процессами глобализации, изменениями характера социальных коммуникаций, запросом на формирование человеческих ресурсов с новыми компетенциями по взаимодействию с миром технических средств. Появление же цифровых технологий, обладающих уникальными возможностями хранения и передачи массивов информации, сблизило технологический и образовательный векторы социальной динамики как никогда ранее. При этом, уже устоявшиеся во времени способы реализации образовательных функций потребовали переосмысления и модернизации, а сама политика цифровизации – объективного анализа.

Так, в сфере коллективного памятования проявляют себя серьезные проблемы – вызовы, связанные с цифровой технологизацией образовательной деятельности. Технические средства обучения трансформировались и приобрели статус не только основных средств (более значимых даже в сравнении с педагогом), но и основных целей образования (технологическая компетентность более востребована сегодня нежели, например, нравственные качества человека). Естественная среда образования, имеющая целью человека преобразовалась в искусственную, рассматривающую человека в качестве придатка к техническим устройствам. Как следствие внедрения в повседневную практику образования цифровых технических средств изменилось образовательное пространство современного человека и возникло принципиально новое явление

«искусственной социальности»²⁴⁵. В ней агентами коммуникации вместе с человеком становятся машины и это формирует вызов всему социальному, включая процессы формирования социального единства на основе общности коллективной памяти.

А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова предлагают следующее определение искусственной социальности – это эмпирический факт участия агентов искусственного интеллекта в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий. «При этом под «агентом ИИ», пишут ученые, мы имеем в виду устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявления искусственного интеллекта. Если для ИИ атрибутом выступает процессуальность, то для агента ИИ ключевой характеристикой является наличное бытие в качестве продукта»²⁴⁶.

Цифровая память обладает принципиально иным, нежели человеческая, характером. Искусственная память не способна реализовать социальные функции коллективной памяти. Вместе с тем, цифровые технологии хранения информации очень притягательны для человека. Они не ограничены по объёму хранимой информации, по времени и обладают уникальными возможностями по ее передаче. В этом наблюдается еще один вызов традиционным механизмам сохранения общих знаний о прошлом. Все большие объемы знаний выводятся из непосредственной памяти человека и загружаются в память цифровых ресурсов. Социальная память уступает позиции машинной. Человек передоверяет эту функцию технике, продуцируя развитие механизмов социального беспамятства.

К.И. Черкесова отмечает, что цифровые технологии хранения информации лишены ограничений по объёму хранимой информации, а также

²⁴⁵ Malsch T. Sozionik: Soziologische Ansichten über Künstlicher Sozialität / Ed. by T. Malsch. - Berlin: Edition Sigma, 1998. – 393 p.

²⁴⁶ Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 43. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (дата обращения: 20.12.2019).

по времени и культурной специфике. В этом, считает ученый, одна из причин кризиса традиционных механизмов сохранения знания. Другая причина заключается во все большем выводе знания из непосредственной памяти человека и его перепоручения машинной памяти. Впервые в истории человек получает возможность создания собственных механизмов сохранения знания. Обратной стороной этого процесса является беспрецедентное развитие механизмов беспамятства²⁴⁷.

Разрушая таким образом систему поддержания духовного единства, мы стимулируем процессы фрагментации социума, где для общего, коллективного места не остается. С.А. Кравченко отмечает, что сегодня молодые люди стремятся освободиться от институциональных отношений, привязанностей к локальному культурному контексту и начинают в большей мере зависеть от самих себя, последствий собственных рисков²⁴⁸. Начинают доминировать тенденции к индивидуализированным формам существования, пассивным по сути, что способствует развитию одиночества.

Этот новый вид одиночества, символом которого является «человек со взглядом, устремленным в свой гаджет», анализирует О.Н. Четверикова, указывая на то, что сегодня человек сознательно отказывается от коллективного, уходя в виртуальную реальность, что дает ему возможность хотя бы на какой-то временной отрезок освободиться от силы традиций и социальных обязательств²⁴⁹.

Феномены общего и коллективного теряют свое значение в условиях цифрового мира. Так, В.Н. Грузков и И.В. Грузков пишут, что «при ведении образовательной деятельности сегодня нельзя не учитывать, что тон генерирования антиценностного задается глобальными информационными ресурсами, и это может менять (а во многом уже меняет) характер и

²⁴⁷ Черкесова К.И. Социокоды культуры и современные технологии хранения информации / Дисс. ... канд. философ. наук: 24.00.01. – Белгород, 2018. – С. 8.

²⁴⁸ Кравченко С.А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социс. – 2019. – № 10. – С. 50.

²⁴⁹ Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 420 с.

содержание воспитания в образовательной деятельности»²⁵⁰. В перспективе своего развития эти тенденции угрожают не только национальной системе образования, но и в целом будущему нашего общества, его безопасности.

Цифровые процессы в образовании способны видоизменить основания национальной культуры, трансформировать духовно-нравственную жизнь общества. В них потенциально заложены условия для развития процессов отчуждения и культурной изоляции индивида. Борьба же за его мировоззрение, перенесенная в интернет, создает новые риски и угрозы культурной, социальной целостности страны. В данном ключе мы усматриваем и ряд аспектов проблемы развития экстремистских идей и терроризма²⁵¹.

Несомненно, главным в образовательной деятельности должно быть сохранено и преумножено формирование и наполнение духовного мира человека теми смыслами, которые «наделяют» его чувством сопричастности к социально и личностно значимому, к высшим духовно-нравственным ценностям родной культуры. К таковым мы относим патриотизм, гражданственность, подвижничество в труде и учебе, труде как смысле жизни, готовность служить народу и стране, социальная и профессиональная ответственность, честь, совесть, достоинство, уважительное отношение к истории страны, традициям ее народов, отечественной культуре и др.²⁵².

Идея гуманитарной безопасности предполагает, в своей основе, становление гражданской и национально-культурной идентичностей личности, формирование глубоких патриотических чувств. Соответствующая система образования должна основываться на идеалах служения своему Отечеству, должна быть нацелена на формирование

²⁵⁰ Грузков В.Н., Грузков И.В. Духовное в образовательной деятельности: идеи и противоречия функционирования и реализации // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 7. – С. 41.

²⁵¹ См.: Шмидт Э., Дж. Коэн. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.

²⁵² Грузков В.Н., Грузков И.В. Духовное в образовательной деятельности: идеи и противоречия функционирования и реализации // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – №7. – С. 41.

жизненной потребности в укреплении благополучия своей страны, своего народа, в обеспечении развития национальной культуры, в воспитании у каждого следующего поколения чувства принадлежности к великой истории, культуре, к могучему государству и гордости за возможность быть сопричастным их общему делу.

Такие целевые установки предполагают организацию образовательного процесса на основе принципов и традиций народной, национальной культуры, на базе родного языка, его глубокого изучения и освоения, на основе серьезных научных знаний отечественной истории, литературы, родной природы и жизни своего народа. Гуманитарная безопасность образования предполагает мощнейшую систему воспитательной работы, непрерывный процесс становления личности гражданина, патриота своей страны.

Стоит учесть, что гуманитарная безопасность имеет национально ориентированный характер, т.е. направлена на обеспечение интересов конкретного общества и государства. В этом контексте важно отметить необходимость обеспечения суверенитета и самодостаточности национальной системы образования. Подчеркнем, в этой связи, разрушительное воздействие на основания русской духовности массовой культуры, осуществляемое посредством образовательных «новаций».

Таким образом, образование должно рассматриваться не только как фактор обеспечения различных сфер социальной безопасности, но, само будучи подвержено рискам и опасностям, должно предполагать свою систему безопасности, гармонично сопряженную с интересами национальной безопасности страны.

Проблема столкновения традиций и новаций в образовании всегда актуализировалась, приобретала широкое социальное, нравственное и даже политическое значение в сложные, переломные моменты истории, когда культурные традиции обесценивались, прежние идейные основания общества

подвергались тотальному отрицанию и начиналась их необдуманная замена на новые, не важно какие, но главное - новые.

Мы солидарны с мнением Н.Ф. Головановой о том, что цифровая составляющая образования – это не цель, а средство, для которого еще нужно создать основательное психологическое сопровождение и педагогическую инструментовку²⁵³. В цифровом образовании чтобы справиться с потоком информации, объединить детей, задать им общие цели и ценности, вернуть в реальность и ценить ее, необходима систематическая и целенаправленная ценностно-ориентирующая воспитательная работа.

Обновление национальной системы образования — это самый сложный процесс национального самопознания, определения своей специфики, принципиальных отличий от иных стран и народов, своего места в мировых процессах и миссии в человеческой истории. Оно требует взвешенного анализа и объективной оценки всех новомодных веяний в образовательной теории и практике, с учетом осознания главного – необходимости сохранения национальной культуры, своей неповторимой культурной среды и сохранения человека как неотъемлемой части этой культуры, ориентируемого в своем развитии идеалами отечественного образования.

2.3. Развитие интеллекта и творческих способностей в цифровой образовательной среде

Для многих современников культурной базой существования становится мобильный компьютер. Соответственно, качественно изменяется их мышление. Оно все более приобретает технологичный характер. Умения функционировать в цифровой среде заместили собой все традиционные культурные смыслы и ценности образования. А.М. Дорожкин, рассуждая о

---

²⁵³ Голованова Н.Ф. Стоит ли воспитание «сбрасывать с парохода» цифрового образования? // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 1. – С. 21.

смысле модернизации образования, пишет, что современные реформы в образовании не способствуют формированию творческой личности²⁵⁴.

С этим выводом солидарны и зарубежные ученые. Так, авторы книги «Youth, Identity and Digital Media» считают, что электронные технологии являются угрозой молодости или даже разрушают ее. При взаимодействии с новыми масс-медиа молодежь подвергается различного рода зависимостям, что провоцирует антиобщественное поведение, ожирение, неуспеваемость в учебе, коммерческую эксплуатацию, замедленное воображение²⁵⁵.

Кроме того, мифом также является демократичность интернет-пространства и порождаемых им новых стилей общения, обучения и профессиональной деятельности. Свобода и технологическая грамотность молодых людей в использовании интернета зачастую преувеличиваются. Так, например, по результатам социологического исследования студентов Вологды 89 % старшекурсников использует интернет-ресурсы как источник информации в учебной деятельности. При этом сайты рефератов имеют гораздо большую популярность у студенчества, чем электронные библиотеки, образовательные порталы, книжные интернет-магазины (66 против 24 %)²⁵⁶.

То есть интернет как инструмент реализации потребности в творчестве задействуется ими в гораздо меньшей степени. Это проявляет не столько творческий, сколько банально приземленный характер использования новых масс-медиа в качестве инструмента поиска информации. Большая доля молодежи не использует возможности интернет-пространства для создания и развития социальных сетей глобального характера, как это ожидалось, а,

---

²⁵⁴ Дорожкин А.М. О смысле модернизации образования // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 4 (4). – С. 63-67.

²⁵⁵ Youth, Identity and Digital Media / edited by D. Buckingham. – Massachusetts: MIT Press, 2008. – P. 17.

²⁵⁶ Головчин М.А., Соловьева Т.С. Влияние социокультурных и образовательных характеристик на интеллектуальный потенциал молодежи (на примере г. Вологды) // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск, 2010. – С. 99–100.

напротив, с его помощью укрепляет локальные сети среди сверстников из ближайшего окружения. С помощью интернета молодые люди усиливают свой потенциал потребителя в обществе потребления, т. к. широкий спектр товаров и услуг становится для них гораздо более доступным. Но они, как ожидалось, не торопятся использовать возможности электронных технологий для расширения своих возможностей гражданского участия, обсуждения своих гражданских и политических позиций. Сегодня это делает меньшинство из них²⁵⁷. Только небольшая часть молодежи является активными («продвинутыми») пользователями, то есть может не просто нажимать кнопки на клавиатуре электронных устройств для поиска и нетворческой переработки информации, а создавать компьютерные программы для реализации целей и решения задач в образовательной и профессиональной деятельности, повседневной жизни и творчестве»²⁵⁸.

Н.Ю. Налетова выделяет следующие недостатки внедрения технологии «цифры» в образовательный процесс:

- экранная зависимость обучаемых, снижение у них памяти;
- неспособность воспринимать сложные предложения и тексты, появление клипового мышления;
- утрата коммуникативных навыков: учащиеся не читают информацию, найденную в интернете, а бегло просматривают ее по диагонали; в живом общении быстро теряют нить разговора;
- «примитивизация компетенций» - электронные устройства атрофируют целый ряд ключевых компетенций, примитивизируют мыслительные и творческие процессы...

²⁵⁷ Youth, Identity and Digital Media / edited by D. Buckingham. – Massachusetts: MIT Press, 2008. – P. 14.

²⁵⁸ Горбачева А.Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека / Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – Новосибирск, 2016. – С. 61-62.

Дети отвыкают от самостоятельного поиска и агрегирования знаний, что препятствует целостному восприятию мира: они лишь управляют оборудованием при соответствующих программах²⁵⁹.

О сущностных основаниях указанной проблемы говорили еще философы прошедшей исторической эпохи. Например, И.А. Ильин отмечал, что «человечество думает, что творит новую культуру, а в действительности не замечает омертвления своего сердца и своей духовности. Происходящие в последние полвека события крушат нашу культуру и создают духовное варварство, хозяйственную жадность и разложение чувств»²⁶⁰. Научные открытия, изначально имеющие благую цель, как отмечает философ, используются для установления тотального рабства и развязывания войн. Вместе с тем, по его справедливому замечанию, в человеческой жизни должны быть ценности, которые могут восприниматься только сердцем, и именно они «определяют смысл человеческой жизни, так что без них жизнь человека скудеет и мертвеет»²⁶¹.

Об этой же проблеме писал Э. Фромм, утверждающий, что технологизация общества и отдельных его отраслей приводит к разрушению гуманистических традиций. Человек нового общества становится пассивным и не обладает достаточным чувством целостности или самоидентичности, что порождает разрыв между истиной и страстью, а также разумом и сердцем. При этом логическое мышление нельзя назвать рациональным, если оно построено исключительно на логике и не направлено на изучение всеобщего процесса жизни во всей его конкретности и со всеми его противоречиями. Э. Фромм отмечает, что разум должен представлять собой союз мышления и чувства, связанных между собой. Если же они оторваны друг от друга, то мышление становится чистой «шизоидной» интеллектуальной деятельностью, а чувства – невротическими страстями.

---

²⁵⁹ Налетова Н.Ю. Цифровизация образования: «за» и «против», текущие и имманентные проблемы // Педагогика. – 2020. – № 1. – С. 44.

²⁶⁰ Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий. – М.: Эксмо, 2007. – С. 484-485.

²⁶¹ Там же. С. 494.

При этом такой разрыв грозит появлением вялотекущей шизофрении, от которой все больше страдают люди технического века²⁶².

Э. Тоффлер отмечал, что компьютер с его беспрецедентной способностью к анализу и распространению чрезвычайно разных видов данных в невероятных количествах и с головокружительной скоростью в последнее время стал главной силой ускорения в приобретении знаний²⁶³. «Увеличивая скорость изменений, уровень новизны и широту выбора, мы бездумно вмешиваемся в эти непренные экологические условия рациональности. Так мы приговариваем несчетные миллионы людей к воздействию шока будущего», - писал ученый²⁶⁴. Когда индивид окунулся в быстро и хаотично меняющуюся ситуацию или в напичканную новостями среду, точность его предвидения стремительно падает. Он не может больше делать разумные корректирующие оценки, от которых и зависит рациональное поведение. Э. Тоффлер пишет о возникновении «сверхупростителя», порождающего примитивные ответы на сложные вопросы, наркоманию, насилие. Такое «упрощение», на наш взгляд, есть проявление кризиса культуры и, действительно, порождает «шок» от грядущих перспектив человека и общества.

Н. Луман отмечал, что компьютер изменяет соотношение (доступной) поверхности и глубины. «Поверхность теперь – это экран монитора, предполагающий предельно ограниченное обращение к человеческим чувствам; глубина же, напротив, невидимая машина, ныне способная в один момент переконструировать себя саму, например, реагируя на запрос пользователя. Связь поверхности и глубины может производиться в этом случае посредством команд, указывающих машине, что следует показать на экране или сформулировать в выражении. Сама же она остается

---

²⁶² Фромм Э. Революция надежды / пер. с англ.; предисл. П.С. Гуревича. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 61-62.

²⁶³ Тоффлер Э. Шок будущего: пер с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 44.

²⁶⁴ Там же. С. 400.

невидимой»²⁶⁵. Н. Луман утверждал, что функция массмедиа состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, - а не в умножении познания. Как фактический результат этой циркулярной длительной деятельности по производству и интерпретации раздражений благодаря поступающей информации, возникают описания мира и общества, на которые ориентируется современное общество²⁶⁶.

Человек, перестающий, таким образом, ориентироваться на поиск сущности, живет лишь своим существованием, бессмысленным, пустым, бесцельным. В таком существовании культура разрушается, бессмысленности не нужны ценности, идеалы, нормы и правила отношений.

Ж. Бодрийяр писал в этой связи о конце социального, об эпохе когда massmedia и информация своим «иррациональным» неистовством разрушают привычный нам мир²⁶⁷. Он пишет, что современные технологии, заняв главное место в культуре, разрушают устоявшиеся социальные структуры и характер акторов социального действия. «Компьютеры – это смерть в миниатюре, которой мы покоряемся в надежде на посмертную жизнь», - считал философ²⁶⁸. Они изменяют культуру, человека и ведут к необратимым изменениям его сознания.

В этой новой культуре изменяется и роль науки как главного генератора прогресса. Производство новых технологий определяет спрос на науку определенного, ограниченного, одностороннего типа, так что многие потенции науки при таком ее использовании остаются нереализованными. По мнению Б.Г. Юдина возможна ситуация, когда от науки не потребуются ни объяснения, ни понимания вещей – достаточно будет того, что она позволяет

---

²⁶⁵ Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Изд. «Логос», 2005. – С. 138.

²⁶⁶ Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – С. 152.

²⁶⁷ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 32.

²⁶⁸ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 4-е изд. – М.: «Добросвет», «Изд. "КДУ"», 2011. – С. 322.

эффективно их изменять²⁶⁹. Стоит учесть при этом, что наука напрямую определяет приоритеты деятельности системы образования, а значит – формирования личности.

А.В. Чижик в своем культурологическом исследовании делает вывод о том, что «массовая культура способствует замене в обществе классических моделей формирования мировоззренческих концепций и имеет тенденцию к снижению интеллектуальной составляющей при получении информации. Новые медиа форматы в своем технологическом решении алгоритма формирования картины реальности значительно понижают мотивацию индивидов к анализу получаемой информации, увеличивая при этом значение механизмов психологической защиты»²⁷⁰.

Укоренившись в цифровых мирах, личность становится конформной, с преобладанием аудио-визуального восприятия. Постепенно лишаясь системности мировоззрения, она находится в обществе шаблонного, стереотипного мышления, ориентируется на ценности удобства и комфорта. Как отмечает Э.В. Талапина, возведение в абсолют шаблона — настойчивое веяние времени²⁷¹. Человек стал легко доверять информации, даже получаемой из анонимных источников. В цифровом обществе больше не осталось времени на глубокий анализ, и вместе с тем, исчезает необходимость в этом. Еще совсем недавно особую ценность имели умения человека запоминать большое количество информации, способность быстро считать, анализировать, делать самостоятельные выводы. Этого требовали исторические условия. Сейчас машины делают это в сотни раз «лучше» и уж точно быстрее человека. Поэтому формируется убеждение в том, что больше не обязательно много думать, развивать «ненужные» качества.

²⁶⁹ Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей / Отв. ред. П.Д. Тищенко. – М.: Изд. дом «Навигатор», 2014. – С. 164.

²⁷⁰ Чижик А.В. Новые медиа форматы в массовой культуре эпохи цифровых технологий: культурологический анализ / Автореф. дисс. ...канд. культурологии: Специальность 24.00.01: Теория и история культуры. – М., 2018. – С. 12.

²⁷¹ Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5-17.

Цифровизация образования актуализирует проблему обеспечения прав и свобод человека в цифровом пространстве, где регулирующие нормы морали и права приобретают специфический формат воздействия на индивида. Это определяет и наличие постоянных угроз личности, связанных с возможностями воздействия на нее посредством новых технологических ресурсов. Одним из результатов цифровых новаций является «цифровое слабоумие» (*digital dementia*). Как пишет Л.В. Орлова: «Выявлен «общий синдром» интеллектуальной пассивности: слабость мотивации учения; «интеллектуальное иждивенчество»; стремление использовать обходные пути или «внешние» формы учебной деятельности; выбор лёгких и простых заданий; большая утомляемость и переживание дискомфорта при умственном напряжении; несформированность познавательных интересов; сниженный уровень умственного развития; несамостоятельность, безынициативность в умственной деятельности: повышенная реакция на новизну, не оригинальность, шаблонность воображения: поверхностно-развлекательный характер познания»²⁷².

Цифровое слабоумие (*digital dementia*) – научно удостоверяемый факт современной социальной эмпирии. Патология (пока характеризуемая именно так, отклонением от нормы) вызвана возрастающей зависимостью людей от высокотехнологичных гаджетов, констатирует, в частности, психиатр Манфред Шпитцер. Согласно его исследованиям, недуг проявляется в общем снижении умственной работоспособности, в утрате некоторых элементарных навыков мышления, в неспособности к критической оценке фактов, в склонности к ограничению себя поверхностными знаниями (только *как?* – но не *зачем?*), в неумении ориентироваться в потоках информации, более того, в

---

²⁷² Орлова Л.В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие / Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. - С. 310.

затруднениях с ориентацией во времени и пространстве, наконец, в проблемах с личностной идентификацией²⁷³.

По исследованиям знаменитого психофизиолога академика П.В. Симонова, создавшего потребностно-информационный подход к проблеме генеза эмоций человека и высших животных, к роли эмоций в организации поведения, продуктивность человеческого мозга тем выше, чем более он эмоционален. Мозг человека – это «эмотивный мозг». Дистанционное образование не может заменить живого общения, прикосновения к живому знанию, окрашенного эмоциями педагога, не может заменить учителя и профессора, их духовного примера, демонстрации ими правильного системного мышления. Такое образование порождает «эмоциональный голод» у учащихся и через этот «эмоциональный голод» провоцирует деградацию интеллекта учащихся, резкое падение качества и системности их мышления²⁷⁴.

А.Г. Горбачева утверждает, что при обмене визуальной информацией и короткими сообщениями человек задействует свой интеллект в меньшей степени, чем при использовании традиционной письменной или устной речи. Широкое распространение получили краткие пересказы художественных произведений, а просмотр визуальной информации не требует таких усилий, как чтение. В такой ситуации возникает иллюзия знакомства с контентом при фактическом отсутствии такового.

Для описания трансформации форм поведения и мышления современного человека предложен принцип «защелкивания», который заключается в том, что человек при решении повседневных задач все чаще обращается к техническим устройствам, точно предназначенным для выполнения конкретных задач, и испытывает дискомфорт, не находя их или сталкиваясь с необходимостью адаптации имеющихся устройств к иным

---

²⁷³ См.: Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. – 284 с.

²⁷⁴ Симонов П.В. Эмоциональный мозг – М.: Наука, 1981. – 216 с.

задачам. Из этого следует появление второго принципа, принципа трансформации доверия в знание²⁷⁵.

Развитие информационных технологий и высокотехнологичных устройств имеет своим последствием уравнивание возможностей людей, обладающих различными интеллектуальными способностями, выполнять эффективную ментальную деятельность. Можно отметить двойственный эффект от использования цифровых технологий. С одной стороны - продуктивность умственной работы у людей с разными интеллектуальными возможностями, но прибегающим к помощи высокотехнологичных устройств, может быть практически одинаковой, но с другой - сокращается число веских причин, побуждающих людей с низким интеллектом развивать свои умственные способности.

Появляется все большее число факторов, заставляющих людей с развитым интеллектом заменять реальную умственную деятельность использованием «протезных» высокотехнологичных устройств²⁷⁶.

Благодаря повсеместной информатизации существенно изменился и образовательный процесс. Традиционный процесс обучения предполагал письменную запись существенной части материала, поскольку зачастую это был единственный способ сохранить его у себя. Преподаватель (лектор) писал лекцию на доске, а студенты писали конспект, поэтому скорость чтения лекции и ее восприятия были приблизительно равны (и лектор, и студенты писали материал). Сейчас существенная часть лекций читается с использованием презентаций и проектора. Скорость чтения лекции значительно увеличилась, и студенты не успевают записывать ее целиком. Более того, преподаватели предоставляют материалы в электронном виде, и у студентов не возникает острой необходимости вести конспект. Однако при

---

²⁷⁵ Горбачева А.Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека / Дисс. ...канд. философ. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – Новосибирск, 2016. – С. 15-16.

²⁷⁶ Горбачева А.Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека / Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11 – Социальная философия. – Новосибирск, 2016. – С. 95.

ведении конспекта студент подключает свой интеллект и, можно сказать, усваивает материал активно. В то же время простое прослушивание лекции близко к пассивному восприятию, а наличие доступного конспекта в электронном виде создает некую иллюзию знания у студента, считающего, что, если имеется электронный конспект, то имеются и знания²⁷⁷.

В.И. Блинов, М.В. Дулинов, Е.Ю. Есенина, И.С. Сергеев в проекте дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения пишут: «для представителей цифрового поколения («поколение Z», «дети процессора», «дети-планшетники», «дети-чипы») характерны: – в плане когнитивного развития – мозаичность («клиповость») мышления, рассеянность внимания (по данным исследований, способны фиксировать своё внимание на одном предмете не более 8 секунд), неспособность читать и понимать большие по объёму тексты, ограниченность лексики, смешение реального и виртуального пространств («плавающая картина мира»), слабо развитое творческое воображение, иллюзия «обратимости жизни»; – в плане эмоционально-волевого развития – бедность сенсорного опыта, упрощённая картина реальности, восприятие реальной жизни как «слишком скучной» и «слишком медленной», нетерпеливость и потребность в немедленном вознаграждении, неспособность к систематическому упорному труду»²⁷⁸.

А.Г. Горбачева отмечает, что «человек кликающий» окружен всевозможными техническими устройствами, каждое из которых предназначено для удовлетворения конкретной потребности или определенного спектра потребностей. Для использования любого из этих устройств человеку не требуется прилагать существенных моральных, физических, интеллектуальных и прочих усилий. Достаточно взять нужное устройство и нажать кнопку. Выражаясь образно, ему достаточно «протянуть руку», и его потребность будет удовлетворена. При этом с каждой

---

²⁷⁷ Там же. С. 97.

²⁷⁸ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 9.

потребностью «человек кликающий» имеет стойкую ассоциацию, благодаря которой он автоматически и не задумываясь выбирает соответствующее потребности устройство. Потребность в данном случае – это не столько желание достичь результата, сколько желание избавиться от наличия данной потребности, выводящей человека из «комфортного состояния»²⁷⁹.

Как считает К.В. Подъячев «с распространением цифровых технологий распространяется и технологический способ мышления, то есть шаблонный, схематический, нацеленный на решение стандартных задач стандартными методами. А это приводит к редукции индивидуального интеллекта, то есть в конечном итоге к деградации. И в так называемых развитых странах, ставших на этот путь раньше, плоды уже видны»²⁸⁰.

Об опасности стандартизации мышления говорит и один из самых известных современных американских мыслителей Н. Талеб²⁸¹. Обучение тому, что мы не обучаемся тому, что мы не обучаемся, не происходит само собой. Проблема – в структуре нашего сознания: мы не постигаем правила, мы постигаем факты, и только факты, - утверждает ученый. Опыт показывает, что мы думаем не так много, как нам кажется, – конечно, кроме тех случаев, когда мы именно об этом и задумываемся. Чтобы жить сегодня на нашей планете, нужно куда больше мышления и воображения, чем нам отпущено природой. Мы же страдаем от их недостатка и подавляем их в других²⁸².

Н. Талеб поясняет, что искажение нарратива проистекает из нашей неспособности рассматривать цепочку фактов, не оплетая их объяснениями

²⁷⁹ Горбачева А.Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека / Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2016. – С. 113.

²⁸⁰ Подъячев К.В. Об аксиологических основаниях социального действия в условиях цифровой экспансии (на примере российских локальных сообществ) // Цифровизация общества и будущее христианства: Материалы V Международной научной конференции 24.01.2019 / [Отв. ред. И. П. Рязанцев, ред.-сост. Р. М. Плюсин]. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 110.

²⁸¹ Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 215.

²⁸² Там же. С. 8-12.

или, что одно и то же, не скрепляя их логической связью – стрелой взаимоотношений. Объяснения объединяют факты друг с другом. Помогают их запомнить; придают им больший смысл. Опасно это тем, что укрепляет нас в иллюзии понимания²⁸³.

Отечественный исследователь В.С. Степин делает вывод о наличии у молодого поколения клипового сознания: «они плохо держат мысль». Люди – носители клипового сознания, пишет ученый, оказываются легко манипулируемыми. «Противоположностью этому типу сознания выступает научная рациональность, стержнем которой является системное мышление. ... его нужно формировать и культивировать со школьных лет»²⁸⁴.

Клиповое мышление, утверждает Т.В. Семеновских, - это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между клипами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира²⁸⁵.

Т.Н. Ломбина и О.В. Юрченко отмечают, что основными характеристиками клипового мышления становятся:

- 1) конкретность мышления в ущерб абстрактности;
- 2) ориентация на упрощенное восприятие информации;
- 3) лабильность мышления;
- 4) поспешность выводов и языковой минимализм;
- 5) бедность эмоций;
- 6) снижение способности к запоминанию.

Рост информационных потоков приводит и к другому негативному явлению: увеличению числа детей с функциональной неграмотностью. По

²⁸³ Там же. С. 54.

²⁸⁴ Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С.371-372.

²⁸⁵ Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Эл. ресурс] // Наукведение: интернет-журнал. – 2014. – Вып. 5 (24). – С.7. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 27.01.2019).

определению специалистов ЮНЕСКО, термин «функциональная неграмотность» применим к человеку, у которого не приобретены или в значительной мере утрачены навыки чтения и письма и который не способен к восприятию короткого и несложного текста. При функциональной неграмотности ребенок может не воспринимать смысл текста, не способен выделить в нем основную мысль, пересказать содержание, испытывает затруднения с формулировкой мыслей по поводу прочитанного. Функциональная неграмотность, в отличие от обычной безграмотности, указывает на глубокие нарушения в механизмах мышления, внимания и памяти. Другим негативным явлением можно считать аутизацию «цифрового поколения». Речь идет не о клинических проявлениях болезни, а о ранней десоциализации. Ребенок вместо эмоционально насыщенного живого общения с близкими и природой погружается в «неживую» виртуальную среду. Рождаются новые поколения людей, которые будут воспринимать электронную визуальную культуру как «первую» культуру, потому что они имеют возможность начать с ней знакомство раньше, чем с алфавитом, литературой, традиционной станковой живописью, театром, кинофильмами, просмотр которых происходит в кинотеатрах, а не дома. Искусственная аутизация поколения Z связана с тем, что значимая часть общения перенесена в режим онлайн²⁸⁶.

В результате длительного потребления информации без должного времени на ее обдумывание возникает так называемый гугл-эффект: атрофируется долговременная память. Заведующий лабораторией когнитивных исследований, профессор Т.В. Черниговская утверждает: «...память у «поколения Гугл», прямо этот термин есть – Googlegeneration, – память у этих людей хуже, чем у их бабушек или даже прабабушек, что... настораживает».²⁸⁷ Цифровая амнезия приводит к частичной или полной

²⁸⁶ Ломбина Т.Н., Юрченко О.В. Особенности обучения детей с клиповым мышлением // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 1. – С. 45-50.

²⁸⁷ Черниговская Т.В. С мозгом надо делать то же самое, что и с телом. [Эл. ресурс] URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1753217/> (дата обращения: 10.12.2019).

неспособности запоминать новую информацию, вероятно, вследствие игнорирования этапа обдумывания информации. Современному человеку незачем помнить. У него есть электронные календари, навигатор и т.п. То есть, если говорить о качестве мозговой деятельности, то это качество ухудшается, потому что не тренируется. Мы с мозгом должны делать то же... что мы делаем с телом. По словам Т.В. Черниговской, чтобы мозг не заплыл жиром, его нужно регулярно нагружать решением трудных задач и стараться не захламлять информационным мусором²⁸⁸.

Известный отечественный философ Э.В. Ильенков отмечал естественную потребность человека занять свой ум, потребность думать, мыслить, понимать то, что видишь. «Вряд ли приходится доказывать, писал ученый, что ум не роскошь, а гигиена. Гигиена духовного здоровья... не обладая этим духовным здоровьем, в наши дни очень легко захлебнуться и утонуть в том стремительном потоке информации, которая ежедневно и ежечасно обрушивается на человека со всех сторон»²⁸⁹.

Э.В. Ильенков рекомендовал приучать и себя и других каждую общую истину постигать в процессе ее рождения, т.е. постигать ее как содержательный ответ на вопрос, вставший и встающий перед людьми из брожения противоречий живой жизни, как способ умного разрешения этих противоречий. В обучении, считал ученый, требуется не передача готовых образов, а деятельность, изменяющая предмет, а не образ его. «Мышление, писал он, формируется ... там, - где работа языка неразрывно соединена с работой руки... руки, делающей вещи, т.е. изменяющей упрямый ... материал»²⁹⁰. Добавим к этому большое значение непосредственного (очного) взаимодействия с преподавателями²⁹¹ и необходимость активных

²⁸⁸Черниговская Т.В. С мозгом надо делать то же самое, что и с телом. [Эл. ресурс] URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1753217/> (дата обращения: 10.12.2019).

²⁸⁹Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21.

²⁹⁰ Там же. С. 387.

²⁹¹См.: Корешникова Ю.Н. Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет? // Мониторинг общественного мнения:

подходов к обучению – не просто использования технических средств, а с творческими заданиями²⁹². Таким образом, элементы цифрового образования должны находить гармоничное сочетание с социальным запросом на мыслящую, творческую личность и силой своих ресурсов способствовать формированию необходимых для жизни в современном медиапространстве новых навыков доступа, анализа, оценки, создания и распространения сообщений в цифровом, глобальном и демократическом обществе²⁹³.

Определяя позитивный потенциал цифровизации, отметим, что цифровые технологии предлагают множество вариантов при проектировании образовательных процессов. При этом образовательное пространство, формируемое цифровизацией, обладает чертами универсальности. Разнообразие неформальных предложений и возможность их использования в образовании в настоящее время колоссально. Сочетание виртуального и реального компонентов обучения позволяет преподавателям передавать знания и непосредственно, и опосредованно. Отличительной особенностью такого подхода является то, что можно воспользоваться преимуществами этих методов и избежать их недостатков. При цифровом посредничестве (видео, слайды, моделирование и т.д.) обучаемые имеют большую степень свободы, что, к примеру, позволяет в процессе презентационных мероприятий обмениваться ролями с другими обучающимися и с преподавателем.

Цифровизация формирует индивидуальные образовательные среды, куда могут входить платформы интернета, которые позволяют обучающемуся индивидуально управлять учебным контентом и лично создавать своего рода виртуальный стол. Цифровизация в образовании

Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.06>.

²⁹²См.: Шитов С.Б. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации экономики (социально-философский взгляд) // *Alma mater. Вестник высшей школы*. – 2019. – № 8. – С. 20-22.

²⁹³См.: Гофман А.А., Тимошук А.С. Цифровизация: между технологическими компетенциями и технократизмом // *Социальная компетентность*. – 2020. – Т. 5. № 1. – С. 62-63.

позволяет обогащать реальные учебные ситуации цифровыми данными. Положительное значение для становления значимых качеств личности современного профессионала имеют форматы обучения посредством цифровых игр, которые начинают использоваться в профессиональном образовании. Игровые симуляции позволяют воспроизводить на учебных занятиях ситуации из реальной жизни соответственно профилю обучения.

Конечно же, цифровые технологии, внедренные в образовательный процесс, позволяют вырабатывать навыки эффективного поиска и обработки информации, новых форм «удаленной» коммуникации, визуализации изучаемых или исследуемых вещей и процессов.

Как отмечают исследователи, многие представители цифрового поколения обладают целым рядом позитивных образовательно значимых характеристик, по которым они часто превосходят доцифровые поколения. Это, прежде всего, свободная ориентировка в наиболее современных цифровых технологиях, а также: – в плане когнитивного развития – постоянное стремление к новизне и самосовершенствованию, креативность, способность к синтезу различных типов мышления, нелинейность, способность к параллельной обработке разных потоков информации (многозадачность), склонность к использованию разных источников информации, высокая скорость переработки информации и принятия решений; – в плане социального развития – стремление к самовыражению, предпочтение «горизонтального» (партнёрского) типа отношений «вертикальному» (иерархическому), открытость к межкультурному и межстрановому общению; кроме того (с некоторыми оговорками) оптимизм и уверенность в своих силах. Среди цифрового поколения особенно заметна дифференциация на «отстающих» и «продвинутых». В числе последних появился новый тип обучающихся, обладающих высокой учебной самостоятельностью, нацеленных на самообразование, самоактуализацию и саморазвитие, там, где это возможно – самостоятельно формирующих свой

образовательный маршрут, в ряде случаев, соединяющих вместе учебу, работу и личностное развитие²⁹⁴.

Вместе с тем, ученые отмечают и то, что повсеместное внедрение цифровых технологий приводит к снижению интеллектуальной культуры общества. Когда «машина» начинает выполнять развивающие человеческий интеллект функции развитие прекращается, а мыслительные способности деградируют. «Риск деформации мышления, мировоззрения, системы ценностных ориентаций. Всеобщая компьютеризация неизбежно влияет на общественное сознание, при этом возникают серьёзные риски, связанные с развитием технократического мышления, характеризующегося доминированием средства над целью и техники над человеком; – с распространением иррационализма, утратой способности мыслить критически и адекватно воспринимать действительность на фоне информационного шума, флейма и массовых вбросов дезинформации»²⁹⁵.

В условиях цифровизации образования массив информации заполняет собой все пространство познания, в ущерб смыслам этого знания. Таким образом, глубинные пласты знания (смыслы) остаются вне поля деятельности учащегося, делая его труд поверхностным и непродуктивным с позиций задач роста знания и совершенствования самого человека, условий его существования.

Кризис интеллектуальной культуры влечет исчезновение творчески мыслящей личности, которую можно рассматривать как стратегический ресурс информационного (постиндустриального) общества. Большую роль в развитии этого кризиса играет и изменение характера социальных коммуникаций. Именно «живое» общение стимулирует интеллектуальные процессы в личности, переход же на удаленное или виртуальное общение,

---

²⁹⁴ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 10-11.

²⁹⁵ Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – С. 51.

обедняет их, отрывая человека от социальной реальности. Постоянное обращение к услугам Интернета создает извращенное представление о познавательном процессе, ведет к утрате самой способности к научному творчеству, неумению думать, анализировать, делать самостоятельные выводы.

Заключение

Наше исследование реализовало попытку объективного анализа особенностей современной цифровой культуры в ее проявлениях в сфере образования. В работе определены проблемы и перспективы развития цифровизации в отечественной системе образования. Нами выявлена противоречивость этого процесса, определены возможности проведения гуманитарной экспертизы как научной оценки цифровых новаций на основе аксиологического анализа с позиций соответствия ценностям традиционной образовательной культуры России.

Среди аргументов «за» цифровую революцию выделим кардинальное изменение рынка труда, появление новых компетенций, открывающиеся возможности для улучшения кооперации, повышения ответственности граждан, их способности принимать самостоятельные решения; преобразование учебных процессов, повышение роли учащегося в поиске информации и решении проблем, развитие коммуникативных способностей и творческого потенциала; экономическая эффективность, отсутствие временных и географических границ, возможность индивидуализации, оптимизация работы преподавателя.

Однако при ближайшем рассмотрении эти аргументы можно трактовать не столь однозначно. Риски цифровизации для общества заключаются в дегуманизации образовательных, а далее и всех иных социальных отношений, возможному углублению кризиса интеллектуальной культуры людей, их способности к творчеству, росту прагматизма и индивидуализма на основе ценностей личного комфорта и эгоистичного потребления.

В работе определены основные особенности цифровой культуры современного российского общества: технологическая зависимость человека, появление особого языка социальных коммуникаций, упрощение форм социальной и личной жизни человека, программируемость человеческого поведения, формализация коммуникационных процессов, ослабление их

этического содержания, преобладание клипового мышления, визуального восприятия мира, углубляющийся разрыв с традициями гуманитарной культуры.

К ближайшим перспективам развития цифровизации в отечественной системе образования следует отнести три определяющих направления: во-первых, это оснащение образовательных учреждений качественным программным обеспечением, информационными системами, обеспечивающими доступ к образовательным ресурсам; во-вторых, это внедрение информационных (дистанционных) технологий, предполагающих опосредованное взаимодействие обучающегося и педагогического работника; и в-третьих, онлайн-обучение (e-learning), позволяющее организовать образовательную деятельность и онлайн-взаимодействие обучающихся и педагогического работника. Безусловно, развитие цифровизации будет менять требования к обучающим и обучающимся, стимулировать становление новых организационных образовательных структур. Развертывание цифровых образовательных форматов предполагает вместе с тем и комплексные изменения в архитектуре образования, неизбежные изменения привычных форм и методов обучения.

Вместе с тем, мы утверждаем, что цифровая модернизация образования в нашей стране носит «неорганический» характер. Политика цифровизации не системна, не объединена общим ценностно-смысловым началом. Она технологична и инструментальна, т.е. направлена на накопление новых технических средств при отсутствии системного видения необходимости, способов и последствий их применения. Ситуация, в которой цифровые новации становятся самоцелью, для них меняется вся структура образовательного процесса, нарушается наработанный многими годами учебный и воспитательный процесс, требует ценностной переориентации.

Наиболее устойчивые, базовые ценности отечественной культуры концентрируются в образовании и, прежде всего, вокруг интересов человека, а также самой культуры, как среды его существования. Таким образом,

традиционные ценности образовательной культуры можно рассматривать в качестве основания для проведения гуманитарной экспертизы внедряемых технологических новаций. В этой связи нами определена важная задача современного гуманитарного знания – актуализация базовых оснований культуры и анализ всех новых технологических явлений с позиции их соответствия приоритетам развития национальной культуры.

Оценка цифровой культуры с позиций соответствия ценностям отечественной образовательной культуры позволила нам выявить противоречия в ее развитии, определить направления совершенствования. В работе представлен анализ проблемы дегуманизации человека и социальных отношений, что проявляется в формировании зависимости человека от технических средств, утрате способности к самостоятельному творчеству, усилении контроля за идеями и «фильтрации» информации, возможности манипуляции действиями субъекта с помощью алгоритмов, заложенных в компьютерные программы, утраты нравственных ориентиров, ухудшении физического и психического здоровья.

Нашим исследованием актуализирована необходимость научного подхода к поиску путей решения углубляющегося под воздействием цифровых технологий кризиса идентичности, который проявляется в потере субъектом связи с социальной реальностью, неспособности определить «свое» и «чужое», утрате смысла жизни и появлении безразличия к будущему своего общества, родной страны.

В работе выявлены проблемы сохранения и развития интеллектуальной культуры общества, в том числе риск исчезновения творчески мыслящей личности, что во многом обусловлено постоянным обращением современного человека к технологическим помощникам.

Преодоление обозначенных проблем видится перспективным направлением развития цифровой культуры и современного образования, а показатели состояния данных проблем – критериями гуманитарной экспертизы образовательных новаций.

Из всего сказанного следует вывод: модернизация отечественного образования неизбежна, она отражает в себе особенности современной технологической культуры, но необходимо учитывать риски нововведений и не отказываться от доказавших свою эффективность традиционных образовательных практик. Важная роль инновационных технологий в формировании эффективной образовательной среды России очевидна, поскольку их применение потенциально может способствовать повышению уровня усвоения знаний, развитию творческих способностей обучающихся, формированию готовности к применению ими теоретических знаний на практике и самостоятельному мышлению. На основании этого можно сказать, что использование инновационных технологий в образовательной деятельности является необходимым условием для подготовки высококачественных специалистов. При этом важно помнить, что в ходе использования инновационных технологий необходимо учитывать их специфику, представленную научным анализом и имеющимся опытом практического использования.

Перспективы дальнейшего развития исследования видятся нам в решении проблем профессиональной культуры педагогических кадров, готовности педагогов образовательных учреждений, как гуманитарных экспертов в сфере культуры, к инновационной деятельности. Педагогические инновации сегодня вынуждены сочетаться с содержанием государственных программ обучения и воспитания. При этом, зачастую педагоги включаются в инновационный процесс спонтанно, без учёта их профессиональной и личностной готовности к инновационной деятельности. Кроме этого, у них наблюдается весьма настороженная позиция по отношению к инновациям, что порождает дезориентацию, снижение мотивации и недоверие ко всему новому.

На наш взгляд, абсолютизация возможностей цифровых технологий может привести к снижению активности целого ряда преподавателей, обладающих ценным педагогическим опытом, но не освоивших цифровые

ресурсы для его трансляции, технологически некомпетентных. В условиях «старения» преподавательского корпуса эта проблема нам представляется весьма актуальной. В зарубежных исследованиях эта особенность получила название «цифрового разрыва», но обсуждается в основном применительно к технологической некомпетентности со стороны обучающихся.

Опыт же первых шагов цифровизации в отечественном образовании ярко проявил неготовность педагогических кадров принять идеи новой техно-культуры и чиновников понять и использовать положительный потенциал цифровизации. Пока мы наблюдаем крайне упрощенный взгляд на развитие этих процессов в отечественном образовании. Так, Г.Л. Тульчинский отмечает: «Цифровые технологии рассматриваются как инструмент экономии на учебных часах. Электронные курсы администраторами понимаются как экономия на штатных преподавателях»²⁹⁶.

В этой связи, мы предлагаем ряд рекомендаций. Необходимо сотрудничество политической власти и научной мысли при разработке проектов модернизации образовательной сферы. Необдуманные реформы в столь важной сфере общественной жизни могут нанести непоправимый вред будущему нашей страны. Технологическим лидерам необходимо работать вместе с педагогами и воспитателями, «но не как миссионерам, несущим магические дары, а как сотрудникам, создающим новые возможности учиться»²⁹⁷.

Необходимо, отходя от крайних оценок перспектив развития современной культуры, представить дилемму нашего времени как, прежде всего, гуманитарную проблему статуса человека – сохранения его

---

²⁹⁶ Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 133.

²⁹⁷ Collins A., Halverson R. Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling. – New York: Teachers College Press, 2009. [Эл. ресурс] URL: https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WXNzKm4MEs&rank=1 (дата обращения: 20.01.2020).

центрального места в культуре, места творца и созидателя либо переадресацию этих функций технологиям, превращающим человека в бездумный придаток машины. Без развития гуманитарного знания, проведения гуманитарных экспертиз как способов научной оценки внедряемых технологических новаций выработать оптимальный вариант дальнейшего развития культуры невозможно.

Библиографический список

1. Артамонова Е.Г. Психологический портрет цифрового поколения России в системе образовательных отношений // Профилактика зависимостей. – 2017. – №1. – С. 15-20.
2. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 104-120.
3. Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. – 1997. – № 3. – С. 76–87.
4. Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: альтернативы и решения. – М.: Политиздат, 1983. – 224 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995. – 323 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России: Книга статей. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с.
7. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
8. Бесхмельницын М.И., Рогачев С.В., Заточная А.Д., Иванов А.В., Кононкова Н.П., Мерзликин Н.В., Сащенко Н.П., Сигарева Е.П. Цифровизация: завтра началось вчера / М. И. Бесхмельницын, С. В. Рогачев [и др.]; ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Проспект», 2020. – 32 с.
9. Блинов В.И., Дулинов М.В., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 72 с.
10. Богачева Т.Ю. Типология рисков интернет-пространства для здоровья подростков // Образование личности. – 2016. – № 1. – С. 54-59.
11. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.

12. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Пер. с франц. Н.Суслова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
13. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – 4-е изд. – М.: «Добросвет», Изд. «КДУ», 2011. – 392 с.
14. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 258-271.
15. Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: методическое пособие. — СПб.: СПбГУПМ, 2003. – 56 с.
16. Буданов В.Г. Новый цифровой жизненный техноуклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки – 2016. – № 6. – С. 47–55.
17. Булгаков С.Н. Философия имени. – СПб.: Наука, 1999. – 447 с.
18. Вейдт В.П. Цифровая грамотность учителя: трудности и перспективы вынужденной иммиграции в «цифру» // Нижегородское образование. – 2020. – № 2. – С. 102-110.
19. Ветров С.А., Конишевский Д.В. Цифровой двойник – воплощение // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 5. – С.69-72.
20. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 1948-1961. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
21. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социс. – 2018. – № 11. – С. 117-123.
22. Воронин А.А. Контуры гуманитарной экспертизы // Человек. – 2014. – № 1. – С. 81-92.
23. Голованова Н.Ф. Стоит ли воспитание «сбрасывать с парохода» цифрового образования? // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 1. – С. 20-25.

24. Головчин М.А., Соловьева Т.С. Влияние социокультурных и образовательных характеристик на интеллектуальный потенциал молодежи (на примере г. Вологды) // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск: УлГУ, 2010. – С. 99-100.

25. Горбачева А.Г. Социально-философский анализ влияния конвергирующих НБИКС-технологий на человека / Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2016. – 151 с.

26. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis) [монография]: / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги; ФНИСЦ РАН. – Электрон. текст. дан. (объем 7,5 Мб). – М.: ФНИСЦ РАН, 2019. – 263 с. – URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7555

27. Гофман А.А., Тимощук А.С. Философия и технология цифрового образования // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 1 (140). – С. 474-476.

28. Гофман А.А., Тимощук А.С. Цифровизация: между технологическими компетенциями и технократизмом // Социальная компетентность. – 2020. – Т. 5. № 1. – С. 54-64.

29. Гринфилд С. Ребёнок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию (интервью порталу Theory&Practice) [Эл. ресурс] URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryayet-sposobnost-k-soperezhivaniyu> (дата обращения: 22.02.2020).

30. Грузков В.Н., Грузков И.В. Духовное в образовательной деятельности: идеи и противоречия функционирования и реализации // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – №7. – С. 34-43.

31. Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы: Сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т пробл. освоения Севера, Центр

прикл. этики; Отв. ред. В. И. Бакштановский, Т. С. Караченцева; [Предисл. В. И. Бакштановского]. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1992. – 221 с.

32. Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы // Гуманитарная экспертиза: опыт исследования и проблемы. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М.: ИФРАН. – 245 с.

33. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU KidsOnline II в России [Эл. ресурс] / Г. Солдатова, Е. Рассказова и др. – М., 2012. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения: 10.12.2019).

34. Дорожкин А.М. О смысле модернизации образования // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – № 4 (4). – С. 63-67.

35. Дорожкин А.М., Савруцкая Е.П. Проблемное поле отечественного гуманитарного образования // Нижегородское образование. – 2013. – № 1. – С. 10-20.

36. Дубровский Д.И. Электронная культура. Кто против? // Философские науки. – 2017. – № 2. – С. 50-57.

37. Замалеев А.Ф. Курс лекций по истории русской философии. – СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2009. – 238 с.

38. Зейналов Г.Г. Смешанная объективно-виртуальная реальность как технологическая платформа развития современного образования // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2019. – № 10. – С. 33-36.

39. Зейналов Г.Г. Информатизация образования: анализ некоторых теоретических проблем // Гуманитарные науки и образование. – 2015. – № 3 (23). – С. 32-37.

40. Емелин В.А. Философско-методологический анализ трансформации идентичности человека в условиях развития технологий информационного общества / Дисс. ... докт. философ. наук: 09.00.08. – М., 2017. – 435 с.

41. Завьялов А.С. Цифровое искусство как объект социально-философского анализа / Дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.11. – М., 2017. – 228 с.
42. Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социс. – 2019. - № 5. – С. 119-128.
43. Иванова В.П., Еременко В.В. Интеллектуальная культура цифрового общества / Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей/ под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 151-155.
44. Ивашевский С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в образовательной культуре России: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. – 252 с.
45. Ивашевский С.Л., Саберова М.Ш. Национально-культурные особенности развития современной юридической науки в России // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С.130-135.
46. Ивашевский С.Л. Цифровизация гуманитарного знания: содержание, проблемы, перспективы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 223-226.
47. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.
48. Ильин И.А. О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике. – М.: Амрита, 2018. – 224 с.
49. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий. – М.: Эксмо, 2007. – 526 с.
50. Интервью старшего помощника Председателя Следственного комитета Российской Федерации Игоря Комиссарова газете «Известия»

29 ноября 2018 г. [Эл. ресурс] URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1276735> (дата обращения: 10.01.2020).

51. Ионин Л.Г. Понимание и экспертиза // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 48–57.
52. История русской философии: Учебник для вузов / Под редакцией Маслина М.А. – М.: Республика, 2001. – 639 с.
53. Каргаполов С.В. Формирование электронной культуры студенческой молодежи современного российского региона: социологический анализ / Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Волгоград, 2019. – 168 с.
54. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
55. Касьян А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение: Монография. – Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. – 184 с.
56. Келле В.Ж. Наука как феномен культуры // Наука и культура. – М.: Наука, 1984. – С.5–16.
57. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Московский сборник / изд. подг. В.Н. Греков. – М.: Наука, 2014. – С. 285–334.
58. Климова С.М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. – 2017. – № 4. – С. 68-80.
59. Козырьков В.П. Гуманитарная экспертиза в контексте культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2007. – № 2. – С. 310–314.
60. Козырьков В.П., Свадьбина Т.В., Немова О.А. Атрибутивные качества человека в условиях революции техносферы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 2. – С. 15-25.

61. Козырьков В.П. Социальная и социально-гуманитарная экспертиза: Учебное пособие (по материалам лекций). – Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2017. – 182 с.

62. Корешникова Ю.Н. Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 91-110. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.06> (дата обращения: 24.01.2020).

63. Коршунова С.А. Трансформация современной молодежной субкультуры в условиях развития цифрового общества // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 6. – С. 77-81.

64. Космарский А.А., Картавец В.В., Подорванюк Н.Ю., Боде М.М. Трайбы и транспарентность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 6. – С. 65-90. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>.

65. Костоломова М.В. Трансгуманизм: от идей к парадигме // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 6. – С. 17-22.

66. Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // Социологические исследования. – 2019. № 10. – С. 48–57.

67. Кругляков Э.П. Чем угрожает обществу лженаука? // Наука – неисчерпаемый ресурс. Материалы дискуссий в Президиуме РАН. Под общ. ред. Н.А. Платэ. – М.: Academia, 2006. – С.166-194.

68. Кузьмина Д.Ю., Пруденко Я.Д. Гуманитарные науки в цифровой век // Цифровая культура. – 2012. Выпуск № 3(8). – С. 17–23. [Эл. ресурс] URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 12.04.2020)

69. Кутырев В.А. Бытие или ничто. – СПб: Издательство «Алетейя», 2009. – 496 с.

70. Кутырев В.А. О судьбе управления и права в цифровом обществе // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 278-281.
71. Левашов В.К., Гребняк О.В. Цифровая культура российского общества и государства // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 79-89.
72. Левашов В.К., Сарьян В.К. Цифровизация и безопасность: проблемы и решения // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – № 1. – С. 37-46.
73. Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.
74. Ломбина Т.Н., Юрченко О.В. Особенности обучения детей с клиповым мышлением // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 1. – С.45-50.
75. Луков В.А. Гуманитарная экспертиза: от теории к практике // Проблемы гуманитарной экспертизы. – 2006. – № 4. – С. 197-200.
76. Лукша П., Кубиста Д., Ласло А., Попович М., Ниненко И. Образование для сложного мира: зачем, чему и как: Доклад о форуме Global Education Leaders' Partnership Moscow, 2018. – 127 с.
77. Луман Н. Медиа коммуникации / Пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Изд. «Логос», 2005. – 280 с.
78. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
79. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. – Изд. 2-е. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2013. – 496 с.
80. Манифест Digital Humanities [Эл. ресурс] URL: <https://tcp.hypotheses.org/501> (дата обращения: 12.02.2020).
81. Манифест о цифровой образовательной среде: Некоммерческая инициатива проекта Edutainme. [Эл. ресурс] URL: <http://manifesto.edutainme.ru> (дата обращения: 02.02.2019).

82. Мариносян Х.Э. Электронная цивилизация как глобальная перспектива // *Философские науки* – 2016. – №6. – С. 7-31.
83. Маркузе Г. Одномерный человек // *Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества*; пер. с англ. А. А. Юдина; сост. В. Ю. Кузнецова. – М.: АСТ, 2003. – С. 251-515.
84. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. – 541 с.
85. Масланов Е.В. Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий: новые вызовы или обострение старых проблем? // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. – Т. 2, № 1. – С. 6-21.
86. Мачерет Д.А. «Цифровой социализм» или расширение свободы индивида? // *Общественные науки и современность*. – 2019. – №2. – С. 54-65.
87. Маякова А.В. Идентификация и прогнозирование социокультурных рисков современной антропотехносферы // *Alma mater. Вестник высшей школы*. – 2019. – № 7. – С. 56-59.
88. Миронов В.В., Сокулер З.А. Тоска по истинному бытию в цифровой культуре // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. – 2018. – № 1. – С. 3-22.
89. Мобильные телефоны в школах: запретить или оставить [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9803> (дата обращения: 30.06.2020).
90. Моисеев В.Н. Новые медиа: философия взаимодействия человека и современных технологий / *Дисс. ... канд. философ. наук: 09.00.13*. – М., 2016. – 138 с.
91. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: «Молодая гвардия», 1990. – 351 с.
92. Мурашева К. Digital Humanities — что это? [Эл. ресурс] URL: <https://sciencepop.ru/digital-humanities-chto-eto/> (дата обращения: 12.04.2020).

93. Навстречу переменам: семь задач цифровизации российского образования [Эл. ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/trends/education/5d9ccba49a7947d5591e93ee> (дата обращения: 7.04.2020).

94. Назарова Ю.В., Анищенко О.С. Новая цифровая этика в виртуальном пространстве: дилеммы контроля и этической экспертизы // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2019. – № 4 (32), том 1. – С. 23-31.

95. На игре: социальные эффекты компьютерной игромании [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9889/> (дата обращения: 12.03.2020).

96. Налетова Н.Ю. Цифровизация образования: «за» и «против», текущие и имманентные проблемы // Педагогика. – 2020. – № 1. – С.43-47.

97. Наука в информационном обществе. – СПб.: ЮНЕСКО, Изд-во РНБ, 2004. – 102 с.

98. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М: АСТ: Траюиткнига, 2005. – 381 с.

99. Нечаев В.Д., Дурнева Е.Е. «Цифровое поколение»: психолого-педагогическое исследование проблемы // Педагогика. – 2016. – № 1. – С. 36-45.

100. Никандров Н. Ценности в системе образовательной культуры России / Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии. Монография. Кол.авт.; Под общ. ред. О.А. Колобова. – Бейрут/Н.Новгород: Изд-во НИМ «Махинур», 2006. – С. 189-195.

101. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 208 с.

102. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России.– Москва, 2020. – 744 с.

103. О внесении изменений в статью 15-1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» Федеральный закон от 18.12.2018 № 472-ФЗ [Эл. ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812180020?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 12.12.2019).

104. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ [Эл. ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 13.12.2019).

105. Орлова И.Б. Человек в технологизированном мире // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – №6. – С. 70-77.

106. Орлова Л.В. Интеллектуальная пассивность и цифровое слабоумие / Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. – С. 308 – 310.

107. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2008. – 352 с.

108. Ортега-и-Гассет Х. Запах культуры. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 384 с.

109. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 144 с.

110. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. (Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) [Эл. ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/5416a7ecf3afe3ff052deb74264bbf282e889ef/ (дата обращения: 20.04.2020).

111. Очеретяный К.А. Компьютерные игры: формы цифрового опыта // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 66-77.
112. Парилов О.В. Русская идея: от Древней Руси к Новому времени: Монография. – Н.Новгород: НПА, 2005. – 256 с.
113. Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект: ключ к будущему? // Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 96-113.
114. Пинчук А.Н. Образовательные практики в механизмах адаптации к цифровым трансформациям: концептуальные идеи и методологические подходы // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 1. – С. 95-114. [Эл. ресурс] URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1165> (дата обращения: 16.04.2020).
115. Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9587> (дата обращения: 12.05.2020).
116. Подъячев К.В. Об аксиологических основаниях социального действия в условиях цифровой экспансии (на примере российских локальных сообществ) // Цифровизация общества и будущее христианства: Материалы V Международной научной конференции 24.01.2019 / [Отв. ред. И. П. Рязанцев, ред.-сост. Р. М. Плюснин]. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 106–113.
117. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 г. № 317 «О реализации национальной технологической инициативы». [Эл. ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71380666/> (дата обращения: 02.02.2020).
118. Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн. [Эл. ресурс] URL: <https://socialresearch.ru/posts/68-prepodavateli-vyskazali-svoe-mnenie-o-vynuzhdennom-perekhode-obrazovatel-nogo-protsesssa-v-onlajn> (дата обращения: 30.06.2020).
119. Приключения технологий: барьеры цифровизации в России: [монография] / Л. В. Земнухова [и др.]. – М. – СПб.: ФНИСЦ РАН, 2020. – 282 с.

120. Приоритетный проект в сфере «Образование» «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» (утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 25.10.2016 № 9) [Эл. ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71677640/> (дата обращения: 02.02.2020).

121. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р): [Эл. ресурс] URL: <http://base.garant.ru/71734878/#ixzz5f82E9EkM> (дата обращения 12.02.2020).

122. Пучковская А. Педагогика в цифре: как и зачем используют цифровые технологии в гуманитарных науках: [Эл. ресурс] URL: <http://news.ifmo.ru/ru/education/trend/news/7330/> (дата обращения 2.08.2019).

123. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки – 2016. – №6. – С.32-46.

Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – №6. – С.35-47. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (дата обращения 20.12.2019).

124. Родионова В.И. Социально-философский анализ технологизации социальных практик в современном обществе / Автореф. дисс. ... докт. философ. наук: 09.00.11. – Ставрополь, 2015. – 45 с.

125. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый / Уединенное. Т. 2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 275-418.

126. Розанов В.В. Собрание сочинений. – Т.18. Старая и молодая Россия; под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, 2004. – 469 с.

127. Розанов В.В. Сумерки просвещения / Сост. и вступ. ст. В.Н. Щербакова. – М.: Педагогика, 1990. – 620 с.

128. Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Дорожкин А.М., Устинкин С.В. Образование. Культура. Язык: Монография / Под общей ред. Е.П. Савруцкой. – Н. Новгород: НГЛУ; СПб.: РХГА, 2014. – 232 с.
129. Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Викулина М.А., Макшанцева Н.В. Институты образования и молодежь: на пути устойчивого развития общества: Монография / Под общей ред. Е.П. Савруцкой. – Н. Новгород: НГЛУ, 2017. – 185 с.
130. Савруцкая Е.П., Жигалев Б.А., Никитин А.В., Устинкин С.В. Современный мир и молодежь: ценности, риски, угрозы: Монография. Т.1 / Под общей ред. Савруцкой Е.П. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – 268 с.
131. Самостиенко Е. В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 37-45.
132. Свадьбина Т.В., Немова О.А. Киборг против человека - вызов брошен // Философия социальных коммуникаций. – 2015. – № 3 (32). – С. 58-66.
133. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Эл. ресурс] // Наукovedение: интернет-журнал. – 2014. – Вып. 5 (24). URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 27.01.2019).
134. Сергейчик Е.М. Речь, текст и образ в перспективе цифрового образования // Педагогика. – 2020. – №1. – С. 5-15.
135. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 216 с.
136. Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы // Человек. – 1991. – № 1. – С. 86-94.
137. Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) // Социс. – 2015. – № 6. – С. 91-101.

138. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Цифровая культура. – 2012. Выпуск № 3(8). – С. 6-10: [Эл. ресурс] URL: www.culturalresearch.ru (дата обращения: 12.04.2020).
139. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно–исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т.9. – № 3. – С.71-80.
140. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.
141. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: РАН, 1994. – 274 с.
142. Степин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
143. Строков А.А., Горбачев В.В. Патриотизм в цифровой культуре // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле: Материалы Международной научно-практической конференции 11-12 марта 2020 г. / Под ред. И.А. Савченко; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ, 2020. – С. 99-101.
144. Строков А.А. Гуманитарная безопасность России в условиях цифровизации образования [Эл. ресурс] // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2020. – № 1 (33). – С. 156-163. URL: [https://tsput.ru/fb//hum/2020/№1\(33\)/155/index.html](https://tsput.ru/fb//hum/2020/№1(33)/155/index.html)(дата обращения: 12.08.2020).
145. Строков А.А. Социальные проявления цифровой культуры // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т.15, № 4. – С. 46-52.
146. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы [Эл. ресурс] // Вестник Мининского университета. – 2020. – Т. 8, № 2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1081/774> (дата обращения: 17.06.2020).

147. Субетто А.И. Онтология и феноменология педагогического мастерства. Книга первая. – Тольятти: Изд-во фонда «Развитие через образование», 1999. – 208 с.
148. Сулима И.И. Антропология диалектики образования и традиции // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – № 3(11). – С. 3-12.
149. Сулима И.И. Бытийный статус языка в образовании [Эл. ресурс] // Вестник Мининского университета. – 2019. – Т. 7. № 4. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1047/762> (дата обращения: 27.01.2020).
150. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – №2. – С. 5-17.
151. Талёб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – 736 с.
152. Татьяна Черниговская: с мозгом надо делать то же самое, что и с телом. [Эл. ресурс] URL: <https://www.ntv.ru/novosti/1753217/> (дата обращения: 10.12.2019).
153. Терентьев А.А. Российская цивилизация: уроки исторического опыта и современности. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 416 с.
154. Терентьев А.А. Российская школа: становление, развитие, перспективы (социально-философские проблемы). – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1997. – 119 с.
155. Тетради гуманитарной экспертизы (2). Медиа этос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов. Попытка понимания. (Материалы семинара) / Отв. ред. В.И. Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999. – 95 с.
156. Тимошук А.С. Информатизация образовательной среды: борьба за внимание молодёжи // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2020. – № 1 (27). – С. 91-105.

157. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник / Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
158. Тоффлер Э. Шок будущего: пер с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 557 с.
159. Треушников И.А. Проблема «Запад-Восток» в философии всеединства (В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский): Монография. – М.: Изд. дом «Городец», 2009. – 320 с.
160. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2019. – 343 с.
161. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 121-136.
162. Тульчинский Г.Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. – 2018. – № 11. – С. 28-43.
163. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Эл. ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 02.02.2020).
164. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». [Эл. ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919/page/1> (дата обращения: 02.02.2020).
165. Фатенков А.Н. С цифровыми технологиями — в бесчеловечное будущее // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 217-219.
166. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об образовании в Российской Федерации». [Эл. ресурс] URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/> (дата обращения: 02.02.2020).
167. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т. 2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – 447 с.

168. Фортунатов А.Н. Медиареальность: в плену техногуманизма. – Н. Новгород: ННГУ, 2009. – 212 с.
169. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
170. Франц А.Б. Кто закажет экспертизу? / Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – С. 210-215.
171. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2018. – 288 с.
172. Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 97-104.
173. Фромм Э. Революция надежды / пер. с англ.; предисл. П.С. Гуревича. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с.
174. Хайдеггер М. Вопрос о технике / «Время и бытие» (статьи и выступления). – М.: Республика, 1993. – С. 121-137.
175. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46-63.
176. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Изд. АСТ, 2015. – 571 с.
177. Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России / Полное собрание сочинений. – М., 1911. – Т. 1. – С. 347-370.
178. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С.5-35.
179. Черкесова К.И. Социокоды культуры и современные технологии хранения информации / Дисс. ... канд. философ. наук: 24.00.01. – Белгород, 2018. – 135 с.
180. Чернышов А.Г. Стратегия и философия цифровизации // Власть. – 2018. – № 5. – С.13-21.

181. Четверикова О.Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 420 с.
182. Чижик А.В. Новые медиа форматы в массовой культуре эпохи цифровых технологий: культурологический анализ / Автореф. дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01. – М., 2018. – 36 с.
183. Шапошников Л.Е., Париков О.В., Пушкин С.Н. Проблема соотношения общечеловеческого и национального в истории русской мысли. – Н. Новгород, Москва: Издательство: Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, ООО «ФЛИНТА», 2020. – 324 с.
184. Шапошников Л.Е. Персоналистические центры русской религиозной философии XIX-XX вв.: Монография. – Н.Новгород, 2015. – 390 с.
185. Шваб К. Четвёртая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 288 с.
186. Шитов С.Б. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации экономики (социально-философский взгляд) // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2019. – № 8. – С. 20-22.
187. Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности [Эл. ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9874> (дата обращения: 30.06.2020).
188. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / Пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
189. Шпенглер О. Закат Европы. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 1376 с.
190. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. – М.: АСТ, 2014. – 284 с.

191. Цыцарев А.А. Социокультурные основания гуманитарной экспертизы / Автореф. дисс.... канд. философ. наук: 24.00.01. – Комсомольск-на-Амуре, 2012. – 23 с.
192. Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей / Отв. ред. П.Д. Тищенко. – М.: Изд. дом «Навигатор», 2014. – С.159-173.
193. Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной. [Эл. ресурс] URL: http://www.zpu-journal.ru/gumtech/expert_exam/articles/2007/Yudin (дата обращения: 20.01.2020).
194. Ярославцева Е.И. Философия цифрового пространства // Гуманитарные чтения РГГУ – 2008. Конференции. Научные семинары. Сборник материалов. – М.: РГГУ, 2009. – С. 71-89.
195. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
196. Barglow R. The Crisis of the Self in the Age of Information: Computers, Dolphins and Dreams. – London - N.Y.: Routledge, 1994. – 227 p.
197. Broadbent S. Approaches to Personal Communication. – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. – London: Berg, 2012. – P. 127-146.
198. Brown J.S. Growing up digital: How the web changes work, education, and the ways people learn // Change The Magazine of Higher Learning. – 2000. – № 32. – P.10-20.
199. Carr Nicholas. The Shallows: How the Internet Is Changing the Way We Think, Read and Remember. - Atlantic Books Ltd., 2010. – 300 p.
200. Collins A., Halverson R. Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling. – New York: Teachers College Press, 2009. [Эл. ресурс] URL: https://www.goodreads.com/book/show/6705342-rethinking-education-in-the-age-of-technology?ac=1&from_search=true&qid=WxNzKm4MEs&rank=1 (дата обращения: 20.01.2020).

201. Cross J. An informal history of eLearning [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/240601967_An_informal_history_of_eLearning (дата обращения: 20.01.2020).
202. Horst H.A. New Media Technologies in Everyday Life. – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. – London: Berg, 2012. – P. 61-79.
203. Kaplan J. Humans need not apply: A guide to wealth and work in the age of artificial intelligence. - New Haven, CT: Yale University Press, 2015. - 256 p.
204. Lundie D. The givenness of the human learning experience and its incompatibility with information analytics // Educational Philosophy and Theory. - 2015. - P. 1-14.
205. Malsch T. Sozionik: Soziologische Ansichten über Künstlicher Sozialität / Ed. by T. Malsch. - Berlin: Edition Sigma, 1998. - 393 p.
206. Miller D., Horst H.A. The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology. – In: Horst H.A., Miller D. (eds.) Digital Anthropology. – London: Berg, 2012. – P. 3-38.
207. Negroponte N. Being Digital, First Vintage Books: [Эл. ресурс] URL: <http://governance40.com/wp-content/uploads/2018/12/Nicholas-Negroponte-Being-Digital-Vintage-1996.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).
208. Polletta F. Participatory Enthusiasms: A Recent History of Citizen Engagement Initiatives // Journal of Civil Society. - Vol. 12. No. 3. – P. 231-246. [Эл. ресурс] URL: <https://doi.org/10.1080/17448689.2016.1213505> (дата обращения: 20.02.2020).
209. Tapscott D. Growing Up Digital: The Rise of the Net Generation. – New York; London: McGraw Hill, 1998. – 256 p.
210. Turkle S. Alone Together: Why we expect more from technology and less from each other. – New York: Basic Books, 2011. – 384 p.
211. Youth, Identity and Digital Media / edited by D. Buckingham. – Massachusetts: MIT Press, 2008. – 206 p.